

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1911.

№ 4.

ФЕВРАЛЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

О святости. Свящ. В. Платонова	421—440
Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ. В. Доброславскаго	441—458
Дуэль, ея исторія и критическая оцѣнка съ научно-богословской точки зрѣнія. (Окон.). Проф.-прот. Н. Стеллецкаго	459—478
Развѣнчаніе католицизма. К. Шебатинскаго	479—495
Натуралистическій монизмъ Геккеля. (Продолженіе). Свящ. Николая Липскаго	496—510
Факты и воспоминанія изъ школьной жизни герцоговнца. (Продолженіе). Прот. І. Пичеты	511—524

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отчетъ Братства св. Амвросія Медиоланскаго, за періодъ времени отъ 21 сентября 1909 года по 7 декабря 1910 года.—Отъ Богодуховскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Училищнаго Совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича Строительнаго Комитета по сооруженію въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ храма въ С.-Петербургѣ.—II.—Муки ада. (Слово). (Окончаніе). *Свящ. Николая Чепурина*.—Пьянство—зло физическое и нравственное. *Свящ. А. Сагарды-Николенко*.—Миссіонерскій листокъ.—Протоколъ Миссіонерскаго Съѣзда духовенства 3-го округа Изюмскаго уѣзда.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—Стр. 525—562.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1911.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересыпкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1910 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ **семь рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

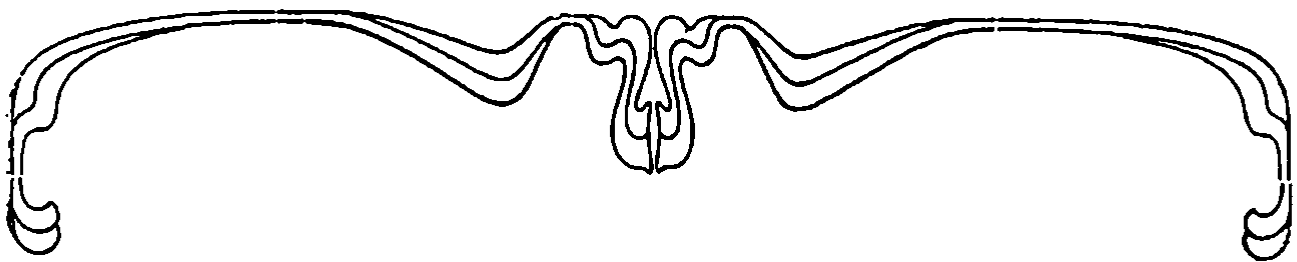
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 28 Февраля 1911 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

О СВЯТОСТИ.

Общее опредѣленіе понятія.

Одинъ и тотъ же предикатъ или эпитетъ святости языкъ человѣческой приписываетъ разнымъ, иногда даже противоположнымъ, предметамъ и вещамъ міра „бытія и быванія“.

Есть святость Божія, есть святость человѣческая, усвоается святость и извѣстной категоріи вещамъ,

Можно было бы, конечно, дать опредѣленіе всѣмъ указаннымъ видамъ святости. Но трудность и обширность такой задачи побуждаетъ, во избѣжаніе недостаточнаго и сбивчиваго ея исполненія въ небольшомъ очеркѣ, ограничиться опредѣленіемъ одного какого-либо вида святости.

Въ настоящемъ случаѣ мы постараемся уяснить себѣ признаки святости собственно человѣческой. И при томъ, именно, святости христіанскихъ подвижниковъ, потому что 1) духовная жизнь такихъ лицъ освящена для насъ: или ихъ собственными описаніями колебаній и роста ея, или наблюденіями ихъ состояній со стороны близкихъ лицъ; 2) жизнь аскетическая, подобная въ той или иной степени жизни подвижниковъ, можно думать, по большому своему удобству и наивысшему психологическому значенію (Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. Москва. 1910. Стр. 359), должна быть предметомъ подражанія для всякаго человѣка, желающаго спастись; 3) наконецъ, она не представляетъ собою такого экстремально-ординарнаго явленія, какъ, напримѣръ, мученичество.

И вотъ, обращаясь теперь къ опредѣленію понятія святости, намъ, прежде всего, необходимо указать, къ какой

категоріи психо-физическихъ обнаруженій жизни человѣка она относится.

Этому требованію, думается, до нѣкоторой степени удовлетворяетъ самое названіе „святость“.

Термины: „святость, быть святымъ, святиться“ не заключаютъ въ себѣ вполне яснаго указанія: ни на исключительно-пассивное отношеніе одного субъекта къ другому, хотя таковое несомнѣнно преобладаетъ; ни лишь на собственное дѣйствіе субъекта, хотя оно и не отрицается.

Термины, слѣдовательно, констатируютъ извѣстное опредѣлившееся конечное положеніе, или, лучше сказать, состояніе субъекта, которое представляетъ изъ себя нѣчто среднее, происшедшее отъ активнаго воздѣйствія на человѣка со внѣ и самостоятельной работы послѣдняго, съ цѣлью получить это воздѣйствіе.

То же самое позволяетъ намъ установить и терминологию древнихъ.

Интересуясь значеніемъ словъ *kadosch*, *ἅγιος*, *ἁγιότης* *sanctus sanctitas* ¹⁾ мы видимъ, что по нимъ святость является слѣдствіемъ дѣйствія въ извѣстномъ индивидѣ двухъ силъ: внѣшней—Божественной и внутренней—собственной. Кажется, только *kadosch* главнымъ образомъ и почти исключительно указываетъ на наличность Божественнаго воздѣйствія на человѣческую дѣятельность.

Мало того, самый терминъ процесса приложенія въ жизнь названныхъ силъ *ἁγιασμός*—по употребленію своему въ Новомъ Завѣтѣ предполагаетъ тоже: активное воздѣйствіе на человѣка (1 Петр. 1, 2; 2 Сол. 2, 13 и др.), и собственную дѣятельность послѣдняго для воспріятія названнаго воздѣйствія (напр. Евр. 12, 14. см. Suiceri 1, 57; Cremer, 63).

Отсюда, значитъ, наиболѣе общимъ опредѣленіемъ *святости* *человѣческой* будетъ то, что она есть *конечное (можетъ быть и законченное до возможной степени совершенства) пси-*

¹⁾ Scheusner. Lexicon in Novum Testamentum, pars I. p. 20—23. Levy. Chaldäisches Wörterbuch. B. 2, p. 347—8. Gesenii. Thesaurus philologicus p. 1195—8. Suiceri. Thesaurus ecclesiasticus. B. 1. стр. 57—63. Hamburger Encyclopädie d. Judentums B. I. стр. 507—9. Cremer. Biblisch-Theolog. Wörterbuch, 45—58. Herzog Real-Encyclopädie 1-e и 2-e изд.—Heiligung.

хо-физическое состояніе чловѣка, происшедшее отъ освященія его со стороны Бога и собственной дѣятельности чловѣка.

Но такъ какъ, съ одной стороны, воздѣйствіе Бога на чловѣка и подчиненіе послѣдняго можетъ быть лишь при наличности религіозной связи между Богомъ и чловѣкомъ; съ другой—очищеніе себя собственными усиліями отъ всякой скверны въ нравственномъ отношеніи возможно при существованіи у чловѣка сознанія нравственнаго закона и стремленія осуществить его, то указанное опредѣленіе состоянія *святости* должно быть восполнено новымъ признакомъ и охарактеризовано, какъ *религіозно-нравственное состояніе* ¹⁾.

Святость, какъ плодъ воздѣйствія Бога на чловѣка.

Опредѣливъ общую точку зрѣнія на интересующій насъ предметъ, перейдемъ къ болѣе детальному разсмотрѣнію существа дѣятельности Бога и чловѣка, результатомъ котораго является святость ²⁾.

И такъ, что такое святость, какъ слѣдствіе Божественнаго воздѣйствія на чловѣка?

Впрочемъ, въ виду нерѣдко чрезмѣрнаго увлеченія современнаго чловѣка своими силами, должно попутно разрѣшить такой напрашивающійся принципіальный вопросъ: да необходимо ли нужно такое воздѣйствіе? Вѣдь святость чловѣческая является его извѣстнымъ состояніемъ; не есть ли потому она и призведеніе только чловѣческое?!..

Дѣйствительно, для чловѣка начертанъ идеаль въ видѣ ветхозавѣтнаго положенія: „святые будьте, ибо святъ Я Господь Богъ вашъ (Лев. 19, 2)“, или новозавѣтнаго—„будьте

¹⁾ См. Stemer'a, который устанавливаетъ за святостью понятіе религіознаго (стр. 46) и Hamburger'a, возвышающаго нравственную сторону состоянія святости (стр. 508). Кстати сказать, и Джемсъ разумѣетъ подъ святостью „созрѣвшіе плоды религіознаго состоянія (Многообразіе, стр. 259)“.

²⁾ Замѣтимъ однако, что, позволяя себѣ отдѣлнить одну дѣйствующую силу отъ другой, мы такъ поступаемъ не потому, что подобное отдѣленіе можно установить эмпирически. Нѣтъ, этого мы достигаемъ только въ абстракціи. Въ дѣйствительности же соотвѣтствіе силъ едва ли можно разграничить, едва ли можно каждой указать точное, подобающее мѣсто.

совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный (Мѡ. 5, 48)“, или, наконецъ, въ видѣ инстинктивнаго неяснаго ощущаемаго стремленія впередъ, къ совершенствованію во всѣхъ отношеніяхъ.

Но увы! Обычное эмпирическое состояніе нашего сознанія состоитъ изъ безпрестанной смѣны внутреннихъ процессовъ („перемѣнчивое“ по Кассіану.—Добротолюбіе, т. 2, стр. 949), изъ ряда ощущений, чувствованій, идей и образовъ, которые соединяются и отталкиваются, слѣдуя извѣстнымъ законамъ (Рибо. Психологія вниманія, стр. 6. Психологія чувствъ, стр. 26). Стремленіе къ идеалу есть одно изъ такихъ многихъ состояній.

При попыткѣ къ собственной реализаціи въ соотвѣтствующихъ волевыхъ актахъ, стремленіе это вступаетъ въ борьбу съ противоположными состояніями души, которыя 1) часто бываютъ болѣе сильными, живыми, упроченными ассоціативнымъ путемъ ¹⁾; 2) скорѣе и легче удовлетворяютъ одному изъ основныхъ качествъ человѣческой жизни: въ приложеніи внутреннихъ и внѣшнихъ данныхъ идти по направленію наименьшаго сопротивленія.

Вотъ почему, при желаніи самолично достигнуть извѣстнаго идеала, „я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ Законъ Божіемъ; но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ (Рим. 7, 21—23)“...

Вотъ почему... человѣкъ не можетъ по природѣ сознать себя иначе, какъ ограниченнымъ. Во внѣшнемъ мірѣ предѣлъ ему полагается въ видѣ вещей и предметовъ макрокосма; въ немъ самомъ—я эмпирическое ограничивается идеальнымъ. Не говоримъ уже о таинственныхъ силахъ, которыя въ то или иное время имѣютъ къ нему несомнѣнное

¹⁾ Это то, о чемъ пишетъ Епископъ Теофанъ; „Рѣшимость жить по христіански не бываетъ окружена въ человѣкѣ благопріятствующими ей стихіями; и при этомъ весь человѣкъ, его тѣло и душа, остаются не приспособленными къ новой жизни, непокорными игу Христову; потому съ сей минуты начинается у человѣка потовый трудъ—образовать всего себя, всѣ свои силы по христіански. Это путь самопротивленія и самопринужденія (Путь ко спасенію. Введеніе. Стр. 7—8)“...

отношеніе, но понять, обнять и воспринять которыя онъ не можетъ...

Правда, человекъ переступаетъ эту грань мыслью и желаніемъ. Но... фактически, собственными усиліями перейти не можетъ. „Бѣдный я человекъ! Кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ (24). Его воображеніе начертываетъ въ такія минуты Образъ Всесовершенной Личности, надѣленной тѣми или другими нужными для человека предикатами, а чувство безусловной зависимости, интимной связи между Верховной силой и нашей жизнью пробуждаетъ въ немъ желаніе добровольно подчиниться этой силѣ (Джемсъ, стр. 260), войти въ общеніе съ ней, надѣяться на полученіе потребнаго и, ... испытать утѣшеніе при происшедшемъ воздѣйствіи духа на духъ ¹⁾.

Отсюда „корень святости человеческой, понятно, лежитъ въ идеѣ святости Божіей. На основаніи святости Бога человекъ долженъ освящаться чрезъ то же самое и для того же самаго, т. е. чрезъ и для освященія ²⁾. „Такъ какъ идея святости Божіей выражаетъ не только отрицательное поведеніе, по которому Онъ чуждъ всего нечистаго, пошлаго, грѣховнаго, но и въ высшей степени положительное поведеніе, по которому Онъ, сообразно своему Существо, создаетъ общую святость“ (Herzog, 1 изд. Cremer, стр. 62),—то въ такой же двойной формѣ происходитъ и вспомоществованіе Бога (частіе Духа Святаго, какъ принципа освященія— (Herzog, 1 изд.) человеку при достиженіи святости.

Не останавливаясь на томъ, какимъ образомъ (внѣшнимъ чрезъ предметы и явленія внѣшняго міра или путемъ внутренняго—непосредственнаго воздѣйствія) Богъ ведетъ человека къ святости,—такъ какъ дѣйствительно формы для него разнообразны,—мы въ числѣ начальныхъ актовъ отрицательной формы *освященія* укажемъ воздѣйствіе Бога на человека въ видѣ *отдѣленія* его отъ того, что несвойственно, противоположно Богу, *обособленія и избранія для Себя* ³⁾.

¹⁾ Не должно забывать, что мы беремъ во вниманіе искренно-религіознаго человека, стремящагося уже достигнуть святости.

²⁾ Herzog, 1 изд. слово Heiligung. Тоже и у Cremer'a стр. 54.

³⁾ Освященіе отрицаетъ мірское отношеніе людей къ объекту освященія и устанавливаетъ свое положительное религіозное отношеніе. Herzog, 1 изд.).

Съ точки зрѣнія христіанскихъ аскетовъ въ это время происходитъ пробужденіе человѣка. Оно есть „такое дѣйствіе благодати Божіей въ сердцѣ человѣка“, говоритъ еп. Теофанъ, „вслѣдствіе котораго онъ, какъ отъ сна пробужденный, видитъ свою грѣховность, чувствуетъ опасность своего положенія, начинаетъ страшиться за себя и заботиться о томъ, какъ бы избавиться отъ своей бѣды и спастись,“ (Путь, стр. 80). „Благодать пришедши“, какъ бы продолжаетъ Касіанъ, „возстановляетъ въ человѣкѣ высшія стремленія, отрѣшающія отъ всего земного. Подвергаясь вліянію ихъ, воля не можетъ уже оставаться такою равнодушною и теплохладною, но воспріемлетъ ревность о лучшемъ и ему приносить въ жертву все низшее“. (Добротолубіе, т. 2, стр. 13).

Въ концѣ концовъ это отдѣляющее и пробуждающее дѣйствіе благодати Божіей дѣлаетъ то, что человѣкъ не чувствуетъ совершенно никакой потери отъ разрыва съ обществомъ, съ міромъ; все подобное ему замѣняетъ сообщество съ Богомъ (Грассери. Психологія религій. стр. 317. Джемсъ. Многообразіе, стр. 263).

Далѣе. Богъ святъ по своей противоположности ко грѣху. (Herzog, 2 изд.). Потому Онъ и на человѣка дѣйствуетъ такъ, что постепенно освобождаетъ его отъ того или другого вида грѣха, освобождаетъ отъ силы его въ человѣкѣ; сообщаетъ возможность и впредь пребывать въ человѣкѣ противоположности ко грѣху, хотя самая жизнь въ подобіи плоти грѣха и остается. Цѣль освященія здѣсь та, чтобы сдѣлать человѣка въ жизни похожимъ на Того, Кто его признаетъ (ibid).

Вспомогательнымъ средствомъ на этомъ пути служить между прочимъ таинство покаянія. Самое дѣйствіе благодати, по описанію аскетовъ, напр. Еп. Теофана, усиливается по мѣрѣ того, какъ самъ человѣкъ показываетъ въ себѣ рѣшимость пребывать внѣ грѣха, по принесеніи сердечнаго раскаянія въ прежде содѣланномъ. (См. подробнѣе въ „Пути“, стр. 149—156). А у Исаака Сирина, по словамъ того же епископа, содержится изображеніе того, какъ Богъ постепенно вводитъ очищаемаго все болѣе и болѣе въ скорби чистительныя и какъ разогрѣваетъ въ немъ духъ сокрушенія. (Путь, стр. 296). Наравнѣ съ уничтоженіемъ видовъ грѣха и его силы, благодать все болѣе и болѣе возвращаетъ ду-

шевные силы человѣка къ ихъ первобытной чистотѣ. Чрезъ сообщеніе духовной энергіи усовершенствуетъ, укрѣпляетъ ихъ въ отношеніи къ добруму, „вмѣняетъ исполненное дѣйствіе въ смыслѣ постояннаго пребыванія“ (Herzog, изд. 2).

Наконецъ, въ извѣстное время и при извѣстномъ (о чемъ ниже) психо-физическомъ развитіи, процессъ освященія заканчивается полнымъ оправданіемъ, каковое производится въ силу присущихъ Божеству свойствъ: правды и милости. Человѣку сообщается состояніе непреклонной противоположности грѣху, устойчиво поступательное состояніе съ наличностью продолжающагося стремленія къ совершенству, къ Богоуподобленію; т. е., онъ спасается.

Присоединяя данныя, которыя мы только что установили, къ прежнему общему опредѣленію святости, получимъ слѣдующее.

Святость есть конечное религиозно-нравственное состояніе человѣка, изъятаго благодатію Божіею изъ міра (въ смыслѣ умерщвленія въ немъ всѣхъ „не божественныхъ отношеній къ міру“—(Herzog, 1 изд.), очищеннаго отъ грѣха и его силы и укрѣпленнаго въ непоколебимомъ стремленіи къ Богоуподобленію...

Святость, какъ плодъ дѣятельности самого человѣка.

Отправляясь вновь отъ значенія словъ: „святой“, „святость“, мы должны констатировать, что въ отношеніи къ человѣку терминологія устанавливаетъ наличность невозможной нравственной чистоты отъ всякой скверны. (См. соотвѣтствующіе пункты въ указанныхъ словаряхъ). Впрочемъ, достиженіе такой чистоты, достиженіе святости, не предполагаетъ нужды въ разныхъ внѣшнихъ предварительныхъ приготовленіяхъ, случаяхъ, матеріалахъ, предшествующей благопріятной среды для воздѣйствія, арены, какая святого ожидаетъ; толпы, которая его прославляетъ и т. д.. (Жоли. Психологія святыхъ, стр. 27). И хотя на этомъ пути, конечно, нельзя утверждать полной изоляціи всѣхъ святыхъ отъ чего-либо подобнаго, но тѣмъ не менѣе святой можетъ появляться при всѣхъ возможныхъ состояніяхъ. Одно лишь условіе требуется: чтобы человѣкъ былъ способенъ желать, надѣяться, искать средствъ для освобожденія отъ крайнихъ бѣдъ; необходимо, чтобы идея лучшаго

бытія влекла человѣка и трогала (Жюли, стр. 5). Иными словами, святость возможна тогда, когда размышляющая способность человѣка, въ силу основной потребности и влеченія человѣческаго существа къ приобрѣтенію постояннаго счастья, остановится на состояніи святости, какъ таковомъ, которому присуще качество счастья; когда увидитъ въ Богѣ и Божіемъ основу и причину своего постояннаго успокоенія.

Въ этомъ случаѣ, при размышленіи, „скука, самое величайшее зло“ (Паскаль. Письмо о религіи, стр. 49), и, добавимъ, всегдашній спутникъ непрочнаго, разнообразнаго земнаго счастья; скука,—„такъ какъ человѣку по природѣ свойственно отвращеніе къ одиночеству (Грассери, стр. 317)“, такъ какъ ему нуженъ „непремѣнно предметъ страсти, который бы возбуждалъ его желанія“ и т. д.,—скука становится до нѣкоторой степени его высочайшимъ благомъ, будучи въ состояніи болѣе всего заставить человѣка подумать объ истинномъ врачеваніи, о счастьѣ въ Богѣ“ (Паскаль, стр. 49) и искать общенія съ Нимъ, хотя бы по инстинкту общественности (Грасс. стр. 317)...

И такъ, вотъ, человѣкъ въ нѣкоторый моментъ, подъ вліяніемъ, конечно, благодати Божіей, начинаетъ видѣть и чувствовать необходимость въ пробужденіи отъ прежняго грѣховнаго сна и движеніи къ Богу.

Первые шаги человѣка въ такомъ направленіи заключаются въ недовольствѣ окружающимъ его, въ неудовлетвореніи той жизнью, какая свойственна средѣ его сожителей, друзей, согражданъ,—въ жаждѣ подвига... (Чиждъ. Вопросы Ф—и и психологіи. 1906, кн. 84, стр. 306. Ср. Джемсъ, стр. 286). Человѣкъ стремится выдѣлиться, порвать связь съ жизнью рутины и возвыситься въ нравственномъ отношеніи. Вѣдь самый аскетизмъ основанъ на стремленіи духа возвысить лучшія духовныя стороны человѣческаго существа, подавивъ низшія; развить духъ въ ущербъ плоти и такимъ образомъ вступить въ болѣе тѣсное общеніе съ Божествомъ (Грассери, стр. 274).

Въ стремленіи ограничить кругъ понятій и предметовъ, отъ степени живости и воздѣйствія которыхъ зависитъ идеомоторное значеніе его представленій, въ стремленіи сосредоточиться на Богѣ и Божіемъ, человѣкъ уединяется или въ

міръ¹⁾, чрезъ освобожденіе отъ разныхъ опытныхъ заботъ, или въ монастырь, или отдается подъ руководство старцу²⁾, или остается одинъ среди окружающей природы въ пустынь. Что достиженіе уединенія или руководство является необходимымъ требованіемъ со стороны человѣка, стремящагося къ святости,—это видно изъ описаній подвижниковъ. См. напр. Добротолюбіе: т. 1—Антоній, стр. 105, Исаія, 304; т. 2—Кассіанъ, 130; т. 3—Діадохъ, 15, Фалассій, 325; т. 5—Григорій Синаитъ, 256, Тиликуда, 463, Симеонъ Солунскій, 504. Теофанъ, Путь, 109, 192—6...

Итакъ, человѣкъ удаляется отъ міра и мірскаго. „Между тѣмъ, однакожь, тяготѣніе къ прежнему покою равнодушія въ душѣ человѣка остается, и она очень бываетъ готова опять ниспасть въ него.

Чтобы этого не случилось, во плоти оставляются движенія, враждебныя высшимъ стремленіямъ, къ которымъ воля, вскусившая высшихъ благъ, благоволить не можетъ, и лишь только ощутить ихъ, *тотчасъ оживляется всею ревностью* и мужественно охраняетъ высшія свои блага. И бываетъ, что коль скоро воля ниспадаетъ въ Богопротивную теплохладность, возстаетъ брань плоти и пробуждаетъ ее къ энергій (Кассіанъ, т. 2, стр. 13—14).

Такимъ образомъ, по сообщенію опытныхъ подвижниковъ, отрѣшеніе отъ міра есть начало страданія, исходный пунктъ, за которымъ начинается разнообразная борьба съ присущими разнымъ сферамъ его психо-физическаго организма и въ памяти остающимися представленіями³⁾. Такъ какъ болѣе видимымъ и не менѣе сильнымъ и значительнымъ для человѣка является преобладаніе тѣла и такъ какъ плоть является проводникомъ темныхъ силъ (Палама, До-

¹⁾ По Джемсу, здѣсь сказывается законъ удаленія отъ диссонансовъ. Стр. 285.

²⁾ Въ этомъ отличіе святого отъ великаго человѣка (Жоли, стр. 2). Послушаніе отвѣчаетъ глубокой внутренней потребности (Джемсъ, стр. 301).

³⁾ Чувства, память, и полносочіе тѣла, говоритъ Авва Фалассій,—источники помысловъ. Докучливые тѣ, которые исходятъ изъ памяти. Добротолюбіе, т. 3. 316 Храни память твою, чтобы она не предлагала своего, но съ сознаниемъ представь (Ниль, Добротолюб. т. 2. 212).

бротолобіе, т. 5, стр. 322), то прежде всего ищущему святости приходится братья за тѣло (Феофанъ. Путь, 107—8).

Возможно, что здѣсь сказывается также одна изъ основныхъ потребностей человѣческаго духа идти въ своихъ мысляхъ и дѣствіяхъ отъ конкретнаго къ абстрактному (Грасс. 295). Средствомъ борьбы съ потребностями тѣла является постъ, какъ въ его общемъ значеніи въ смыслѣ воздержанія человѣка отъ всѣхъ видовъ духовно-тѣлеснаго излишества (ср. Дж. 286), такъ и въ частномъ его значеніи—въ смыслѣ воздержанія отъ извѣстныхъ родовъ и видовъ пищи, или почти совсѣмъ отъ питанія.

Совершаясь „двумя оборотами“ (Феоф. 191), чрезъ „самопротивленіе и самопринужденіе“, онъ имѣетъ значеніе выдающагося способа для того, чтобы: 1) практически оправдать уничтоженіе своихъ „небожественныхъ отношеній къ міру“, именно, какъ можно меньше *приноситъ вреда* Божьему міру¹⁾; 2) пріобрѣсти фактически ту независимость отъ внѣшней среды, ту возможность жить лишь духовною жизнью, къ которымъ человѣкъ стремится; 3) провѣрить свои способности, свой характеръ, достаточны ли они, силенъ ли онъ для препобѣжденія дурныхъ наклонностей, т. е. въ человѣкѣ происходитъ самоиспытаніе; 4) тѣмъ самымъ укрѣпить волю, путемъ постояннаго упражненія, постоянной борьбы между отдаленной цѣлью и самымъ постояннымъ и сильнымъ чувствованіемъ; 5) наконецъ, чтобы пріобрѣсти качественное улучшеніе въ психической жизни; пріобрѣсти спокойное настроеніе, слабость аффектовъ, незлобливость, смиреніе, терпѣливость, созерцательность и т. д. и т. п., вообще неизвѣстно какъ, но „быть тѣмъ, что человѣкъ ѣсть“²⁾.

Возвышаясь и облагораживаясь посредствомъ поста и тѣмъ предрасполагая себя къ успѣшной борьбѣ съ грѣхомъ,

¹⁾ Ниль говоритъ: „травное пропитаніе (по райской заповѣди) гораздо пригоднѣе всякаго другаго къ сохраненію въ созданныхъ по образу Божию желанной утонченности, чтобъ мысленная сила всегда пребывала необремененною и трезвенность ума неомрачаемою“. (Доброт. Т. 2, 245).

²⁾ Чижъ. Кн. 84 „Вопросы философіи и психологіи“, 312—14; кн. 85, 383—4. См. о значеніи поста и у Грассери, 220—1. О необходимости поста говорятъ, кажется, всѣ аскеты. Для примѣра, кромѣ Феофана, укажемъ еще: Доброт. Т. 1. Антоній 54, 83—4; Исаія, 267; Маркъ, 450; т. 2, Кассіанъ, 22; Ниль 238; т. 5, Тиликуда, 465—6 и т. д.

къ отрѣшенію себя отъ него, ищущій святости вступаетъ въ активную брань съ нимъ. Послѣдняя состоитъ въ борьбѣ представленій, какія въ душѣ остаются навсегда и соотвѣтствующимъ образомъ—или механически, или не безъ воли человѣка, или чрезъ воздѣйствіе темныхъ силъ—воспроизводятся съ различной силой. Передавая по возможности сжато процессъ такой борьбы, освященія человѣка то-жъ, какой подробно разработанъ христіанскими аскетами, мы должны вообще констатировать здѣсь три момента поступательной борьбы на каждый случай „брани“. Именно, чтобы направить себя по извѣстному пути, необходимо 1) ограничить кругъ представленій и понятій этого пути и сосредоточить на нихъ всѣ свои силы—начало брани; 2) сообщить такимъ представленіямъ живость, чтобы „моментомъ рѣшенія“ человѣческой воли она управляла—процессъ брани; и 3) реализовать представленіе и понятіе въ соотвѣтствующихъ актахъ—конецъ брани.

И дѣйствительно, когда чрезъ „чувства, полносочіе тѣла или особенно чрезъ воспоминаніе (Θаласс.) въ сознаніе человѣка проникаетъ тотъ или иной „страстный помысль“, то онъ, смотря по своему тону, готовъ вызвать непроизвольное вниманіе и овладѣть въ такой или иной степени всѣмъ сознаніемъ; готовъ—„не дать уму дѣйствовать разумно“ (Нил. Т. 2, 213). Такъ какъ онъ не отвѣчаетъ дѣйствительнымъ цѣлямъ подвижника, то его необходимо „изгнать“ чрезъ борьбу. А чтобы вступить въ нее, должно, прежде всего, сосредоточить свое вниманіе на противоположныхъ помыслу представленіяхъ (Θеоф. Путь 279 и слѣд.), а не просто сопротивляться ему (Исаакъ, т. 2, 715—16); придать, т. е. имъ искусственный интересъ (Рибо Психолог. вним., 45). Значеніе такого акта вниманія настолько велико, что имъ рекомендуютъ пользоваться даже и тогда, когда нѣтъ брани, когда можно предполагать ее и чрезъ искусственное приуроченіе вниманія къ возможнымъ состояніямъ, лишая послѣднія той чувственно-грѣховной оболочки, со стороны которой они способны въ послѣдствіи стать соблазнительными. Вотъ почему совѣтуютъ, далѣе, до брани все время произвольно располагать такъ, чтобы въ жизни и дѣятельности подвижника все учило, а не развлекало (Θеофан. 276—8), т. е. не было ничего, что могло бы влечь за собою возбужденіе пассивнаго

вниманія съ его послѣдствіями. Вотъ почему о произвольномъ вниманіи выражаются такъ, что оно „должно идти впередъ и сторожить враговъ“. (Симеонъ Сол. Т. 5, 500).

Съ тѣлесной стороны состояніе *вниманія*, по аскетамъ—состояніе ума,—куда присоединяется „*бодренность*, какъ собраніе воли и *трезвеніе*, какъ собраніе чувства, отмѣчается тѣмъ, что за вниманіемъ слѣдуетъ обращеніе *внутрь очей*, за бодренностію—напряженіе мускуловъ во всемъ тѣлѣ въ направленіяхъ къ *персямъ*, за трезвенностію—оттѣсненіе мокротныхъ, по Никифору, какихъ то расслабляющихъ движеній, подходящихъ къ сердцу изъ нижнихъ частей тѣла, подавленіе услажденія и покоя плоти (Феоф. Путь 206)“.

Затѣмъ, начинается самая брань. Сосредоточивъ свое вниманіе на Богѣ, или предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Богу и Божественному; или въ иныя времена перемѣняя эти предметы и понятія;—сосредоточивъ вниманіе, въ молчаніи и не принимая никакихъ помысловъ даже добрыхъ (Діад. 15. Григ. Син. 247), стараются придать объекту такія свойства и качества, которыя имѣли бы не воспоминательное, а реальное значеніе по отношенію къ субъекту и вызывали бы умилительныя чувства въ сердцѣ: то страха Божія (о безкорыстности его см. Многообразіе... Джемсъ, 292), то безграничной любви къ Богу, надежды и т. д. и т. п. (Ис. 666).

Вотъ почему аскеты совѣтуютъ думать и представлять адскія муки (Нилъ, т. 2, 224; Симеонъ, т. 5, 27, Никита, 105), страданія Господа Іисуса, разныя другія дѣла милосердія и любви Божіихъ къ намъ (Исаакъ, т. 2, 695), вообще „зрѣть другой міръ“ (Феофанъ 215).

„Состояніе“ въ такихъ и подобныхъ „чувствахъ“, доводящихъ до рѣшимости (Феоф. 216), имѣетъ то нравственное значеніе, что вліяя на умъ, вызываетъ къ дѣйствию ассоціативный процессъ, который, вслѣдствіе своей аффективной подкладки, скорѣе и легче упрочиваетъ сродныя представленія, понятія. Вѣдь и по отеческому ученію „всякая вещь обыкновенно стремится къ сродному ей“ (Исаакъ, 1 Т. 648). Мало того. Въ цѣляхъ болѣе вѣрной и скорой побѣды надъ грѣхомъ олицетворяютъ разные виды и роды грѣха въ мрачныхъ образахъ и краскахъ; напротивъ, добрыя стороны чело-вѣка—въ возвышенныхъ и благородныхъ образахъ. Вообще

все видимое въ соотвѣтствующемъ духовномъ знаменованіи (Феоф. 255). Параллельно такому внутреннему идетъ принужденіе внѣшне-тѣлесное ¹⁾: колѣнопреклоненіе, крестное знаменіе, совершеніе опредѣленнаго молитвословія, чтеніе ²⁾ разныхъ отдѣловъ Священнаго Писанія, рукодѣліе и т. д... Словомъ извѣстная мѣра, безъ уступки (Феоф. 257—8) (Тилик. 465—6).

Мы коснулись и охарактеризовали общую схему борьбы съ однимъ какимъ либо страстнымъ помысломъ. Но ихъ иногда „нападаетъ“ на подвижника много, во всякомъ случаѣ нѣсколько. Тогда, по словамъ аскетовъ, чрезъ соотвѣтствующія усилія, пужно выдѣлить болѣе важный, значительный по своему существу и послѣдствіямъ и вести прежде всего „брань“ противъ него. (Касс. Т. 2, 20). Затѣмъ, должно переходить къ другимъ и т. д. до тѣхъ поръ усовершаться въ брани съ помыслами грѣховными, пока ищущій святости не достигнетъ возможной для человѣка на землѣ чистоты сердца, при которой способенъ видѣть Бога. Въ концѣ всѣхъ такихъ дѣйствій, когда извѣстное представленіе или понятіе живо представляется или мыслится, то происходитъ и самая реализація объектовъ: именно, то понятіе или представленіе, на которомъ фиксируютъ вниманіе и которому сообщаютъ живость, овладѣваетъ всѣмъ сознаніемъ, вытѣсняя все противоположное. А такъ какъ ихъ дѣйствіе отвѣчаетъ предыдущимъ ожиданіямъ человѣка, то, оно, по основному закону чувствованій, вызываетъ въ душѣ удовольствіе. Послѣднее бываетъ тѣмъ болѣе интенсивнымъ и продолжительнымъ, чѣмъ интенсивнѣе и продолжительнѣе была предшествующая борьба.

Такой процессъ борьбы съ искушеніями и видами грѣха, съ цѣлью его препобѣдить, отъ него отрѣшиться и тѣмъ самымъ усовершиться—составляетъ отрицательную сторону освященія. Онъ зиждется психологически на томъ, что счастье, пріобрѣтаемое легко, кажется безцвѣтнымъ, скоро надоѣдаетъ и даже становится невыносимымъ. Необходимо

¹⁾ Такое „тѣлесное подвижничество“ да устроится въ видахъ нравственныхъ, чтобы научиться болѣть сердцемъ (о грѣхахъ) и соболѣзновать душою“ (Тил. Т. 2, 232).

²⁾ Безъ прилежнаго чтенія писаній не узнаешь точности помысловъ (Исаакъ. Т. 2, 709).

примѣшиваніе сюда трудности, напряженія силъ и т. д. (Дж. 288).

Что касается до положительной стороны процесса освященія человѣка, то оно состоитъ 1) въ постепенномъ усовершенствованіи добрыхъ сторонъ его Богоподобной природы, въ приобрѣтеніи добродѣтели, какъ потенциальной энергіи и 2) во внѣшнемъ добродѣланіи, въ обнаруженіи потенциальнаго добродѣтельнаго настроенія во внѣшнихъ добрыхъ дѣлахъ по отношенію къ ближнимъ.

Очень трудно, если не совсѣмъ невозможно, показать наглядный и послѣдовательный ростъ положительныхъ добродѣтелей у человѣка, идущаго къ святости, такъ какъ здѣсь, должно быть, обнаруживается и сказывается природная индивидуальность каждаго. Вотъ почему хотя у самихъ подвижниковъ мы и встрѣчаемъ схемы взаимной зависимости добродѣтелей, но нельзя сказать, чтобы онѣ были одинаково построены, при сходствѣ въ наименованіи добродѣтелей (см. напр.: Антоній, т. 1, 29; т. 3, Максимъ Испов. 158, 222, 248—9; т. 5, Филимонъ, 201; Григорій Син. 254).

Поэтому, придерживаясь больше общихъ фразъ, возьмемъ за точку отправленія отрицательныя начала духовной жизни и, по противоположности, будемъ указывать положительныя стороны.

Господь нашъ сказалъ: „гдѣ будетъ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше (Мѡ. 6, 21)“. Значить, въ моменты отрѣшенія отъ міра жаждущіе святости обнаруживаютъ предъ всѣми любовь къ Богу и чѣмъ дальше живутъ, тѣмъ съ большимъ „геройствомъ и любовью служатъ Богу“ (Жоли, 1, ср. Дж. 286). Что это такъ, достаточно вспомнить и представить себѣ процессъ тяжелой внутренней борьбы со грѣхомъ, моменты паденія, новаго возстанія, какими нерѣдко полна жизнь подвижника; достаточно представить ихъ тяжелую жизнь въ пустынномъ одиночествѣ, безъ хлѣба, воды, жилища, среди звѣрей, въ пору жестокихъ зимъ и т. д.!.. Конечно, только полная любовь къ Богу, надежда на Его всесильную помощь, двигали человѣкомъ съ самаго начала и постепенно все болѣе и болѣе достигали совершенной ступени.

Но... любить Бога, надѣяться на Него, и главное выражать все это въ дѣйствіяхъ невозможно, если человѣкъ не имѣетъ крѣпкой вѣры въ Него.

И такая вѣра, присущая подвижнику и двигающая имъ съ начала подвига, постепенно развивается и трансформируется. Она сообщает живость человѣческимъ представленіямъ, мыслямъ, идеямъ; благодаря ей, тѣ реализуются въ соотвѣтствующихъ волевыхъ актахъ; благодаря ей, человѣкъ не теряетъ силъ, укрѣпляется въ теченіе долгой и тяжелой борьбы за свое внутреннее счастье, идетъ все впередъ и впередъ по пути нравственнаго совершенства. И развитіе продолжается до тѣхъ поръ, пока, съ теченіемъ времени, при помощи ея, человѣческія представленія, понятія и идеи не получаютъ характера ощущеній; пока сама она не станетъ какъ бы реальнымъ и непосредственнымъ знаніемъ объекта. Это бываетъ тогда, когда, на почвѣ одухотворенія и утонченія тѣла чрезъ постъ и вслѣдствіе предшествующаго стремленія все персонифицировать усиленіемъ воображенія, человѣкъ уже не представляетъ, а видитъ непосредственно, имѣетъ видѣнія. И послѣднія у аскетовъ дѣйствительно занимаютъ не послѣднее мѣсто. Здѣсь вѣра достигаетъ апогея въ своемъ развитіи при земной обстановкѣ. Важность этихъ видѣній открывается изъ того, что условія происхожденія видѣній были предметомъ изученія и подвижниковъ: они, принимая, должно быть, съ одной стороны естественныя условія появленія видѣній, а съ другой, что чрезъ такія естественныя условія любятъ воздѣйствовать темныя силы, —они различаютъ истинныя видѣнія отъ ложныхъ. Даже болѣе того: возстаютъ противъ мнѣнія, будто слава Божія открывается человѣку чувственно (Діад. Т. 3, 29).

Такія добрыя видѣнія, вродѣ „ангела помогающаго“ и т. д., были какъ бы внутренней наградой за ихъ подвигъ и подкрѣпленіемъ въ дальнѣйшемъ движеніи къ Богу...

Далѣе. Какъ, однако, ни возвысился стремящійся къ святости въ нравственномъ отношеніи, а онъ всегда „необычайно скромнень и простъ“, имъ всегда владѣетъ сознаніе своего *нищенства духомъ*, своего несоотвѣтствія въ данномъ состояніи тому идеалу, къ какому призываетъ Священное Писаніе, какой осуществленъ Спасителемъ. Словомъ, онъ всегда „смирень сердцемъ“ (Чиждь). Отсюда проистекаетъ и *добродѣтель плача*, какъ слѣдствіе, съ одной стороны, сознанія своего несовершенства, а съ другой, необходимости постепенно, всю жизнь свою (Чиждь) приближаться

къ идеалу и преуспѣвать въ этомъ тяжеломъ нравственномъ подвигѣ. Такъ какъ „плачь“ является реальнымъ показателемъ наличности стремленія къ совершенству и въ то же время свидѣтельствуемъ о присутствіи сознанія своего недостойнства (ср. Джем. Многооб. 255), то онъ, тѣмъ самымъ и доставляя внутреннее наслажденіе, считался прекраснымъ признакомъ добраго душевнаго настроенія. Вотъ почему подвижники и рекомендуютъ достигать плача и пребывать въ немъ.

Указанныя нравственныя качества духовнаго дѣятеля тѣмъ важны, что способствуютъ проявленію во внѣ и укрѣпленію внутри *кротости*, какъ внутренней уравновѣшенности человѣка, смиренномудрія и спокойной преданности Богу. Изъ этого корня развивается, потомъ, забвеніе о собственной личности, какое характеризуетъ праведниковъ (Чиждь).

Всѣ поименованныя добродѣтели находятъ для себя высшее выраженіе въ попыткахъ человѣка воплотить на землѣ царство Божіе, въ *правдолюбіи*.

Вотъ отчего бываетъ то, что праведники „вѣрятъ въ полное торжество добра на землѣ, въ полное приложеніе всегда и вездѣ справедливости, каковая вѣра является утѣшеніемъ для насъ (Джемсъ, 349), погрязшихъ въ житейскихъ мелочахъ“.

Вотъ почему и ихъ борьба противъ зла выражается при всѣхъ возможныхъ случаяхъ не во внѣшнемъ сопротивленіи насиліемъ, а въ воздаяніи добромъ за зло¹⁾, каковой способъ дѣйствія служить соціальной силой для усовершенія человѣчества (Дж. 347).

Такимъ образомъ не трудно видѣть, какъ самъ по себѣ, постепенно назрѣваетъ переходъ отъ созерцательной жизни „къ дѣятельной, на пользу „ближняго“, чтобы и всякій человѣкъ былъ участникомъ Царства Божія.

Учительство и добродѣланіе—вотъ двѣ стороны этого дѣланія. Осуществляя первый даръ, подвижники обучали истинамъ вѣры и нравственности всѣхъ, приходящихъ къ нимъ и просящихъ слова вразумленія. И эта проповѣдь все

¹⁾ Вѣроятно, это собственно и разумѣетъ проф. Чиждь, когда говоритъ о „непротивленіи злу“. Пассивнаго вѣдь сопротивленія нельзя себѣ представить, если зло представляется ненормальнымъ и его нужно направлять къ добру.

болѣе и болѣе возрастала по мѣрѣ расширения сферы приложенія ихъ дѣятельности, по мѣрѣ умноженія приходящихъ къ нимъ со стороны или увеличивавшихся въ ихъ обители иноковъ, если дѣло происходитъ въ монастырѣ. Они правдиво, откровенно и безбоязненно обличаютъ пороки и преступленія людскія. Они употребляютъ всѣ усилія своей воли и всю полноту знанія и близости къ Богу, чтобы оказать воздѣйствіе: или на совѣсть согрѣшившаго, съ цѣлью привести его во врачевницу покаянія, уврачевать его, или на совѣсть обидящаго, чтобы помирить обидчика съ обиженнымъ, воздать послѣднему по справедливости и т. д. и т. п.

Вотъ почему, людской ради пользы, праведники по отношенію ко всѣмъ обнаруживаютъ и развиваютъ долготерпѣніе, снисходительность и ласковость!.. Вотъ почему, ради спасенія другихъ, ради преуспѣянія своего дѣла, они забываютъ совершенно о себѣ, даже иногда не настаиваютъ на своемъ спасеніи! Вотъ почему, снисходя къ немощамъ другихъ, они всегда милуютъ и прощаютъ ихъ, какъ бы забываютъ и не знаютъ разныя человѣческія немощи при живомъ сознаніи высокаго, конечнаго идеала, конечной цѣли всѣхъ стремленій Богоподобной души человѣка! Вотъ почему, всѣ дѣла милости до миротворенія включительно, какъ наивысшаго дѣланія—непремѣнная обязанность праведниковъ въ ихъ отношеніи къ ближнимъ!..

Отсюда, въ концѣ концовъ ихъ совокупнаго дѣланія—созерцательнаго и дѣятельнаго—получается состояніе: 1) полноты религіознаго познанія; истинъ вѣры и нравственности; 2) полноты знанія всей человѣческой природы, всѣхъ ея изгибовъ и проявленій; 3) полноты психической энергіи, которой не можетъ противостать и уничтожить никакое другое земное количество духовныхъ силъ. Впрочемъ, это еще не конецъ. По человѣчеству, святой и потомъ долженъ еще освящаться (Апок. 22, 11), чтобы приближаться къ Богу. Здѣсь отличіе его отъ великаго человѣка: безграничный прогрессъ. Это ли не самое возможное для человѣка—счастлирое состояніе, котораго въ сущности жаждетъ всякій?! Существо его, по основному закону чувствованій, можно представить въ такомъ, нѣсколько измѣненномъ видѣ. „Если все, что благопріятствуетъ естественному теченію душевной жизни и соотвѣтствуетъ нормальнымъ законамъ ея развитія“

сопровождается удовольствіемъ, то удовлетвореніе, такъ сказать, сверхъ-нормальной, врожденной наивысшей самой сильной потребности Богоподобнаго человѣческаго духа и по-давно есть наивысшее удовольствіе—блаженство. Превосходство названной потребности открывается уже изъ того, что праведники могли удовлетвориться тѣми или другими благами, обладая которыми люди считаютъ себя счастливыми, а между тѣмъ все это ихъ не прельщаетъ, отъ всего они отказываются.

Затѣмъ, механизмъ процесса достиженія счастья таковъ: сначала желаніе какого либо предмета, съ непремѣннымъ его признакомъ страданіемъ; желаніе переходитъ въ хотѣніе и наступаетъ реализація его съ тѣмъ, чтобы, по минованіи мгновеннаго удовольствія, снова началось страданіе и т. д. до безконечности.

Если угодно, то подобный процессъ имѣетъ мѣсто и въ духовной жизни. Но при внѣшнемъ сходствѣ разница существенная. Именно, здѣсь страданіе происходитъ не оттого, что наступаетъ разочарованіе въ предметъ начертанной цѣли: нѣтъ. Предметъ остается, такъ сказать, нетронутымъ, удовлетворяющимъ, по прежнему предметомъ счастья. Сожалѣютъ лишь потому и о томъ, что самъ человѣкъ, какъ требуетъ идеаль, не былъ въ состояніи слиться съ объектомъ желаній. Само же по себѣ наслажденіе, доставляемое религіозными чувствованіями, по словамъ изслѣдователей, такъ громадно, что съ нимъ несравнимо наслажденіе, доставляемое эстетическими и интеллектуальными чувствами. Только религіозныя чувствованія могутъ сдѣлать жизнь счастливой, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, для лицъ голодающихъ въ уединеніи, въ дремучемъ лѣсу (Чиждь, 85, 382—3. Ср. Джемс. Мнооб. 255).

И вотъ, ближайшимъ и существеннымъ образомъ такое самочувствіе святого обнаруживается въ молитвѣ... Это потому, что послѣдняя является дѣйствительнымъ и пожалуй, единственнымъ средствомъ, при которомъ происходитъ реальное соприкосновеніе двухъ силъ въ „содѣваніи святости“: человѣческой, жаждущей этого состоянія, работающей надъ собою, въ цѣляхъ ея достиженія и просящей Божіей помощи, и Божественной, санкціонирующей подобное стремленіе человѣка и сообщающей ему необходимое подкрѣпленіе.

Вотъ почему молитва составляетъ необходимую принадлежность всякаго душевнаго состоянія человѣка, когда онъ работаетъ надъ достиженіемъ собственнаго совершенства. Вотъ почему она—также „дѣланіе“, „навыкъ“, лѣствица на небо“, какъ и всякое духовное дѣланіе. Вотъ почему, она даже „вся духовная жизнь въ ея движеніи и дѣйствіи, верхъ и конецъ всѣхъ добродѣтелей“.

Вотъ почему, научиться непрерывности въ молитвѣ составляетъ одну изъ самыхъ важныхъ задачъ духовной жизни подвижника. Вотъ почему понятны: переживаніе возвышеннѣйшихъ восторговъ во время молитвы, обновленіе и усовершеніе послѣ молитвы, скорбь по случаю происшедшаго перерыва въ непрерывности молитвеннаго чувства и т. д. и т. п. до выработки самыхъ детальныхъ правилъ относительно того, какъ тѣлесно и духовно вести себя при молитвѣ.

Вотъ почему, святые молятся въ высшей степени продолжительно: цѣлыя дни и ночи и даже во снѣ пребываетъ и дѣйствуетъ въ нихъ молитвенное одушевленіе, сопровождаемое сладчайшими чувствами. Вотъ почему, наконецъ, цѣлью ихъ стремленій является жажда достигнуть экстаза, какъ такого состоянія, когда можно, такъ сказать, физически соединиться съ Богомъ...

Со времени достиженія святости наступаютъ нѣкоторыя измѣненія въ отношеніяхъ святыхъ къ людямъ. Проявляются у нихъ теперь новыя, въ нѣкоторомъ родѣ, экстраординарныя средства вспомошествованія нуждамъ людскимъ и стремленіямъ къ совершенству. Разумѣемъ дѣйствія святыхъ въ силу дара прозорливости и дара чудотворенія. При помощи перваго они необъяснимымъ для насъ способомъ прорѣываютъ въ душевное состояніе приходящаго и открываютъ цѣлесообразныя и дѣйствительныя средства для того или иного его врачеванія. Для богословствующаго разума понять такое свойство святости можно при представленіи накопленія у святаго жизненнаго опыта, знанія человѣческой жизни, въ силу котораго, по мельчайшему движенію человѣческому, они способны угадывать сокровенное внутреннее движеніе.

Съ естественной точки зрѣнія возможность чудесъ проф. Чиждъ объясняетъ непонятнымъ для насъ воздѣйствіемъ Духа Святого на тѣло усердно къ нему молящагося, чрезъ

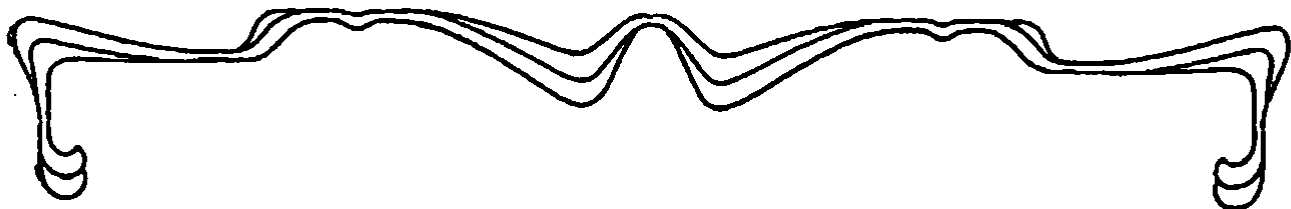
сообщеніе, добавимъ, присущей психической энергіи праведника посредствомъ волевого напряженія. Но настаивать на полной естественности такого дѣйствія, подобно Чижу, нѣтъ никакихъ основаній, если и по сознанію Проф. Чижа, дѣйствіе необъяснимо. Такъ или иначе, а это чудо во всякомъ случаѣ не обычное явленіе: 1) потому, что апріорное предположеніе о возможности естественно объяснить чудо не доказательство еще дѣйствительности существованія объясненія; 2) если проф. Чижъ хвалитъ праведниковъ за простоту и скромность въ совершеніи чудесъ и въ одномъ считаетъ своимъ долгомъ имъ вѣрить, то почему же въ другомъ нужно отказывать?!

Итакъ, святость, какъ плодъ творческой работы человека, есть конечное, хотя и не окончательное религиозно-нравственное состояніе счастья, проистекающее отъ достиженія возможнаго для человека совершенства при стремленіи къ Богоуподобленію чрезъ борьбу со грѣхомъ и укрѣпленіе себя въ разныхъ добродѣтеляхъ и добродѣланіи. Соединяя это опредѣленіе съ сдѣланнымъ нами раньше получаемъ слѣдующее.

Святость есть конечное (въ отношеніи къ развитію человѣческихъ дарованій не окончательное) религиозно-нравственное состояніе человека, изъятаго благодатію Божіею изъ міра, въ соотвѣтствіе его собственному неудовлетворенію мірскимъ и стремленію отрѣшиться отъ соблазновъ міра; очищеннаго отъ грѣха и его силы, въ отвѣтъ на его упорную борьбу со грѣхомъ и укрѣпленнаго въ непоколебимомъ стремленіи къ Богоуподобленію, въ видѣ санкціи на развитіе человекомъ въ себѣ добрыхъ навыковъ и на приложеніе ихъ во внѣ, въ добродѣланіи...

Свящ. В. Платоновъ.

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ въ своихъ педагогическихъ воззрѣнiяхъ.

Всякая наука, умозрительная и строго прикладная, будетъ ли это философія или химія, въ числѣ своихъ адептовъ всегда имѣеть одного или нѣсколькихъ, которые почитаются идеаломъ ученаго для извѣстной отрасли знанiя, націи и времени. Педагогика не составляетъ исключенiя изъ даннаго правила, и больше, чѣмъ другая наука, вѣрна ему. И это понятно: въ своихъ конечныхъ цѣляхъ и задачахъ педагогика стремится создать *совершеннаго* и въ *совершенствѣ воспитаннаго* человѣка, но это возможно только при исключительности нравственныхъ и умственныхъ качествъ самихъ представителей науки. И въ обыденной жизни, мы знаемъ, даже къ зауряднымъ педагогамъ предъявляются повышенныя требованiя: въ нихъ желаютъ видѣть не только извѣстную сумму знанiй, но и особое поведеніе.

Западно-Европейская наука уже насчитываетъ у себя ряды прославленныхъ и, такъ сказать, *законченныхъ* педагоговъ. Монтань, Ратихъ, Коменiй, Франке, Ж. Ж. Руссо, Базедовъ, Кампе, Песталоцци, Дистервегъ, Фребель, Стефани, Жанъ Поль Рихтеръ—вотъ нѣкоторые изъ нихъ. Одни, съ теченiемъ времени, утратили общеизвѣстность и сдѣлались достоянiемъ историка—специалиста, другіе вѣчно живы и дѣйственны. Это гении. Таковы: Янъ Амосъ Коменiй и Песталоцци. Сочиненiя и частная жизнь этихъ педагоговъ глубоко поучительны и по истинѣ необычайны, и нагляднымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ, насколько многочисленны и разнообразны на западѣ педагогическія идеи,

насколько богата соотвѣтствующая литература и какъ, наконецъ, высоко стоитъ тамъ идеаль истиннаго педагога въ его поступательномъ стремленіи къ полному и возможному совершенству.

Та же европейская наука, въ концѣ 40 годовъ прошлаго столѣтія, выдѣлила изъ себя, какъ отдѣльную отрасль, исторію педагогики, а эта послѣдняя, въ свою очередь, высказала приговоръ надъ тѣми или другими работниками въ дѣлѣ наученія и установила тѣ черты, которыя должны характеризовать истиннаго педагога, независимо отъ національности или школы, къ которой принадлежитъ и именемъ которой онъ дѣйствуетъ.....

Въ самомъ терминѣ *παιδαγωγος*, *παις*—дитя и *αγω*—веду, уже есть указаніе на то, что человѣкъ, носящій это имя, долженъ быть теоретикомъ и вмѣстѣ практикомъ. Недостаточно резонировать о воспитаніи, и исторія не назоветъ истиннымъ педагогомъ того, кто не обладаетъ, сверхъ теоретическихъ познаній, *искусствомъ* примѣненія воспитательной теоріи къ практикѣ. Искусство же педагога есть особое и во всякомъ случаѣ не то, гдѣ главную роль играетъ бессознательное творчество и фантазія: дѣти—будущія человѣческія личности—совсѣмъ иной матеріаль, чѣмъ мраморъ или глина, звуки или краски, и надъ дѣтьми едвали можно экспериментировать по одному вдохновенію, хотя бы это вдохновеніе посѣтило наибообразованнѣйшаго и въ своемъ родѣ геніальнѣйшаго человѣка. *Искусство педагога—это своевременное, систематически разумное примѣненіе общихъ законовъ и правилъ къ частнымъ случаямъ, къ отдѣльнымъ индивидуальностямъ, на основѣ врожденнаго вдохновенія и природнаго педагогическаго такта.*

Въ искусствѣ педагога, какъ и во многомъ другомъ, находитъ мѣсто и примѣняется такъ называемое раздѣленіе труда. Одни открываютъ педагогическіе законы и истины, другіе пользуются этими послѣдними.

Третьи счастливо соединяютъ въ себѣ и теорію, въ области которой нерѣдко бывають новаторами, и практику. Исторія педагогики знаетъ людей третьей категоріи. Амосъ Коменій, — теоретикъ по преимуществу, давшій „*Orge Didactica*“, въ своемъ родѣ педагогическое евангеліе, лично занимается съ дѣтьми въ Преровѣ. Педагогическія идеи Песталотци, выраженные въ его сочиненіяхъ, зародились

на мѣстѣ, въ присутствіи дѣтей, и даже не безъ участія послѣднихъ. Наглядное обученіе тѣмъ же Песталоцци практически и лично примѣнено и провѣрено на тѣхъ же дѣтяхъ. Есть еще одна черта, не обязательная для педагоговъ, но присущая именно тѣмъ изъ нихъ, имена которыхъ сдѣлались великими и мировыми. Это особенная преданность своему дѣлу, часто доходящая до энтузіазма и готовности жертвовать своею жизнью и благополучіемъ, необычайная цѣльность натуры и прямолинейность убѣжденій. Около имени Песталоцци и Коменія созданъ ореолъ мученичества за идею: „Вѣчный странникъ“—Коменій и „вѣчный мученикъ“ Песталоцци—вотъ удивительные образцы преданности своему дѣлу. О Ратихѣ извѣстно, что онъ былъ посаженъ (въ 1619 году) въ тюрьму только за свое исключительное, ничѣмъ не удержимое, и для современниковъ непонятное стремленіе къ учительству.

Если теперь мы обратимся къ русской педагогической наукѣ, то увидимъ, что она до послѣднихъ дней находится подъ вліяніемъ и гипнозомъ западно-европейской педагогіи, что у насъ и до сего времени царятъ нѣмецкіе, англійскіе и французскіе геніи и что, наконецъ, *далеко то время, когда окончательно и съ желательной полнотою подберутся и создадутся черты, изъ которыхъ, въ свою очередь, выльется идеалъ русскаго универсальнаго генія педагогической науки.* Въ такомъ положеніи дѣла едва ли можно винить русскій народъ или его интеллектуальныя силы. Государство Русское возникло несравненно позже западноевропейскихъ и не приняло, какъ эти послѣднія, богатаго наслѣдства древнихъ цивилизацій—греческой и римско-романской. Въ то время, когда въ Германіи въ VIII столѣтіи уже дѣйствовала опредѣленная бенедиктинская система въ воспитаніи и обученіи юношества, а императоръ Карлъ Великій ревностно поддерживалъ школы, когда, далѣе, извѣстный Рабанъ Мавръ за свою учено-педагогическую дѣятельность получилъ прозваніе: „*princeps praeceptor Germaniæ*“, значитъ намѣтился идеалъ желаннаго педагога, на безконечномъ пространствѣ нынѣшней Россіи, въ качествѣ воспитателей народа, дѣйствовали: Поле, Лѣсъ, Степь и Русскій Морозъ¹⁾. Знаменитый историкъ, указавшій

¹⁾ См. „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“. Ивана Забѣлина ч. 1. М. 1876 г.

на этихъ именно агентовъ воспитанія, посвящаетъ цѣлую главу въ своемъ сочиненіи разсмотрѣнію послѣднихъ и весьма подробно останавливается на ихъ дѣйствіяхъ и вліяніяхъ въ дѣлѣ развитія характерныхъ особенностей населенія. Отъ VIII столѣтія западная наука имѣетъ отдѣльные учебные курсы и опредѣленные типы школъ, мы же одни курганы: кочевниковъ.—Въ IX в. древнюю Русь просвѣтило христіанство и принесло вмѣстѣ съ религіозными истинами педагогическіе элементы: религія съ перваго же момента выступила и вошла въ народъ съ *учительствомъ*.

Кто были первые наставники, мы доподлинно не знаемъ, но имѣемъ одно лицо, которое до извѣстной степени можно назвать первымъ въ своемъ родѣ и при томъ съ замѣтно выраженнымъ педагогическимъ настроеніемъ и пріемами. Это—первосвятитель Михаилъ съ его наставленіемъ первымъ учителямъ „учити юныя дѣти правѣ и благочинѣ, яко же словесѣмъ книжнаго разума, такожде и благонавно, и въ правдѣ, и любви, и зачалу премудрости страху Божію; учити же не яростью, ни жестокостью, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ проученіемъ... учити съ ослабленіемъ, дабы не унывали“¹⁾.

Другой примѣръ подобнаго же настроенія мы имѣемъ въ лицѣ Владиміра Мономаха съ его поученіемъ²⁾. Въ этомъ послѣднемъ, по признанію русскихъ историковъ, положены тѣ педагогическія начала, которыя впослѣдствіи развивались и углублялись тѣми, кто охотно или поневолѣ бралъ на себя въ до-Петровской Руси трудъ учительства. Одно изъ таковыхъ началъ—страхъ Божій и любовь къ человѣчеству, поставляемая въ основу всяческой добродѣтели, при чемъ, по утверженію автора, ни постъ, ни уединеніе, ни монашество спасаетъ человѣка, а добрыя дѣла. Въ томъ же Поученіи впервые указывается на цѣнность знанія—„все хорошо узнавъ, вы должны помнить; чего не знаете, тому учитесь“, а трудъ поставляется въ обязанность каждому: „человѣкъ долженъ всегда трудиться, гдѣ бы онъ ни нахо-

¹⁾ Степен. книга, 1, ст. 147-му Лавровскаго, о древне-рус. учил., стр. 102.

²⁾ Переводъ этого поученія можно найти въ „Истор. Гос. Російскаго“, Карамзина т. II, стр. 105, изд. Евдокимова.

дился—въ пути, на конѣ, и обязанъ дѣлать по возможности все для себя, не затрудняя другихъ излишними заботами о себѣ“.

Наставленіе Михаила и Поученіе Мономаха, кажется, единственныя мѣста на страницахъ исторіи отъ временъ Владимира и до XV в., гдѣ отчетливо и болѣе или менѣе опредѣленно выдвигаются нѣкоторыя педагогическія положенія, зародившіяся, какъ видимъ, на почвѣ религіозной, и обусловливаемая педагогическимъ тактомъ первосвятителя митрополита и личнымъ характеромъ автора-князя. Христіанство несомнѣнно широкой волной охватило Русь и въ волнѣ прпрнесло начала христіанской педагогіи; допустимъ, далѣе, вмѣстѣ съ профессоромъ М. П. Погодинымъ, что съ дальнѣйшимъ распространеніемъ христіанства, всякая новая епархія дѣлалась, такъ сказать, новымъ учебнымъ Округомъ, новый монастырь—гимназіей, а новая церковь—народнымъ училищемъ¹⁾, но несомнѣнно такъ же и то, что волна была исключительно религіозной и съ небольшими крупинками и намеками на педагогію и что она создала проповѣдниковъ, писателей и борцевъ, *но не создала и не могла создать педагоговъ въ истинномъ и буквальному значеніи этого слова.* Отъ начала XV до конца XVII вѣка мы находимъ повтореніе все тѣхъ же педагогическихъ данныхъ, какія были изначала. Историки и изслѣдователи этого періода русской жизни уже съ большей основательностью и охотою говорятъ о монастырской педагогіи, о значеніи книги, грамотѣ и начетчествѣ, о воспитательномъ значеніи церкви, о педагогіи учителей мастеровъ, о педагогическомъ значеніи древнерусскихъ сборниковъ—всѣхъ этихъ „пчель“, „измарагдовъ“, „цѣпей“, и т. д., но и здѣсь они не находятъ ни одного опредѣленнаго лица, которое въ себѣ или въ своихъ сочиненіяхъ сконцентрировало бы и собрало все извѣстное и дѣйствующее въ области педагогики, или же внесло въ эту послѣднюю что—нибудь новое или же, наконецъ, реформировало и дало толчекъ новому теченію педагогической мысли. Этимъ, впрочемъ, мы не думаемъ отрицать существованія самой педагогіи въ древней до-Петровской Руси и только хотимъ указать на то, что педагогическій элементъ какъ

¹⁾ См. М. П. Погодинъ. „Образованность и грамотность въ древнемъ періодѣ русской исторіи“ Ж. М. Н. Пр. 1871 г., стр. 11.

принесенъ вмѣстѣ съ религіей, такъ и остался вмѣстѣ съ нею существовать до конца старой Руси, не бывъ выдѣленъ изъ нея и не имѣлъ попытокъ къ этому со стороны *отдѣльных* лицъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, этотъ элементъ былъ, съ нимъ считались, на него обращали вниманіе; необходимость воспитанія сознавалась весьма многими: „ибо и всяко животно по закону плоти прилежное имать попеченіе о своемъ рожденіи (дѣтяхъ), и св. Писаніе, на примѣрѣ древнихъ благочестивыхъ родителей: Тови, Миттафана и Соломоніи обязываетъ насъ воспитывать дѣтей“¹⁾...

Со времени Петра Великаго педагогическое настроеніе овладѣваетъ большимъ числомъ лицъ. Самъ Царь провозглашаетъ педагогическій принципъ и является апологетомъ труда: не даромъ его называютъ воспитателемъ своего народа. „Надобно трудиться“, „всевозможно трудиться“, „поревновать и склониться къ добру и трудолюбію“, „отъ всей крѣпости своей труды приложить“, и т. д.—любимѣйшія и настойчивыя приглашенія Царя къ своему народу, на ряду съ удивительной вѣрой въ силу просвѣщенія вообще. Выдающійся человекъ той эпохи—Ѳ. С. Салтыковъ, признавъ, что передовой классъ населенія растетъ какъ „лѣсъ нечищенный“, составляетъ за симъ проектъ образованія, такъ называемыя „пропозиціи“, гдѣ удѣляетъ вниманіе танцамъ, какъ одному изъ „могучихъ средствъ воспитанія“. Любопытный памятникъ случайно навѣяннаго педагогическаго настроенія. Посошковъ въ своихъ сочиненіяхъ интересуется педагогическими темами; Димитрій Ростовскій заводитъ въ Ростовѣ элементарную школу, въ основу коей полагаетъ педагогическіе взгляды, высказанные имъ въ проповѣдяхъ. Такая же школа была учреждена въ 1721 г. Теофаномъ Прокоповичемъ при его архіерейскомъ домѣ, и въ основу ея кладутся положенія, выраженныя въ Духовномъ Регламентѣ, въ отдѣлѣ о „домахъ училищныхъ“. Но все это было спорадически, и объ этомъ періодѣ нашей исторіи можно трактовать какъ о болѣе опредѣленномъ, по сравненію съ до Петровскимъ,—и новымъ,—потому что въ русскую жизнь дѣйствительно вошла широкою струей западно-европейская цивилизація и иноземныя педагогическія вѣянія, *но опять таки*

¹⁾ См. „Извѣщеніе къ родителямъ о воспитаніи дѣтей“ Букварь 1704—1708 г.

безъ надежды и тенденціи обрѣсти опредѣленныхъ лицъ, съ именемъ которыхъ можно связать представленіе о педагогѣ.

Первымъ по времени, въ собственномъ смыслѣ педагогомъ, былъ Ѡ. И. Янковичъ Де Миріево—(род. въ 1741 г. близъ Петервардейна въ Австріи), но иностранецъ, явившійся въ Россію по приглашенію Екатерины съ австрійскими приемами въ преподаваніи и при ней дѣйствовавшей на пользу нашей родины. Въ эту же эпоху жилъ замѣчательный русскій самобытный странствующій философъ, съ ярко выраженнымъ педагогическимъ настроеніемъ,—это извѣстный Сковорода. Его можно разсматривать только въ качествѣ примѣра того, какъ съ философомъ можетъ соединяться педагогъ и какъ педагогическія идеи могутъ сливаться и сыряться въ философствованіи. Отъ временъ Екатерины и до 60 годовъ прошлаго столѣтія мы находимъ все то же спорадически являемое педагогическое настроеніе, которое посѣщаетъ иногда отдѣльныхъ лицъ, часто высокопоставленныхъ, по ихъ доброй волѣ ¹⁾, или же составляетъ предметъ заботъ правительства о народномъ просвѣщеніи и педагоговъ по неволѣ, поставленныхъ устроить это дѣло или слѣдить за его теченіемъ и осуществленіемъ.

Была ли до Петровская педагогія національной и самобытной? Несомнѣнно, да, она была заключена, какъ въ своего рода скорлупу, въ религію, и поскольку эта послѣдняя усвоилась русскимъ народомъ, постольку усвоились и педагогическія начала, и притомъ въ извѣстной религіозной окраскѣ; религія свято соблюдалась нашими предками, и слѣдовательно сохранялось все то, что въ ней было заключено; русская жизнь, во всемъ ея укладѣ, строго оберегалась отъ всего иноземнаго, слѣдовательно и педагогіи ничего не угрожало отъ этого послѣдняго. Періодъ этотъ по всей справедливости можно назвать строго національнымъ и самобытнымъ. Въ послѣдующее время, когда на Русь хлынула волна западно-европейскаго образованія и появилась попытка преобразовать русское на иностранный манеръ, а

¹⁾ Таковъ В. В. Измайловъ—Московскій литераторъ, родился въ 1773 году, съ своей школой въ подмосковскомъ имѣніи, въ которой онъ думалъ осуществить начала, высказанныя имъ въ статьѣ „О русскомъ старинномъ воспитаніи“ и въ издаваемомъ имъ журналѣ „Патріотъ“.

также въ моменты особеннаго увлеченія высшаго общества французскою цивилизаціей и лоскомъ,—лучшіе люди патриоты всегда обращались къ до Петровскои Руси, въ ней сами освѣжались и освѣжали заблудшихъ. Такъ какъ вопросъ о воспитаніи всегда есть и былъ самый живой и боевой и такъ какъ въ воспитаніи на чужой манеръ въ такомъ случаѣ полагали все зло, то естественно, что обращались часто волей неволей къ педагогич. *Моменты особеннаго увлеченія иноземнымъ воспитаніемъ породили сознаніе и жажду своего самобытнаго и національнаго воспитанія, причемъ древняя Русь сдѣлалась нѣкимъ хранилищемъ „русскаго духа“ и русскихъ самобытныхъ началъ.* Возвратъ къ этой Руси, въ цѣляхъ нахожденія въ ней противовѣса наноснымъ идеямъ, идущимъ изъ запада и угрожающимъ ничему иному, какъ національному чувству и національному воспитанію,—съ особенной силой и яркостью сказался у Глинки и въ издаваемомъ имъ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“¹⁾. Имя этого писателя съ его журналомъ совершенно уже забыты, но мысли имъ сказанныя настойчиво повторяются и теперь съ особенной силой, между прочимъ, нашимъ авторомъ. Въ названномъ журналѣ Глинка воскрешаетъ то, что его современниками было забыто:—говорить о русскомъ духѣ и направленіи, о русской старинѣ, необходимости самобытнаго развитія, вредѣ раздражительности и т. д. По словамъ его, бесѣда съ праотцами, друзьями и героями отечества—питаетъ душу и, сближая прошедшее съ настоящимъ, умножаетъ бытіе наше... Примѣръ добродѣтелей и нравовъ праотческихъ заключается въ древнихъ преданіяхъ; *въ нихъ означено то особое воспитаніе, о которомъ говорятъ извѣстнѣйшіе наши писатели, и котораго мы желаемъ и жаждемъ*“. Далѣе Глинка требуетъ, чтобы русскіе были богаты не чужимъ, не заимствованнымъ, но своимъ роднымъ добромъ, возстаетъ противъ реформъ, вооружается противъ XVIII в., съ его стремленіями къ преобразованіямъ, и мечтаетъ о томъ времени, когда предки наши, выростая въ страхѣ Божіемъ и простотѣ нравовъ, заимствовали всѣ свои понятія отъ наставленія отцовскаго и изъ духовныхъ книгъ. Они не спорили о какомъ то первобыт-

¹⁾ С. Н. Глинка писатель 12 года—родился въ 1776 г.; въ 1808 г. основалъ свой журналъ, пользовался покровительствомъ извѣстнаго графа Ростопчина.

номъ природномъ состояніи, о *безпредѣльномъ усовершенствованіи ума человѣческаго, но старались исполнять обязанности человека, гражданина и христіанина* ¹⁾). Положенія, какъ увидимъ ниже, *in verbatim* напоминающія многія мѣста изъ сочиненій нашего автора.

Мы не можемъ не привести, далѣе, разсужденіе Глинки о русскихъ добродѣтеляхъ, потому что въ общемъ развитіи идей національной школы эти разсужденія имѣютъ свое значеніе и мѣсто. Русскія добродѣтели, по мнѣнію Глинки, суть: *человѣколюбіе, „защитеніе слабаго и невиннаго отъ хищной и сильной руки“, гостепримство, богобоязненность, нѣжность, состраданіе къ злополучію, и усердіе къ отечеству.* (*Ibid*, стр. 377—380). Вотъ, напр., добродѣтели временъ богатырскихъ:—*ненарушимость даннаго слова, смѣлость и неустрашимость духа, богобоязненность, скромность, простота нравовъ, усердіе къ службѣ государевой и т. д.* Кормчая книга—это *„храмиллице божественныхъ и нравственныхъ преданій, и въ ней заключается все то, на чемъ зиждется истинное благо каждаго человѣка особенно и цѣлыхъ обществъ“* (ч. III, стр. 189—200). Статьи Глинки не имѣютъ педагогическаго характера и вызваны увлеченіемъ русскаго общества иностранными вѣяніями. Тѣмъ не менѣе, какъ ярко выраженные и въ опредѣленной формѣ, они собственно положили основаніе развитію *національнаго* чувства въ его примѣненіи къ дѣлу народнаго воспитанія. Педагогическое же обоснованіе и окраску это чувство, спустя десятки лѣтъ, получило у знаменитаго и извѣстнаго Ушинскаго. Этимъ послѣднимъ уже на научныхъ началахъ была заявлена необходимость національной школы и національной педагогіи, онъ же является идеаломъ русскаго педагога, поскольку своими трудами положилъ начало русской педагогической наукѣ, умными и горячими статьями разбудилъ въ русскомъ обществѣ педагогическую мысль, своимъ благоухающимъ „Роднымъ словомъ“ сдѣлалъ первоначальное обученіе сладкимъ, своимъ приложеніемъ къ тому же слову раскрылъ русскому учителю тайну легкаго и разумнаго начальнаго обученія; онъ же, наконецъ, своею „Педагогическою антропологіей“ указалъ и другимъ отечественнымъ педагогамъ, гдѣ надле-

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ за 1808 г., ч. III, стр. 41.

жить искать основъ для рѣшенія учебно-воспитательныхъ вопросовъ“¹⁾. По мысли Ушинскаго, въ основаніи идеи воспитанія у каждаго народа лежитъ особая идея о человѣкѣ; каждый же народъ имѣетъ свой особый идеаль человѣка и требуетъ отъ своего національнаго воспитанія воспроизведе- нія этого идеала въ отдѣльныхъ личностяхъ. Вотъ почему общей системы воспитанія для всѣхъ народовъ не можетъ быть не только въ практикѣ, но и въ теоріи, и германская, напр., педагогика есть не болѣе какъ система нѣмецкаго воспитанія.

У каждаго народа своя особая національная система воспитанія,—отсюда заимствованіе однимъ народомъ у другихъ воспитательныхъ системъ является дѣломъ невозмож- нымъ и нежелательнымъ...

Глубокіе патріархальные принципы патріархальнаго быта, чуждые съ одной стороны юридической строгости рим- скаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта за- падныхъ народовъ, а съ другой—меркантильной жесткости и расчетливости; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то растилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, нервнаго, но имѣющаго достаточныя силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины чело- вѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, необыкновенная воспримчивость ко всему чуждому и вмѣ- стѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, наконецъ древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ,—религія, воплотившаяся въ плоть и кровь на- рода—*вотъ что должно лечь въ основу русскаго національнаго воспитанія*²⁾. Сторонниками идей Ушинскаго у насъ были проф. Царевскій и Стоюнинъ. По убѣжденію послѣдняго, школу нужно устроить на почвѣ данныхъ народной психоло- гии и исторіи, согласовать съ общественными потребно- стями, при ея организаціи принять во вниманіе характеръ и строй семьи, экономическія, климатическія и всякія дру- гія условія народной жизни. Послѣ Ушинскаго возникло стремленіе къ практическому осуществленію *національной*

¹⁾ К. Ельницкій. „Русскіе педагоги второй половины XIX сто- лѣтія“, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 1.

²⁾ См. у Каптерева—„Истор. педагогики“, стр. 337. .

школы. Вскорости это направленіе пріобрѣло защитника—пзвѣстнаго педагога послѣднихъ лѣтъ—Рачинскаго, у котораго оно затѣмъ обратилось въ національно-церковное и получило особую окраску и большую опредѣленность.

Самъ Рачинскій внесъ въ это дѣло много самобытнаго, и исповѣдываемая имъ идеи не только выразилъ теоретически въ своихъ сочиненіяхъ, но и примѣнилъ ихъ на практикѣ и подтвердилъ всею своею жизнью. Нужно замѣтить, что вначалѣ Рачинскій былъ сторонникомъ народно-національной школы, и его собственное училище въ Татемскомъ имѣніи находилось въ вѣдѣніи Мѣстнаго Училищнаго Совѣта.

Послѣ 1894 года, онъ свои школы отдалъ подъ надзоръ епархіальнаго отдѣленія Училищнаго Совѣта, слѣдовательно,—въ другое вѣдомство. Главнѣшія положенія этого втораго періода у Рачинскаго свелись къ слѣдующему: 1) лучшей руководитель народной школы—это священникъ; 2) лучшей и доступный учитель—это діаконъ; 3) никому, кромѣ священника, школы не должны быть поручаемы.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія того направленія въ русской школѣ, которое, кстати сказать, у немногочисленныхъ вообще русскихъ историковъ педагогики-принято называть *національно-самобытнымъ* и, въ послѣднее время, *церковнымъ*. Это направленіе, какъ мы видимъ, имѣетъ почву и корни въ до Петровской Руси. Случилось такъ, что въ этой послѣдней педагогическія начала были не въ чистомъ ихъ видѣ и такъ сказать не безъ примѣси, но въ оболочкѣ, чѣмъ въ данномъ случаѣ была религія и, быть можетъ, съ ея обрядностью.

Вотъ почему, педагогія шла вслѣдъ за религіей и получала отъ нея окраску и по мѣсту преимушественнаго, если можно такъ выразиться, мѣстонахожденія этой послѣдней, именуется у тѣхъ же историковъ „монастырской“. Рядомъ съ наличностью древней педагогіи, ни одного педагогическаго имени, такъ какъ нельзя признать таковыми митрополита Михаила или же в. князя Владимира Мономаха. Со времени Петра Великаго, съ усиленіемъ западно-европейскихъ вѣяній и въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, зародилась потребность возврата къ давно-прошедшему, и вмѣстѣ съ этимъ намѣтилось опредѣленное стремленіе къ

созданію національной русской школы и постепенно выяснялись начала этой послѣдней.

Въ чемъ полагали эти начала и какъ обычно понимали „русскій духъ“, мы видѣли. По временамъ это направленіе энергично заявляло о себѣ, но никогда, кажется намъ, не было въ немъ такого самоопредѣленія и подъема, а также обостренія между нимъ и противоположнымъ вѣяніемъ, какъ въ 80—90 годахъ прошлаго столѣтія. Картина была такова: въ 60 годахъ того же столѣтія, замерла церк.-приходская школа, и дѣло просвѣщенія постепенно начало переходить въ распоряженіе земствъ. Заговорили о „свободной школѣ“ и „свободномъ воспитаніи“, о необходимости расширить школьныя программы, внести въ нихъ „міровѣдѣніе“, и т. д.

Къ тому же времени на русскую почву успѣли пересадить нѣмецкую педагогическую науку, не мечтанія и настроенія, а новые научныя пріемы, методы и изобрѣтенія въ области прикладной педагогики; намѣчалась въ жизни нынѣшняя Лига образованія, съ ея отрицаніемъ какихъ бы то ни было попеченій о школѣ со стороны правительства, и вотъ, въ это время, судьбѣ угодно было выдвинуть на арену дѣйствій замѣчательнаго человѣка, по своему, въ своемъ направленіи и среди своихъ единомышленниковъ—вполнѣ законченнаго мыслителя педагога, К. П. Побѣдоносцева, вручить ему дѣло воспитанія цѣлой половины великаго народа и дать ему въ изобиліи, какъ никому другому, средства и возможность для *практическаго* осуществленія его возрѣній.

Г л а в а II.

Имя К. П. Побѣдоносцева извѣстно всей Россіи. Послѣдняя знаетъ его какъ воспитателя трехъ царственныхъ учениковъ—в. кн. Николая Александровича, Александра Александровича и благополучно царствующаго Государя Николая Александра, какъ члена Государственнаго Совѣта, оберъ-прокурора Св. Синода, много лѣтъ стоявшаго у кормила церковнаго правленія, первокласснаго ученаго-юриста, автора ряда литературныхъ трудовъ, духовное сословіе признаетъ въ немъ возсоздателя и руководителя церковно-приходскихъ школъ, устроить которыя оно было имъ призвано, и духовнаго просвѣтителя инородцевъ Волжско-Камскаго

края. Есть еще одна сторона его дѣятельности, и въ ней Константинъ Петровичъ является то авторомъ рѣчи о конституціи, сказанной имъ въ зимнемъ дворцѣ 8 марта 1881 г.,¹⁾ то энергичнымъ отповѣдникомъ на неразумныя притязанія Эдуарда Навилля—президента Швейцарскаго центральнаго комитета Евангелическаго Союза, по поводу порядковъ въ Россіи²⁾, дѣятельность охранительная, давшая Константину Петровичу названія „мужа совѣта“, „охранителя православія“. —Но это не наша область.

Чѣмъ былъ Константинъ Петровичъ для своей родины, это засвидѣтельствовано при его жизни въ Высочайшихъ рескриптахъ, данныхъ отъ 14 мая 1896 г., въ день св. коронованія, и 15 августа 1898 г., при пожалованіи ему ордена Андрея Первозваннаго.

Въ первомъ говорится, что Константинъ Петровичъ „съ любовью содѣйствовалъ повсемѣстному умноженію церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, прилагалъ старанія къ оживленію церковной проповѣди и столь же успѣшному возстановленію и открытію самостоятельныхъ приходовъ, проявилъ возвышеннаго значенія усилія и труды, въ цѣляхъ утвержденія въ истинахъ православной вѣры части населенія, но невѣжеству, пребывающей въ прискорбныхъ заблужденіяхъ“. Во второмъ отмѣчается „значительность заслугъ Константина Петровича, оказываемыхъ имъ православною церковью и выразившихся въ неуспѣшныхъ заботахъ о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня духовенства, улучшеніи хозяйственнаго его быта и усиленіи религіозно нравственнаго воздѣйствія его на паству, а равно—въ попеченіи объ умноженіи школъ и развитіи церковнаго просвѣщенія въ Россіи“.—Особенно полно и живо охарактеризовалъ роль и значеніе Константина Петровича Преосвященный Архіепископъ Волынскій Антоній, епископъ не пользовавшійся милостями знаменитаго оберъ-прокурора и едва ли въ данномъ случаѣ пристрастный судія.

Эта характеристика мало кому извѣстна, по крайней мѣрѣ она не была напечатана въ „большихъ“ духовныхъ журналахъ, почему мы приведемъ ее здѣсь съ надлежащими

¹⁾ Рѣчь эта напечатана въ ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1907 г. и въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1907 г., кн. 2, стр. 103—104.

²⁾ Этотъ отвѣтъ напечаталъ въ „В. и Р.“ за 1888 г. III, стр. 124.

сокращеніями. „Я, обращается арх. Антоній въ Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ къ П—ву, чтить въ Васъ христіанина, чтить патріота, чтить ученаго, чтить труженника. Я сознавалъ всегда, что просвѣщеніе народа въ единеніи съ церковью, начатое въ 1884 году исключительно благодаря Вамъ и Вами усиленно поддерживавшееся до послѣдняго дня вашей службы, есть дѣло великое, святое, вѣчное, тѣмъ болѣе возвышающее вашу заслугу церкви, престолу и отечеству, что въ этомъ дѣлѣ вы были нравственно почти одиноки... Вы поднимали цѣлину жизни и быта, брались за дѣла, нужныя Россіи, но до васъ администраціи невѣдомыя. Первое,—дѣло церковно-приходскихъ школъ вы такимъ образомъ подняли и вынесли на своихъ плечахъ...

Вы приблизили духовную школу къ духовнымъ нуждамъ народа, къ жизни церкви... надъ грамотной Россіей подняли свѣтъ Божественный библии, распространили слово Божіе по дешевой цѣнѣ на всѣхъ нарѣчіяхъ православной Россіи и иныхъ отдаленныхъ странъ. Вы украсили изданія книгъ святыхъ молитвъ и пѣснопѣній церковныхъ, и старались убѣдить духовенство и общество въ томъ, что послѣ Петровская эпоха не улучшила, а понизила и исковеркала наши напѣвы и богослуженіе.... Вы убѣждали строить православные храмы въ православномъ архитектурномъ ихъ благолѣпін, а не въ безобразномъ видѣ еретическихъ капищъ... Вы умѣли цѣнить снѣдающую ревность о Богѣ подъ мужицкими зипунами, подъ бешметами учителей изъ крещеныхъ инородцевъ“...

Имя Константина Петровича не только извѣстно, но и въ высшей степени популярно, и за послѣдніе 10 лѣтъ, ни одинъ государственный дѣятель или ученый не породилъ о себѣ столько толковъ и пересудовъ, благословеній и проклятій, и ни одно имя для толпы не было столь загадочно и непонятно, какъ имя глубокого старца, стоящаго у кормида правительственной власти. Если его понимали и цѣнили немногіе, близко его знающіе, то большинство недоумѣвало и иногда возмущалось по поводу его дѣйствій, словъ и сочиненій. Та печать, которую, какъ мы увидимъ ниже, со всей опредѣленностью въ выраженіяхъ, не любилъ Константинъ Петровичъ и которую считалъ великимъ зломъ нашего времени, та самая печать придала его личности

какую то таинственность и загадочность и не пропускала ни одного важнаго момента въ поступательномъ ходѣ его государственной дѣятельности безъ той или иной и, чаще всего, враждебной ему оцѣнки. Она наименовала Его „чернымъ папой“, „злымъ гениемъ“, „вампиромъ“; но на страницахъ той же печати мы находимъ восторженные о немъ отзывы и цѣлыя статьи, ему посвященные, написанныя при этомъ съ горячей любовью, и видно, что въ такомъ случаѣ авторовъ воодушевляла именно удивительно своеобразная и не заурядная, оригинальная и необычная личность Константина Петровича, видно, что послѣдній заставлялъ такихъ авторовъ думать или наводилъ на думы, параллели и сближенія, будилъ въ нихъ чувство и затрагивалъ коренныя убѣжденія. Въ такомъ случаѣ о немъ писали, потому что стоило писать или можно было на немъ провѣрить то или иное положеніе, ту или иную историческую истину¹⁾. *Столь двойственна, слѣдовательно, въ глазахъ людей была личность К. П. П—ва.*

Изъ приведенныхъ немногихъ свидѣтельствъ можно видѣть, насколько значительна и всестороння была и его дѣятельность, и не легко поэтому опредѣлить, что собственно нужно подчеркнуть въ этой послѣдней *прежде* и что *послѣ*, что ярче сказалось здѣсь: оберъ—прокурорская дѣятельность или же литературная, административно-охранительная или же учительная. Скорѣй всего и правильнѣе, всѣ они переплелись между собою и тѣсно спаялись и дали въ результатѣ удивительно *цѣльнаго*, послѣдовательнаго, прямого, и незауряднаго администратора, ученаго и педагога. Для полной и всесторонней оцѣнки К. П. еще не настало время, такъ какъ не улеглись еще событія, имѣвшія мѣсто въ 1905—06 годахъ, а самые матеріалы, необходимые для такой оцѣнки, частью не приведены въ порядокъ, частью не обнаружены и могутъ быть напечатаны не ранѣ 10 лѣтъ послѣ смерти П—ева. Извѣстно, напр., что въ Румянцевскій музей поступила на храненіе переписка К. П., которая состоитъ изъ трехъ частей: въ первой—письма къ К. П. Высочайшихъ особъ и видныхъ государственныхъ дѣятелей, во вто-

¹⁾ См., напр. „К. П. Повѣдоносцевъ (матеріалъ для біографіи)“ Истор. Вѣстникъ за 1907 г., апрѣль, стр. 247; „Литературная дѣятельность К. П. П—ева“, Истор. Вѣстн. за 1896 г. сентябрь, стр. 711.

рой—письма къ нему дочери извѣстнаго поэта Тютчева-придворной дамы, и въ третьей—письма педагога Рачинскаго¹⁾. Эта переписка несомнѣнно дастъ будущему біографу прекрасный матеріалъ для уясненія личности К. П., съ ея государственными и педагогическими воззрѣніями.

Наша задача посильно представить *педагогическія* воззрѣнія К. П., при чемъ иныхъ его взглядовъ, какъ администратора или юриста, мы будемъ касаться по мѣрѣ надобности и въ цѣляхъ полноты и обоснованности первыхъ. Не скроемъ, что и такая задача не изъ легкихъ и что вообще трудно выдѣлить педагогическое настроеніе въ чистомъ его, такъ сказать, видѣ въ человѣкѣ, который занималъ столь высокое положеніе и обнаружилъ столь многостороннюю дѣятельность, то какъ воспитатель царскихъ дѣтей, то какъ Оберъ-Прокуроръ, и т. д.

Какъ извѣстно, дѣдъ К. П. былъ священникомъ Московскаго клира, а отецъ, по окончаніи Московской Духовной Академіи, состоялъ профессоромъ словесности въ Московскомъ Университетѣ по кафедрѣ Россійской словесности и имѣлъ степень магистра философіи и словесныхъ наукъ. О профессорской дѣятельности Побѣдоносцева—отца извѣстно, что онъ обращалъ особенное вниманіе на практическія занятія студентовъ, *на чистоту рѣчи* и строгое соблюденіе правилъ грамматики²⁾, и въ К. П. сказалась *эта черта*: Побѣдоносцевъ—сынъ обладалъ замѣчательною правильностью слога и былъ истиннымъ мастеромъ слова, что между прочимъ, отмѣчено въ одномъ изъ Высочайшихъ манифестовъ, данныхъ на его имя. К. П. росъ и воспитывался въ интеллигентной семьѣ и при томъ, какъ говорятъ,—духовной“ и съ духовной окраской. О нравственной сторонѣ этого воспитанія самое живое и наглядное представленіе можно составить по книжкѣ К. П. „Праздники Господни“. Эта книжка, небольшая по размѣрамъ, но выдержавшая 6 изданій,—истинно жемчужина по красотѣ слога и пониманію русской религіозной настроенности. Какъ богословскій трактатъ, она поражаетъ читателя обширными познаніями автора-юриста по вопросамъ литургическимъ. По отношенію къ самому

¹⁾ См. „Церковныя Вѣдомости“ за 1907 г. № 13, стр. 102.

²⁾ См. словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIII.

К. П., она—несомнѣнная его автобіографія и при томъ самой значительной, если можно такъ выразиться, части его души, и какъ таковая—рядъ цѣлыхъ и законченныхъ *впечатлѣній*, какія могутъ произвести отдѣльные моменты церковной службы на дѣтскую вѣрующую душу, впечатлѣній за тѣмъ связанныхъ другъ съ другомъ и дающихъ въ результатъ религіозную *настроенность* той же души на цѣлый день и за тѣмъ на цѣлый годъ и на всю жизнь. Изъ этой книги мы узнаемъ, что К. П. воспитывался въ религіозной семьѣ, съ малыхъ лѣтъ былъ приученъ къ церкви и, при своемъ природномъ глубокомъ умѣ, обширной памяти и впечатлительной натурѣ, въ раннихъ годахъ воспринялъ смыслъ церковнаго богослуженія и православныхъ обрядовъ. У Повѣдоносцева, какимъ онъ помнитъ себя въ дѣтствѣ, была добрая няня, которая водила ребенка въ церковь, а въ церкви—„любимые благоухающіе напѣвы“ и свой „родной колоколь“.—И дѣло представляется такъ, что къ отверстой душѣ ребенка была приближена *церковная атмосфера* и что онъ съ малыхъ лѣтъ дѣйствительно привыкъ пѣть пѣснь Вседержителю Богу.—Въ этой же книжкѣ К. П. высказываетъ убѣжденіе, подмѣченное имъ въ томъ же дѣтствѣ и въ той же обстановкѣ—благоухающихъ напѣвовъ и родного колокола,—что русскому народу свойственно *пѣть Богу* и что это слово понятно ему, съ дѣтства воспитанному въ благочестивомъ обычаѣ, съ дѣтства знающему церковь съ ея праздниками; вотъ почему русскій человекъ всю свою жизнь, все свое рабочее время, привыкъ размѣрять по праздникамъ церковнымъ. Русская душа отдыхаетъ и радуется въ церковный праздникъ... Ей отрадно исчезать со своимъ я въ массѣ молящагося народа, которая сливается въ эти минуты въ единую празднующую предъ Богомъ душу¹⁾...

По своему составу „Праздники Господни“,—это рядъ стихотвореній въ прозѣ, написанныхъ не въ одно и то же время, а на разстояніи съ 1857 г. по 1861, значитъ, цѣлыхъ четыре года К. П. сосредоточенно отдавался воспоминаніямъ дѣтства и изъ нихъ вылились на бумагѣ только тѣ, что были созданы и навѣяны церковью и церковной атмосферой²⁾. Съ теченіемъ времени, религіозное чувство окрѣпло

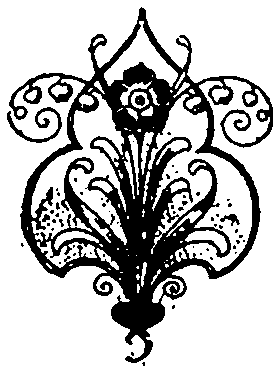
1) „Праздники Господни“, изд. 7. М. 1905 г. стр. 4 и 25.

2) К. П. П—евъ родился 21 мая 1827 года, въ Москвѣ.

въ К. П. П—вѣ, и „родной колоколъ“ не былъ имъ забыть въ пору его высшаго служебнаго положенія, почета и уваженія со стороны однихъ и невольнаго, быть можетъ, трепета со стороны другихъ.—Такъ въ рѣчи, произнесенной въ Кіевѣ 15 іюля 1888 года на трапезѣ, предложенной городомъ по случаю празднованія 900 лѣтня крещенія Русскаго народа, К. П., проводя между прочимъ ту мысль, что въ принятые отъ грековъ наши церковные уставы мы вложили свою русскую душу, далѣе восклицаетъ:—„И еще не русская ли душа, одна, изукрасила и возлюбила у себя тотъ чудный звукъ русскаго колокола, который такъ таинственно и увлекательно будить ее и зоветъ въ церковь и—отъ земли—домой, на небо“¹⁾. Знавшіе лично К. П., не разъ видѣли его пробирающимся среди богомольцевъ въ Казанскій соборъ въ С. П. Б. и тамъ горячо молящагося у колонъ. *Религіозное чувство легло въ основу всей дѣятельности. К. П., какъ администратора, оно же окрасило въ яркій цвѣтъ и его педагогическія воззрѣнія.*

В. Доброславскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Эта рѣчь напечатана въ ж. „В. и Р.“ за 1888 г., т. I, ч. II, стр. 128.

ДУЭЛЬ,

ея исторія и критическая оцѣнка съ научно-богословской точки зрѣнія *).

(Окончаніе **).

Честь христіанская не тождественна съ честію у дуэлянтовъ. У нихъ своя особая, условная (point d'honneur) честь, которой скорѣе приличествуетъ названіе языческой чести, нежели христіанской ¹⁾. Внутренняя, единственно истинная честь предъ Богомъ, высокое достоинство человѣческой природы, какъ Богомъ и по образу Божію созданной, имъ, какъ и древнимъ язычникамъ, совершенно чужды, такъ что достоинство свое они исключительно видятъ во мнѣніи о себѣ другихъ людей, во внѣшнемъ почетѣ. Съ потерей этого почета для нихъ остается только *призракъ* чести ²⁾. Христіанинъ же и среди внѣшняго безчестія сознаетъ свою честь, свое достоинство.

Эта условная честь дуэлянтовъ подмѣняетъ собою самое основаніе христіанской нравственности-нравственный законъ. И эта подмѣна чревата послѣдствіями. Нравственный законъ живетъ въ душѣ человѣка, онъ есть внушеніе духовной природы нашей, онъ изъясняется Божественнымъ

*) Богословское чтеніе, предложенное отъ имени Братства Озерянской Божіей Матери въ залѣ Харьковской городской думы, 30 января 1911 года.

**) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1911 годъ.

1) Hengstenberg. „Das Duell und die chzistische Kirche, s. 25.

2) Не даромъ у древнихъ грековъ человѣческая честь называлась словомъ *δοξα* (слава), обозначающимъ собою нѣчто *кажущееся* (*δόκησις*), т. е. нѣчто мнимое, недѣйствительное, а не твердое и устойчивое.

Откровениемъ. Напротивъ, честь, во имя которой создаются дуэли, есть понятіе, рѣшительно противорѣчащее закону нравственному. Нарушеніе нравственнаго закона есть оскорбленіе природнаго достоинства богоподобной личности человѣка. Нарушеніе же или оскорбленіе чести дуэлянтовъ есть несоблюденіе того, что въ данное время, въ данномъ обществѣ лишь условно принято, какъ *достоинство* человѣка. Конечно, за неизмѣнимъ лучшаго, это условное понятіе о чести также необходимо, но не слѣдуетъ забывать, что оно необходимо не въ нравственныхъ интересахъ личности, а въ интересахъ общественной дисциплины, почему и требуется поддерживать его. Здѣсь человѣкъ принуждается къ извѣстному поведенію не потому, что этого требуетъ его совѣсть, а потому, что такъ *принято* въ томъ или другомъ кругу общества. А между тѣмъ съ точки зрѣнія христіанской нравственности мы очень часто обязаны дѣйствовать именно не такъ, какъ *принято*, а какъ велитъ нравственный законъ совѣсти. Понятіе же *корпоративной* чести, напротивъ, требованія товарищества ставитъ выше личнаго убѣжденія, внушаемаго голосомъ совѣсти и т. п.

Итакъ честь дуэлянтовъ не оправдывается здравымъ христіанскимъ понятіемъ о чести, и потому вопросъ о дуэли съ точки зрѣнія этого понятія долженъ быть рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Таково же рѣшеніе этого вопроса должно быть и съ точки зрѣнія тѣхъ *способовъ* удовлетворенія оскорбленной чести, какіе практикуются дуэлянтами. Оружіе—это рѣшительно не подходящее въ рукахъ дуэлянтовъ средство возстановленія оскорбленнаго чувства чести, а нанесеніе оскорбителю того или иного увѣчья—и тѣмъ болѣе его убійство—иначе плата зломъ за зло—плохая отплата за оскорбленіе; потому что дѣйствительное оскорбленіе истинной чести, а не мнимое, совершенно несоизмѣримо съ внѣшнимъ физическимъ на него воздѣйствіемъ, которымъ можно доказывать развѣ только свою силу, ловкость и проворство, а не честь и внутреннее достоинство. Очевидно, позволяющіе себѣ выступать на дуэль держатся того малокультурнаго взгляда, по которому нравственное *превосходство* личности понимается въ прямой зависимости отъ превосходства физическаго и даже смѣшивается съ нимъ. Подобныя понятія приводятъ къ самымъ абсурднымъ заявленіямъ, въ

родъ слѣдующаго: „а, вы называете меня подлецомъ, такъ не угодно ли я вамъ докажу, что я васъ храбрѣе, ловче и сильнѣе!“ 1) Слѣд. честь измѣряется здѣсь совершенно не подходящей мѣркой, подобной по смыслу тому, какъ если бы кто началъ измѣрять длину мѣрой вѣса. Да и можетъ ли личная расправа на самомъ дѣлѣ возстановить поруганную честь? Если меня уличили въ подлости, то какимъ образомъ моя честь возстановится, когда я убью противника, или самъ буду убитъ? Насиліемъ можно достигнуть только внѣшняго возстановленія чести. Можно заставить перестать публично говорить дурно о себѣ; но заставить хорошо думать о себѣ—это, конечно, не можетъ сдѣлать никакое насиліе.

Если разсматривать дуэль, какъ кровавый способъ удовлетворенія оскорбленной чести, съ чисто логической стороны, то она представляетъ также сплошную бессмыслицу. Смерть, раны на дуэли не одинаково ли угрожаютъ какъ оскорбленному, такъ и оскорбителю? Человѣка обидѣли, да его же еще можетъ быть и убьютъ! Обиженный, чтобы смыть обиду, рискуетъ еще своею жизнію: къ одной, сравнительно ничтожной потерѣ присоединяетъ другую, крупнѣйшую! Безнравственно убійство изъ-за угла, но и оно имѣетъ больше смысла, нежели дуэль; потому что въ убійствѣ изъ-за угла страдаетъ все-же виновный, а не невинный, какъ часто бываетъ на дуэли. Полнѣйшимъ же логическимъ абсурдомъ дуэль является въ особенности тогда, когда она происходитъ по требованію суда общества офицеровъ. Разсуждая по поводу такой дуэли, генераль Драгомировъ замѣчаетъ: „полагаю, что предоставленіе офицерскому суду права рѣшать, долженъ ли я драться на дуэли или нѣтъ, есть отрицаніе именно той самой чести, о которой такъ хлопчутъ: вѣдь честь то *во мнѣ*, а не *виѣ* меня; вѣдь она *моя*, а не кого-нибудь иного; и рѣшать о томъ, поругана она или нѣтъ, могу только я, и никто другой—иначе она *не моя*. Если же я и рѣшаюсь кого посвятить въ случившееся со мною столкновеніе, то опять же по *моему* выбору, какъ духовника, а не казенную коллегію. Какъ бы послѣдняя ни была честна и безпристрастна, она выбрана *не мною*, и право отвода кого-либо изъ членовъ мнѣ не дано“ 2).

1) Н. Фоминъ. „Дуэль“. „Русскій Трудъ“ 1899 г., № 22, стр. 9.

2) „Дуэли“. Кіевъ, 1900 г. стр. 12—13.

въ данномъ случаѣ дуэлянта взяться за оружіе, обыкновенно является просто нежеланіе разстаться съ привычною военною службою и лишиться вмѣстѣ съ тѣмъ права на уваженіе къ себѣ со стороны товарищей. При этомъ, какъ это само собою разумѣется, мотивы чести здѣсь не играютъ особенной роли, а, слѣд., дуэль подобнаго рода оказывается навязанною защитою мнимо-оскорбленной чести и связывается обыкновенно съ подавленнымъ нравственнымъ настроеніемъ, нерѣдко проторгающимся, такъ сказать, и во внѣ. Естественный и почти обязательный исходъ такихъ дуэлей слѣдующій: убійца—офицеръ, обыкновенно испытывающій горькое чувство по поводу безвременной и бессмысленной кончины своего товарища, въ тяжелой тоскѣ выходитъ въ отставку¹⁾.

Кровавая расправа за поруганную честь рѣшительно осуждается и словомъ Божиимъ, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта. Уже Моисей, хотя и позволялъ своимъ современникамъ, въ виду невысокаго уровня ихъ нравственности, отплачивать „окомъ за око, и зубомъ за зубъ“ (Исх. 21, 24), однако тѣмъ самимъ требовалъ наказаніе *соразмѣрять* съ преступленіемъ, т. е. требовалъ возвращать на голову виновнаго именно то, что онъ сдѣлалъ другому, но не болѣе²⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ возбраняется не только „человѣкоубійство“ (Іоан. 3, 15), которое нерѣдко служитъ *фактическимъ* завершеніемъ дуэли, но даже всякое злорѣчіе, гнѣвъ, ярость, злоба, и все подобное, отъ раздраженія происходящее (Ефесс. 4, 31; Кол. 3, 8). Нѣкоторые (генераль Кирѣевъ), желая ослабить силу указанныхъ доводовъ противъ дуэльной расправы съ противникомъ, заимствованныхъ изъ Свящ. Писанія, ссылаются на войну и на смертную казнь, которыя-де представляютъ гораздо болѣе опасности для жизни, нежели дуэль, а между тѣмъ не осуждены словомъ Божиимъ. Многіе читаютъ Свящ. Писаніе для того, чтобы быть въ состояніи только говорить о немъ, а многіе, по примѣру Ирода (Мѣ. 2, 8), знаніе онаго обращаютъ даже противъ Іисуса Христа. Эти слова, да проститъ намъ покойный генераль Кирѣевъ,

¹⁾ Н. Ооминъ. „Дуэль“. „Русскій Трудъ“ 1899 г., № 23; Д. И. Введенскій. „Должно ли и можно ли оправдывать дуэль“? „Вѣра и Церковь“ 1899 г., кн. 6, стр. 64—65.

²⁾ Кейль „Руководство къ библейской археологіи“. Кіевъ, 1874 г., ч. II, стр. 328.

очень идутъ къ нему, столь непонятно относившемуся къ ученію христіанской вѣры. Не христіанство, а гражданскій порядокъ ведетъ войну и казнить преступниковъ. Не вдаваясь въ подробности весьма сложнаго и труднаго вопроса о войнѣ и казни, мы замѣтимъ лишь слѣдующее: 1) каждый воинъ, какъ членъ государства, обязанъ защищать его права, честь и свободу, и если, по словамъ Самого Спасителя, „нѣтъ больше любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. 15, 13), то христіанинъ, полагающій душу свою на полѣ брани за свое отечество, является въ себѣ высокую черту истинно христіанскаго духа,—почему войну ни въ какомъ разѣ нельзя сравнивать съ дуэлью; 2) въ смертной же казни по рѣшенію суда мотивъ личной мести отсутствуетъ, между тѣмъ какъ во всякой дуэли онъ всегда составляетъ существенную ея стихію.

Совсѣмъ не такъ надлежитъ ревновать по своей чести христіанину. „Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой,—училъ Самъ Іисусъ Христосъ,—пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ: если послушаетъ тебя; то пріобрѣлъ ты брата твоего. Если же не послушаетъ; возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ, или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушаетъ ихъ; скажи церкви: а если и церкви не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѡ. 18, 15—17): вотъ чему училъ Спаситель въ случаѣ возникновенія между людьми взаимныхъ недоразумѣній. Отличительное свойство этого евангельскаго суда собратьевъ таково: съ начала до конца онъ является какъ бы продолженіемъ того суда, который имѣетъ человекъ надъ собою въ своей совѣсти (ср. 1 Кор. 11, 31). Это не судъ внѣшняго физическаго воздѣйствія, часто готоваго перейти въ требованіе крови противника какъ въ дуэли, а судъ, приспособленный къ тому, чтобы „согрѣшившій братъ“ легче увидѣлъ свой грѣхъ и исправился. Согрешившему всѣ должны помочь стать выше своей нравственной слабости.

Сначала это дѣлаетъ самъ обиженный, показывая тѣмъ самымъ, что считаетъ обидчика лишь заблудившимся, а не безчестнымъ. Только въ томъ случаѣ, когда это личное судебное разбирательство обидчика и обиженнаго не привело къ сознанию вины и исправленію, обиженный обращается

къ суду *евидтелей*, съ двумя-тремя близкими людьми. Если и въ этомъ случаѣ обидчикъ обнаружитъ неспособность раскаяться, наступаетъ очередь суда *церковнаго*, т. е. общественнаго. Должно замѣтить, что и судъ церковный вовсе не „чужой совѣсти“, ибо церковь есть общество людей одной и той же вѣры, одного и того же нравственнаго идеала. Для подсудимаго—это судъ *вполнѣ свой*. Когда этотъ судъ объявитъ, что данная личность дѣлается для церковнаго общества чужою, „какъ язычникъ и мытарь“, виновный самъ сознаетъ, что это правда, а потому приговоръ церкви нерѣдко становится для отлучаемаго послѣднимъ побужденіемъ подняться на должную высоту. Цѣль этого приговора—приобрѣтеніе согрѣшившаго брата, „созиданіе“, какъ выражается ап. Павелъ, а „не разореніе“ (2 Кор. 13, 10), т. е. возбужденіе въ согрѣшившемъ раскаянія и рѣшимости возвратиться на правый путь, а не удовлетвореніе оскорбленной чести обиженнаго путемъ внѣшняго принужденія или насилія. То ли представляетъ собою грубо эгоистическій судъ дуэли?

Апостолы также учили вѣрующихъ *надлежаще* ревновать по чести своей. Такъ какъ всѣ вѣрующіе во Христа, купленные дорогою цѣною, между собою братья по духу (1 Кор. 6, 11, 19—20), такъ какъ, далѣе, они своею жизнію должны „возвѣщать совершенства Призвавшаго ихъ“ (1 Пет. 2, 9); то въ отношеніи къ вопросу объ удовлетвореніи оскорбленной чести нашей, это „возвѣщеніе совершенствъ Призвавшаго насъ“, по смыслу ученія апостольскаго, должно выражаться въ томъ, чтобы мы, „*дѣлая добро*, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей“ (1 Пет. 2, 15) и „не воздавали зломъ за зло, но *нежлись о добромъ* предъ всѣми человекѣми“ (Рим. 12, 17); чтобы, далѣе, „не мстили за себя“ даже въ томъ случаѣ, когда есть дѣйствительные поводы къ мести, „но давали мѣсто гнѣву Божію. Ибо написано: Мнѣ отмщеніе, Я воздамъ, говорите Господь“ (Рим. 12, 19. Ср. 32, Втор. 32, 35); чтобы, наконецъ, „гнѣваясь, не согрѣшали“ и „*прощали другъ друга, какъ и Богъ во Христѣ простилъ насъ*“ (Ефес. 4, 26, 32. Ср. Іак. 1, 19—20). Какъ велики эти послѣднія слова Апостола! Безконечно было то оскорбленіе Богу, которое нанесено было Ему челсвѣкомъ въ лицѣ согрѣшившихъ прародителей, но Господь простилъ человека. Не должны ли и мы прощать обиды обидѣвшимъ

насъ, не заключается ли въ этомъ прощеніи гораздо болѣе подлиннаго человѣческаго достоинства, нежели въ томъ, чтобы сдѣлавъ глупость, а иногда и мерзость, „упереться на ней, по выраженію генерала Драгомирова, ослинымъ обычаемъ, называемымъ дуэлью?“¹⁾

Въ духѣ апостольскомъ учать по поводу оскорбленной чести св. отцы и учителя Церкви. „Кто мститъ за себя,—пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ,—тому отмститъ Господь, ибо когда ты мстишь ближнему своему за обиду, то не мститъ ему Богъ, когда же ты прощаешь, то Богъ или мститъ ему, или твои грѣхи прощаетъ“. „Не мсти, а прощай ближнему, какъ бы продолжаетъ мысль Златоуста бл. Августинъ, ибо и самъ имѣешь нужду въ прощеніи отъ Бога, такъ какъ лучше быть жертвою, нежели злодѣемъ; лучше печаль того, кто терпитъ, нежели радость того, кто несправедливо дѣйствуетъ“. Какъ бы изъясняя это святоотеческое ученіе, и показывая, къ какимъ результатамъ приводитъ нарушеніе его, митроп. Московскій Филаретъ, замѣчаетъ: „Обида, возданная за обиду, не только не уничтожаетъ зла сдѣланнаго, но и не останавливаетъ хода зла или даже усиливаетъ оное. Въ комъ было довольно зла, чтобы начать обиду, въ томъ, по всей вѣроятности, найдется еще болѣе, чтобы отвѣчать на взаимную обиду. Такимъ образомъ, должна произойти цѣпь обидъ, и поелику каждый воздающій за обиду естественно старается сдѣлать соперника менѣе способнымъ вредить, то всякая дальнѣйшая обида должна быть тяжелѣе и убійственнѣе предыдущей. Изъ сего можно усмотрѣть, какъ вѣрно разсужденіе Апостола: „Если же другъ друга угрызаете и съѣдаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены другъ другомъ“ (Гал. 5, 15)²⁾.

Такое ученіе объ отношеніи къ личнымъ обидамъ оправдывается примѣромъ дѣйствиій св. отцовъ. Преп. Макарій Египетскій, обвиняемый въ соvrащеніи невинной дѣвицы и съ безчестіемъ влекомый по городу, не вступался за оскорбленное человѣческое достоинство, а принималъ это какъ должное и, оправившись отъ побоевъ, содержалъ своими трудами оклеветавшую его грѣшницу. Когда же была открыта его невинность и оскорбители намѣрены были про-

¹⁾ „Дуэли“, стр. 5.

²⁾ См. „Противъ поединка. Отвѣтъ ген. Кирѣеву оберъ-офицера русской арміи“. Спб 1900 г., стр. 25—27.

силь прощенія, преподобный бѣжалъ въ горы, не хотя, по словамъ его житія, почитанія и славы человѣческа: ибо изволеннѣе ему было безчестіе, неже честь отъ человѣкъ приимати“¹⁾). Замѣчательнѣе общеизвѣстный примѣръ незлобія св. отца нашей отечественной Церкви, Тихона Задонскаго. По природѣ горячій и вспыльчивый, онъ былъ удивительно кротокъ и незлобивъ: разъ, въ домѣ знакомаго, святитель велъ бесѣду съ однимъ дворяниномъ—нашимъ доморощеннымъ вольтеріанцемъ, и бесѣда эта перешла у нихъ въ горячій споръ, въ которомъ дворянинъ настолько разгорячился и забылся, что нанесъ святителю пощечину. Св. Тихонъ поклонился дворянину до земли, прося у него прощенія за то, что довелъ его до такого состоянія; за то и дворянинъ, придя въ себя, ужаснулся своего поступка, что позволилъ себѣ поднять руку на святителя Божія, и въ свою очередь упалъ къ ногамъ архіерея, умоляя въ слезахъ простить его. Само собою разумѣется, что этотъ дворянинъ не только получилъ прощеніе, но и на всю жизнь остался другомъ и и почитателемъ святителя.

Быть можетъ, совѣтывать человѣку *замалчивать* оскорбленія,—какъ выражается Экштейнъ о всепрощеніи,—значить требовать отъ людей смиренія выше человѣческаго“²⁾). Но вѣдь это—идеаль, а идеаль для того и существуетъ, чтобы къ достиженію его стремиться всѣми силами. Замѣчательна въ этомъ стремленіи къ идеалу *декларация* (1844 г.) английской королевы Викторіи, гдѣ она, выражая одобреніе лицамъ, оскорбившимъ или оскорбленнымъ и соглашающимся извиниться или принять извиненіе, предписываетъ: „если же кто откажется дать или принять объясненіе или извиненіе, то дѣло должно быть передано на рѣшеніе командира полка или коменданта, и мы объявляемъ *избавленными* отъ всякаго упрека въ *безчестіи* всѣхъ офицеровъ и солдатъ, которые, сдѣлавъ или принявъ *извиненіе*, *откажутся отъ дуэли*, потому что въ такомъ случаѣ они поступаютъ какъ принято *честнымъ* людямъ и вполнѣ покорнымъ дисциплинѣ“³⁾). На-

1) Четы-Минеи за 19 января.

2) „Честь въ философіи и въ правѣ“, стр. 121.

3) Этою же декларацией, какъ и нашими русскими узаконеніями, жена убитаго на дуэли офицера лишается права на пенсію (ср. ст. 229. Кн. VIII. Св. В. П. Изд. 1869 г.).

противъ того, дуэлянты, слѣдующіе грубымъ понятіямъ о насильственномъ возстановленіи оскорбленной чести, забываютъ, что нѣтъ такой обиды, которая не была бы покрыта любовію и не допускала бы примиренія. Они не знаютъ, какого истиннаго удовлетворенія, невозможнаго при дуэли, лишаетъ эта послѣдняя обиженнаго, когда обидчикъ сознаетъ свою вину, чувствуетъ раскаяніе и искренне ищетъ примиренія. Даже утилитарная философія, не смотря на кажущееся отсутствіе возвышенности въ ея основаніяхъ, объявляетъ въ лицѣ ея провозвѣстника и вмѣстѣ съ тѣмъ поборника дуэли—Бентама: „забвеніе обидъ есть добродѣтель, необходимая для человѣчества“¹⁾).

Лично христіанинъ можетъ не вступаться за свою оскорбленную честь, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ это составляетъ даже его нравственный долгъ; но какъ скоро дѣло касается оскорбленія того, что относится къ славіи Божіей, онъ долженъ мужественно стать на защиту ея. Такое правило освящается примѣромъ дѣйствій Самого Іисуса Христа, Который, будучи во всемъ равный Богу Отцу, не Своей славы искалъ, а славы пославшаго Его Отца (Іоан. 8, 49—50; 17, 8—4). Нѣкоторые случаи изъ Его земной жизни особенно назидательны въ этомъ отношеніи. Такъ, когда однажды фарисеи возводили на Него разныя клеветы, стараясь уронить Его во мнѣніи народа; то Онъ не остался равнодушенъ, а защищалъ Свое служеніе во славу Божію, ссылаясь на множество Своихъ добрыхъ дѣлъ, которыя Онъ показалъ имъ отъ Отца, и вопрошая: „за которое изъ нихъ хотите побить Меня камнями?“ (Іоан. 10, 32. Ср. Мѣ. 12, 24 и дал.). Въ другой разъ, когда на допросѣ у первосвященника Анны одинъ изъ служителей его ударилъ Спасителя по щекѣ, сказавъ: „такъ ли отвѣчаешь Ты первосвященнику“, Господь не перенесъ этого спокойно, а отстаивалъ правоту и истинность всего Своего дѣла, возразивъ ударившему: „если Я сказалъ худо, покажи что худо: и если хорошо, что ты бьешь Меня“ (Іоан. 18, 22—23). Эти слова Іисуса Христа бл. Теофилактъ Болгарскій справедливо относитъ не къ отвѣту только Его на вопросъ первосвященника, но ко всей проповѣди Христовой: „если Я,—какъ бы такъ отвѣчалъ Онъ,—училъ худо, когда училъ въ синагогѣ, то приступи теперь и свидѣтель-

¹⁾ Избран. сочиненія, т. I, стр. 529.

ствуй объ этомъ худомъ ученіи Моемъ и доставь полныя свѣдѣнія первосвященнику, который теперь спрашиваетъ Меня объ ученіи Моемъ. Если же Я училъ хорошо, и вы, слушатели, дивились Мнѣ, то за что теперь ты бьешь Меня, Которому прежде удивлялся“¹⁾.

Подобнымъ образомъ и Апостолы не однимъ словомъ, но и примѣромъ собственныхъ дѣйствій, учили вѣрующихъ защищать дѣло Божіе. Такъ защищался ап. Павелъ, ни во что вмѣнявшій мнѣніе людей о себѣ лично, когда враги старались набросить тѣнь на его апостольское служеніе. Вынужденный своими врагами, онъ, защищаясь, указывалъ на свои труды, на благовѣствованіе, на свои страданія за имя Христова, на свои раны, на честное свое поведеніе и на обиліе благодатныхъ даровъ, которыми обладалъ, но дѣлалъ это, какъ онъ выражался, „по неразумію“, т. е. по необходимости (2 Кор. 11, 21 и дал.). Цѣль всей своей жизни Апостоль полагалъ въ томъ, чтобы славилось имя его возлюбленнаго Господа Іисуса Христа, отъ Котораго его не могли отлучить „ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь“ (Рим. 8, 38—39). Онъ „отъ всего отказывался, все почиталъ за соръ“, всѣмъ пренебрегъ ради Христа (Фил. 3, 8) и торжественно о себѣ говорилъ: „для меня лучше умереть (а не другого умертвить, какъ на дуэли), нежели, чтобы кто уничижилъ похвалу мою“ (1 Кор. 9, 15). Не личную похвалу разумѣлъ здѣсь Апостоль, а похвалу имени Христова. „Какою похвалою,—спрашиваетъ преосвящ. Теофанъ,—дорожить Апостоль? Похвалою безкорыстнаго благовѣствованія евангелія Христова. Похвала эта дорога ему потому, что дорого спасеніе тѣхъ, кому онъ проповѣдывалъ... Для себя самого св. Апостоль ничего не желаетъ, ни даже добраго имени, если бы оно не служило совершенію другихъ (2 Кор. 13, 7—9). Такъ какъ онъ живетъ для другихъ, то для другихъ и сокровиществуетъ: а сокровище его—чистое служеніе благовѣстію Христову; посему, если кто расхититъ его сокровище, т. е. обезславитъ его высокое служеніе, то самая жизнь для него потеряетъ цѣну“²⁾. Апостоль не хва-

¹⁾ Архим. Михаила Толков. Евангеліе отъ Іоанна, стр. 563.

²⁾ Еп. Теофанъ. „Христіанское понятіе о чести“. „Воскресное Чтеніе“ 1852—53 г., стр. 56—57.

лится здѣсь, а защищается противъ осуждавшихъ его, какъ благовѣстника Христова (1 Кор. 9, 3); изъ стиха же 25-го той же главы открывается, что онъ разумѣлъ здѣсь и *похвалу у Бога* въ смыслѣ „вѣнца нетлѣннаго“ (ср. 2. Кор. 5, 10), такъ что всѣ попытки оправдать личную честь на основаніи разсматриваемыхъ словъ апостольскихъ падаютъ сами собой¹⁾. Если и можно здѣсь подъ *похвалою* разумѣть *честь*, то развѣ только *внутреннюю*—одобреніе совѣсти: „похвала наша,—говоритъ Апостоль,—сія есть, свидѣтельство *совѣсти* нашей“ (2 Кор. 1, 12). Личныхъ заслугъ онъ за собой не признаетъ: „если должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться *немоцію моею*“ (2 Кор. 11, 30). Не ревность о личной чести и славѣ, а ревность о чести и славѣ Божіей заставляла его иногда прибѣгать къ праву своего *римскаго гражданства* (Дѣян. 16, 37—39; 21, 39—40; 22, 25—30) и требовать себѣ *суда Кесарева* (Дѣян. 25, 7—12, 28, 18—20, 30—31); она же въ концѣ концовъ привела его и къ мученической смерти. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ жизни этотъ „римскій гражданинъ“ не стыдился своего „безчестія“ (1 Кор. 4, 10) и со смиренною любовью и вѣрой въ дѣло своей жизни терпѣливо переносилъ поношеніе „отребія міру“ (ст. 13)²⁾. Такъ ли и такую ли честь отстаиваютъ на дуэли современные намъ бретеры?..

Ясно такимъ образомъ, что дуэль, по своему существу, не имѣетъ для себя оправданія въ ученіи христіанской вѣры. Поэтому, защитники дуэли направляютъ силу своихъ доводовъ не столько въ оправданіе существа дуэли, сколько въ доказательство ея культурно-воспитательнаго значенія. Мы не выполнили бы до конца своей задачи, если бы освободили себя отъ сильной критической оцѣнки важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ, изъ этихъ доводовъ.

1) Сообразно съ такимъ именно пониманіемъ чести, Константинъ Великій отвѣчалъ одному, не въ мѣру прославлявшему его, какъ императора, панегиристу: „не трать попусту этихъ словъ: а лучше, моли Бога, чтобы я въ сей жизни и *въ будущей* Его служенія былъ достоинъ“ (Евсевій. „Жизнь Константина“, кн. IV, гл. 48).

2) Въ наше время чаще всего смиренная любовь выставляется какъ *слабая* слабость, но высшее утѣшеніе для христіанина въ томъ, если онъ сможетъ, какъ переродившійся послѣ дуэли офицеръ Зиновій (впослѣдствіи старецъ Зосима), сказать о себѣ: „*смѣются*, а вѣдь любятъ!“ (Достоевскій. „Братья Карамазовы“. С.-Петербургъ. 1882 г., стр. 335).

Такъ, Лохвицкій выдвигаетъ въ защиту дуэли слѣдующія соображенія: Условное чувство чести и его необходимое послѣдствіе—дуэль,—говоритъ онъ,—даетъ человѣку нравственную силу, возвышаетъ его. Вводя уваженіе къ себѣ самому, оно вводитъ его и къ другимъ. Оно же могущественно содѣйствуетъ цивилизаціи. Но едва ли можно согласиться съ этими соображеніями. Дуэли, происходящія съ цѣлью возстановленія оскорбленной чести, безъ сомнѣнія, скорѣе могущественно вредили цивилизаціи, нежели содѣйствовали ей. Это, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно въ отношеніи къ русскому просвѣщенію. Благодаря дуэли, безвременно погибли въ полномъ разцвѣтѣ силъ два великихъ генія русскаго художественнаго слова—Пушкинъ и Лермонтовъ, и никакое благотворное вліяніе ея на общественное развитіе, если бы оно было указано, не можетъ, конечно, вознаградить ту потерю, которую понесла отечественная литература въ лицѣ этихъ жертвъ „средневѣковаго безчинія“ Историческія данныя опровергаютъ и то соображеніе, будто условное чувство чести, порождающее дуэли, приводитъ къ развитію уваженія къ другимъ. Исторія свидѣтельствуетъ, что дуэль развилась на почвѣ средневѣковаго феодализма. Дуэли происходили въ то время въ ужасающихъ размѣрахъ. Случалось, какъ мы знаемъ, что въ одно царствованіе погибали во Франціи цѣлыя тысячи дворянъ. Стремленіе къ чрезвычайной защитѣ собственной чести не соединялось, слѣдовательно, съ уваженіемъ и къ человѣку, притомъ же одного и того же сословія. Дуэли происходили постоянно потому, очевидно, что постоянно наносились другъ другу оскорбленія представителями тогдашняго высшаго сословія. Гдѣ же тутъ уваженіе къ другимъ, развитіе котораго будто бы обуславливается дуэлью?

Генеральъ Кирѣевъ, какъ бы подтверждая доводы Лохвицкаго въ пользу необходимости дуэли въ жизни культурныхъ людей, замѣчаетъ: „Если бы я спросилъ у любого изъ моихъ военныхъ противниковъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы кто-нибудь нанесъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ, онъ несомнѣнно бы отвѣтилъ: я, конечно (?), вызвалъ бы его на дуэль... Думаю, что такимъ образомъ отвѣтило бы большинство и не военныхъ культурныхъ (?) людей“. Очевидно, съ точки зрѣнія г. Кирѣева, культурность и христіанство раз-

нятся и отстоять другъ отъ друга, какъ небо отъ земли; ибо, по Кирѣеву, культура чуть ли не требуетъ дуэли, а христіанство, какъ мы видѣли, совершенно отрицаетъ ее. Значить, христіанское общество—некультурное общество?.. Всѣ истинно вѣрующіе христіане, не признающіе дуэли, а среди нихъ есть немало культурныхъ людей, суть дикари?.. Съ точки зрѣнія Кирѣева, надобно причислить къ разряду людей некультурныхъ: Наполеона I, Николая I, Вильгельма II и др. государей и ученыхъ, возстававшихъ противъ дуэли. Наполеонъ I находилъ, что дуэль не должна имѣть „чести“ быть занесенной на страницы военнаго кодекса ¹⁾. Николай I, этотъ „рыцарь чести“, однажды такъ отозвался о дуэли: „я ненавижу дуэль. Это—варварство. На мой взглядъ—въ ней нѣтъ ничего рыцарскаго. Герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ ее въ англійской арміи, и хорошо сдѣлалъ“ ²⁾. Вильгельмъ II также уничтожилъ дуэль въ германской арміи указомъ своимъ отъ 1 января 1897 года, предписавъ, чтобы впредь всѣ столкновения между офицерами разрѣшались или частнымъ примиреніемъ, или совѣтомъ чести и офицерскимъ судомъ.

Какъ бы въ противовѣсъ названымъ лицамъ, отрицательно относившимся и относящимся къ дуэли, ген. Кирѣевъ для подтвержденія своихъ соображеній въ защиту ея, ссылается на другія, не менѣе авторитетныя, съ его точки зрѣнія, историческія лица, одобрявшія обычай дуэли. „Неужели Пушкинъ, Лермонтовъ (погибшіе на дуэли), говоритъ онъ, неразвитые дураки. Бисмаркъ-дуракъ... и самый великій Ласкаль (почему великій?) тоже отсталый дуракъ?“ Конечно, авторитеты великихъ людей каждый можетъ создавать по своимъ личнымъ вкусамъ и взглядамъ, но избави насъ Богъ отъ такихъ авторитетовъ, которые никоимъ образомъ не могутъ служить примѣромъ для подражанія въ истинно христіанской жизни. Талантъ, даже самый высокій, не всегда гармонируетъ съ нравственнымъ настроеніемъ, что мы и видимъ на указанныхъ Кирѣевымъ примѣрахъ великихъ людей, отдавшихъ дань „абсурдному предразсудку“, называемому дуэлью. Великіе люди не только совершали иногда преступленія, но и дѣлали немалыя глупости. Если они выходили на дуэль, то не столько потому, что раздѣляли этотъ

¹⁾ „Вѣстникъ Права“, 1899 г., № 2, стр. 142.

²⁾ „Записки Смирновой“. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1895 г., октябрь.

предразсудокъ, сколько потому, что не желали терять обаянія среди своихъ современниковъ. Мы не будемъ говорить о Бисмаркѣ и Лассалѣ, такъ какъ имена ихъ чужды намъ и нашей исторіи, а скажемъ нѣсколько о родныхъ намъ и близкихъ нашему сердцу именахъ великаго Пушкина и Лермонтова. Голосъ церкви осудилъ дуэль Пушкина¹⁾. Да и кромѣ того, ни самъ Пушкинъ, ни Лермонтовъ нигдѣ дуэли не защищали и не говорили, что дуэль есть принадлежность культурнаго человѣка. Напротивъ, ихъ отношеніе къ дуэли было прямо таки отрицательное. Дуэль ярко заклеимена Пушкинымъ въ „Онѣгинъ“ и особенно въ „Выстрѣлъ“ и „Капитанской дочкѣ“. И описанная Лермонтовымъ въ „Герое нашего времени“, дуэль Печерина съ Грушницкимъ—отвратительна въ высшей степени. Такъ изобразить дуэль могъ только убѣжденный противникъ ея. Біографъ поэта и говорить, что Лермонтовъ, дѣйствительно, былъ „отъявленнымъ врагомъ дуэли“. „У него была, добавляетъ онъ, твердость заклеимить дуэль какъ отвратительное порожденіе человѣческой глупости, но не достало твердости отказаться отъ этой глупости“²⁾. Понятны, поэтому, полные жгучей горечи и негодованія вопли его горячаго сердца, вырвавшіеся по поводу безвременной кончины боготворимаго имъ генія поэзіи—Пушкина:

„Погибъ поэтъ—невольникъ чести“³⁾. Лермонтовъ какъ будто предчувствовалъ, что и его жизнь будетъ загублена той же „неволей“, которую создали себѣ сами люди.

Итакъ, ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ ни для кого не могутъ служить примѣромъ въ отношеніи ученія о дуэли, чтобы можно было ссылаться на нихъ, какъ на авторитеты. Они представляютъ собою скорѣе отрицательный примѣръ того, что у насъ на Руси погибли въ раннемъ возрастѣ

¹⁾ См. слово Никанора, архіеп. херсонскаго, по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина и слово Антонія, митроп. Спбр., по поводу столѣтія со дня рожденія Пушкина. Спбр. митроп. Серафимъ, уклонившійся отъ личнаго участія въ отпѣваніи архіерейскимъ служеніемъ убитаго на дуэли Пушкина, замѣтилъ мимоходомъ: „мимо осужденнаго церковію поединка пройдемъ съ прискорбнымъ молчаніемъ“.

²⁾ См. біографію Лермонтова въ пятомъ изданіи Глазунова.

³⁾ Лермонтовъ. „На смерть Пушкина“.

два величайшихъ таланта, на дуэли съ ничтожными людьми, по самому ничтожному, неразумному и нехристіанскому поводу.

Генер. Кирѣевъ выставляетъ въ пользу дуэли еще одинъ аргументъ, который ему представляется уже совершенно неопровержимымъ: это—уваженіе къ чувству личной храбрости офицера. „Обвиненіе въ трусости, говоритъ онъ, не столь существенное для другихъ классовъ общества, ложится нестерпимымъ бременемъ на честь офицера и можетъ быть снято лишь самимъ обвиняемымъ и именно лишь посредствомъ дуэли. Офицеръ или генераль, обвиняемый въ трусости, eo ipso обвиняется въ полной негодности, въ томъ, что даромъ беретъ съ государства деньги, что онъ недостойнъ носить свою шпагу и т. д. Тутъ, стало быть, для военнаго является необходимость доказать, что все это неправда, что онъ достоинъ носить свою шпагу и готовъ скрестить ее со шпагой оскорбителя“. На все это разсужденіе г. Кирѣева замѣтимъ слѣдующее: Если поглубже войти въ психологію дуэли, то послѣдняя окажется не храбростію, а именно трусостію предъ силою общественнаго мнѣнія. Эта трусость бываетъ такъ велика, что побѣждаетъ естественное чувство самосохраненія. Довольно удачное опредѣленіе храбрости дуэлянтовъ находимъ еще у Фонвизина въ его „Недоросль“. Авторъ различаетъ два рода храбрости—храбрость сердца и храбрость души, вполнѣ справедливо отдавая предпочтеніе послѣдней. „Храбрость сердца, говоритъ его Милонъ, доказывается въ часъ сраженія, а неустрашимость души—во всѣхъ положеніяхъ жизни... Какъ мала душа того, кто за бездѣлицу вызоветъ на дуэль, передъ тѣмъ, кто вступится за отсутствующаго, котораго честь при немъ клеветники терзаютъ“¹⁾. „Не даромъ сказано, что дѣйствительно храбрый презираетъ дуэль“²⁾. Вотъ почему такіе высокіе представители военнаго духа, какъ, напр., нашъ геніальнѣйшій полководецъ Суворовъ никогда не проигрывавшій ни одного сраженія³⁾, ненавидѣлъ дуэль всѣми силами своей души.

1) Соч. стр. 93. Спб. 1866 г.

2) Драгомировъ. „Дуэли“. Кіевъ, 1900 г., стр. 3.

3) Любопытенъ его отзывъ о себѣ самомъ: „я выше Фридриха Великаго, ибо баталій не проигрывалъ“.

Извѣстно, что Суворовъ на своемъ вѣку получилъ три пощечины, но на дуэль своихъ оскорбителей не вызывалъ, и даже потомъ, при встрѣчѣ съ давшимъ ему пощечину Нащокинымъ, бѣгалъ отъ него, съ усмѣшкой приговаривая: „я его боюсь, онъ дерется“ ¹⁾. Что же, и великій Суворовъ былъ трусъ, ни разу не отомстивши за пощечины?

Лохвицкій, какъ бы дополняя ту же аргументацію ген. Кирѣева о необходимости дуэли въ военной средѣ, замѣчаетъ: „кто рискуетъ своею жизнію, слѣдуя, положимъ, глупому предразсудку, тотъ, все-таки, показываетъ, что онъ не трусъ, что онъ не задумается принести жизнь въ жертву отечеству, въ случаѣ надобности. Политика заставляетъ щадить эту гордую энергію духа, которая бываетъ часто нужна государству. Оттого въ особенности дуэли между военными пользуются снисхожденіемъ“. Но между патріотизмомъ и дуэлью едва ли есть что-либо общее. Кто искренно любитъ свое отечество, дорожитъ своею жизнію для блага и величія его и готовъ на всѣ жертвы ради него, тотъ, безъ сомнѣнія, поступитъ такъ, какъ поступилъ римскій полководецъ Марій передъ сраженіемъ при Aquae Sextiae, когда былъ вызванъ вождемъ Кимровъ на поединокъ. Онъ отвѣчалъ ему: „если Кимру жизнь не нужна, то онъ можетъ повѣситься“ ²⁾. Если въ патріотизмѣ выражается преданность государственной идеѣ, то въ дуэли, напротивъ того, обнаруживается отрицаніе государственнаго суда и наказанія, проявляется личное подчасъ весьма мелкое чувство. Могутъ ли быть, поэтому, дуэлянты болѣе склонны къ патріотическимъ подвигамъ, нежели лица, воздерживающіяся отъ дуэлей и прибѣгающія къ государственному суду въ дѣлахъ оскорбленной чести? *Гордая энергія духа*, которою, по словамъ Лохвицкаго, дорожитъ государство, проявляется вообще не въ дуэляхъ, въ которыхъ, какъ уже было замѣчено, скорѣе обнаруживается трусость передъ общественнымъ позоромъ, нежели храбрость. И подвиги военной храбрости совершаются по инымъ побужденіямъ и при совершенно иныхъ условіяхъ, нежели дуэли, чрезъ посредство которыхъ истребляются нерѣдко лучшіе люди страны. Наконецъ, большая *снисходительность* къ дуэлямъ въ военномъ сословіи, сравнительно

¹⁾ Драгомировъ. „Дуэли“, стр. 2.

²⁾ Gneist. „Der Zweikampf und die germanische Ehre“. 1848, S. 24.

съ другими сословіями, несправедлива, какъ противорѣчащая началамъ равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ такомъ случаѣ военные какъ бы получаютъ большую возможность ограждать свою честь—двумя способами, кромѣ обыкновеннаго общаго для всѣхъ—суда—еще способомъ чрезвычайнымъ—дуэлью. Но развѣ нѣтъ другихъ профессій, кромѣ военной, гдѣ можетъ показаться желательнымъ послѣдній способъ защиты чести? Быть можетъ, видный государственный или общественный дѣятель, судья, педагогъ и др. понуждаются въ такомъ способѣ даже болѣе, нежели офицеръ. Или офицерамъ первымъ предоставлено то, что впоследствии будетъ предоставлено и другимъ? Но не о распространеніи дуэлей (хотя „Правила о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ“ направлены и на это) слѣдуетъ заботиться: а напротивъ, нужно заботиться о скорѣйшемъ воспрещеніи дуэли однимъ общимъ закономъ для всѣхъ сословій. Указанная же снисходительность къ дуэли между офицерами не можетъ быть терпима въ современномъ государствѣ, такъ какъ она вноситъ глубокій разладъ въ общее законодательство.

Послѣ всего сказаннаго въ опроверженіе выдвигаемыхъ въ защиту дуэли доводовъ едва ли можно согласиться съ общимъ замѣчаніемъ ген. Кирѣева, что дуэль „при данномъ, неудовлетворительномъ въ культурномъ отношеніи состояніи общества есть печальная необходимость, есть зло, необходимое для отвращенія зла еще большаго“. Признавать зло необходимымъ или неизбѣжнымъ—значило бы цѣлью оправдывать средства, раздѣлять осужденное христіанствомъ ученіе, будто „можно дѣлать зло, чтобы вышло добро“ (Рим. 3, 7). Согласиться съ этимъ—значило бы закрѣпить ея существованіе и признать полнѣйшее безсиліе государства и церкви въ борьбѣ съ этимъ вреднымъ предразсудкомъ¹⁾.

Въ заключеніе мы естественно должны задать себѣ слѣдующій вопросъ: можно ли чѣмъ-нибудь замѣнить дуэль, какъ „безсмысленное и чудовищное“ (Бентамъ) средство для защиты чести? Безусловно можно замѣнить, именно—общегосударственнымъ судомъ, предъ которымъ каждый гражданинъ является, какъ предъ сидящею „правдою и мило-

¹⁾ Калининъ. „Дуэли въ офицерской средѣ“. „Военный Сборникъ“ 1894 г., № 8, стр. 346.

стію“, какъ бы предъ судомъ Самого Бога ¹⁾, и чрезъ которыя, благодаря той или другой карѣ за посягательство на личность. всего естественнѣе можно возбудить поучительное и полезное для всѣхъ знаніе человѣческаго достоинства.

Но извѣстный намъ Лохвицкій противъ этого возражаетъ: „Дуэль всегда бываетъ за оскорбленіе чести“,—за фактъ, который не всегда можетъ быть преданъ на разсмотрѣніе суда, ибо онъ можетъ представлять до такой степени разнообразныя явленія, что уловить ихъ для суда нѣтъ никакой возможности. Оскорбить другого можно наединѣ, безъ свидѣтелей, однимъ какимъ-либо намекомъ, который можетъ быть понятенъ только оскорбленному,—такъ что въ подобныхъ случаяхъ виновный можетъ остаться безнаказаннымъ, но оскорбленный, желая все-таки вознаградить себя наказаніемъ оскорбителя, прибѣгаетъ къ крайней мѣрѣ, къ дуэли. Да, наконецъ, извѣстно еще и то, что посредствомъ огласки на судѣ нѣкоторыхъ фактовъ оскорбленія обиженный можетъ еще больше потерять, чѣмъ удовлетворить себя. Поэтому, понятно, вслѣдствіе чего человѣкъ обращается не къ правосудію, а къ дуэли“. Что сказать на это возраженіе?

Современное судопроизводство таково, что всякое оскорбленіе, разъ оно выразилось въ какомъ бы то ни было внѣшнемъ дѣйствіи, можетъ подать поводъ къ осужденію и наказанію виновнаго государственною властію, безъ всякой необходимости въ саморасправѣ. Законъ не говоритъ, что наказывается обида, выразившаяся въ такихъ-то именно дѣйствіяхъ. Онъ объявляетъ просто, что обида карается такимъ то наказаніемъ, различая обиду на словахъ, на письмѣ и дѣйствіемъ, такъ что обидчикъ можетъ быть наказанъ не только за какой-либо намекъ, но и за тонъ своихъ словъ. Кромѣ того, въ дѣлахъ объ обидахъ саморасправа можетъ быть допускаема менѣе всего. Въ подобнаго рода дѣлахъ заинтересованное лицо можетъ очень часто ошибаться, кажушееся обиднымъ значеніе словъ и дѣйствій сильно преувеличивать. Для разрѣшенія такихъ дѣлъ, особенно необходимо стороннее вмѣшательство, и законодательство весьма мудро и цѣлесообразно поступаетъ, приглашая къ участію въ разбирательствѣ дѣлъ въ обидахъ совершенно посторон-

¹⁾ Hengstenberg. „Das Duelle und die christliche kirche“, S. 24.

нихъ лицъ, случайно являющихся свидѣтелями ссоръ и личныхъ столкновений. Очевидно также, что если обиженный можетъ *еще больше потерять* отъ судебного разбирательства, чего такъ боится Лохвицкій, то значить, сама обида до извѣстной степени заслужена.

Итакъ современное судопроизводство въ дѣлахъ объ оскорбленіи чести съ успѣхомъ можетъ замѣнить собою варварскій способъ защиты ея, называемый дуэлью. Жаль только, что оно въ подобнаго рода дѣлахъ имѣетъ одинъ существенный недостатокъ, ослабляющій его значеніе. Этотъ недостатокъ его можетъ быть выраженъ такъ: дуэли нашими законами преслѣдуются строго, самыя же оскорбленія, вызывающія ихъ, наказываются слабо. Другими словами: „наши суды, по выраженію Экштейна, не всегда могутъ быть убѣжищами для оскорбленной чести“¹⁾. Еще Бентамъ, сто лѣтъ назадъ, усматривалъ существованіе дуэли и нѣкоторое оправданіе ея въ недостаточности защиты чести закономъ²⁾. Но признавая такую недостаточность въ законодательствѣ, тѣмъ не менѣе нельзя сдѣлать отсюда вывода о необходимости дуэли, какъ суррогата недостаточной защиты оскорбленной чести. Не естественнѣе ли обратиться къ организациі правильной защиты чести судомъ, нежели обращаться къ дикой кровавой расправѣ съ оскорбителемъ? „Надобно,—говорить по этому поводу Экштейнъ,—внести въ законодательство такія мѣропріятія, благодаря которымъ всякія оскорбленія чести могли бы явиться передъ лицомъ суда и вызывать соотвѣтствующую репрессію“³⁾.

Нельзя, впрочемъ, не сознаться, что какъ бы мы ни расширяли область наказуемаго оскорбленія, тѣмъ не менѣе законъ предусмотрѣть всѣ возможныя проявленія неуваженія къ личности не можетъ. Да и нужно ли особенно пещись о расширеніи въ средѣ истинно-христіанской сферы законодательства, ограждающей человѣческую личность? Ужели истинные христіане, и при томъ интеллигентные (а дуэли обыкновенно и происходятъ среди нихъ) связаны лишь внѣшними предписаніями юридическаго закона, который

1) „Честь въ философіи и въ правѣ“, стр. 105.

2) „Избранныя сочиненія“, т. I въ переводѣ Пыпина и Невѣдомскаго, стр. 528.

3) Цит. соч., стр. 107.

какъ сказано, и не можетъ охватить всѣ возможные случаи оскорбленія личности? Ужели только въ томъ случаѣ оскорбленный можетъ успокоиться и не думать о мести, когда онъ найдетъ защиту своей чести въ законѣ и увидитъ своего оскорбителя отомщеннымъ? Не хотѣлось бы вѣрить этому т. е. тому, что зло (въ данномъ случаѣ дуэль) можетъ быть искоренено въ человѣческихъ обществахъ не внутреннимъ, религіозно-нравственнымъ врачеваніемъ, а одними внѣшне-юридическими предписаніями, какъ бы полны и разумны они ни были ¹⁾. Высокопреосвященный митрополитъ Антоній былъ совершенно правъ, когда, по случаю столѣтней годовщины Пушкина, погибшаго на дуэли, выразился о послѣдней такъ: „это *грѣхъ*—не отдѣльнаго лица, а *грѣхъ* цѣлаго общества, не выросшаго еще въ полноту жизни христіанской“. Если же дуэль есть грѣхъ, т. е. нравственное зло, то и уничтожить ее можно только средствами нравственными, т. е. путемъ все большаго и большаго распространенія въ человѣческомъ мірѣ евангельскихъ понятій и евангельскаго духа.

Проф.-прот. Н. Стеллецкій.

¹⁾ Проф. А. А. Бронзовъ. „Къ вопросу о дуэли“. „Христ. Чт.“. 1897 г. дек., стр. 792--794.

РАЗВѢНЧАНІЕ КАТОЛИЦИЗМА

(по поводу статьи принца Макса Саксонскаго).

Два замѣчательныхъ мыслителя Россіи, середины и конца истекшаго XIX вѣка, задумываясь въ тиши кабинета надъ историческими судьбами западно-европейскаго католическаго міра въ будущемъ, пришли къ далеко неодинаковымъ предположеніямъ въ своихъ рѣшеніяхъ по этому поводу. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ,—стойкій поборникъ началъ церковной соборности и горячій панегиристъ славяно-русскихъ идеаловъ, А. С. Хомяковъ,—предсказывалъ главному культурному носителю Запада-католичеству—близкое саморазложеніе,—другой, извѣстный отечественный философъ—мистикъ и панегиристъ принциповъ западной цивилизаціи, Вл. С. Соловьевъ, видѣлъ въ этомъ католицизмѣ, очищенномъ и освобожденномъ отъ исторической накипи, приразившейся къ нему въ теченіе вѣковъ, задогъ и знамя будущаго общечеловѣческаго примиренія и культурнаго союза и объединенія народовъ. Но холодная, чуждая всякихъ иллюзій, дѣйствительность есть лучшій безпристрастный судья и самый надежный барометръ достовѣрности „пророческаго“ прогноза для грядущихъ событій, обнаруживая все яснѣе и нагляднѣе наличность зловѣщихъ признаковъ серьезнаго внутренняго кризиса, переживаемаго на нашихъ глазахъ католицизмомъ. Не прошло еще полу-вѣка со времени торжественнаго провозглашенія на Ватиканскомъ соборѣ,—благодаря желѣзной энергіи *beatissimi* *papaе* Пія IX, котораго нынѣшній „плѣнникъ Ватикана“ собирается возвести въ святыя,—догмата о личной папской непогрѣшимости *ex cathedra*,—догмата, окружающаго папъ ореоломъ непогрѣшимости,—

какъ уже ряды покорныхъ служителей папизма начали значительно рѣдѣть. Первыми откололись нѣмецкіе старокатолики, стремящіеся возвратиться къ идеалу нераздѣленной (до IX в.) Церкви и отвергнушіе догматы папскаго приматства и безгрѣшности, не разъ пытавшіеся воссоединиться съ чадами православной Греко-Россійской Церкви. За ними послѣдовали польскіе маріавиты (во многомъ приближающіеся къ старокатоликамъ), избравшіе своимъ верховнымъ примасомъ Богоматерь, откуда они заимствовали и самое свое названіе, и также отринувшіе многочисленныя „новшества“ Западной Церкви. Въ нѣдрахъ самой католической церкви выступили на сцену модернисты съ громкимъ протестомъ противъ крайностей ультра-монтанскаго преобладанія и папскаго деспотизма, не считающагося совершенно съ требованіями духа времени. Отсюда возникъ такъ называемый религіозный прагматизмъ, который характеризуется адогматизмомъ и проповѣдуетъ, что вопросъ объ истинѣ всякаго утвержденія рѣшается на основаніи практическихъ слѣдствій, вытекающихъ изъ принятія этого утвержденія (таковы модернисты: Луазі, Меруа, Лабертоньеръ, Тирель)¹⁾. А въ настоящее время весь „иновѣрный и правовѣрный“ Западъ охваченъ небывалымъ волненіемъ, по поводу рѣзкаго полемическаго выступленія въ печати прежде любимаго сына Ватикана, надежды и „упованія“ всего оставшагося вѣрнымъ католической традиціи міра,—теперь же раскаявшагося ренегата пспросившаго у папы прощеніе въ своихъ выступленіяхъ противъ католическихъ крайностей—принца Макса Саксонскаго. Объ этихъ событіяхъ и будетъ трактовать наша статья.

I.

Прияцъ Маскимиліанъ, или Максъ Саксонскій, приходится роднымъ братомъ нынѣшнему саксонскому королю. Отличаясь выдающимися дарованіями и воодушевляемый высокими образцами смиренномудрія первыхъ подвижниковъ Церкви, онъ еще въ дѣтствѣ задумалъ отдать себя на

¹⁾ Напр., по ученію ихъ, не важно, воскресло-ли тѣло Христа, или нѣтъ; важно то, что духъ Его воскресъ, сталъ духомъ всей культуры и исторіи послѣдующаго времени; значитъ, Христосъ—чудо исторіи, богочеловѣкъ исторіи.

служеніе Христу. И вотъ, въ 1896 году, онъ отказывается отъ блеска и шума придворной жизни и принимаетъ скромный санъ католическаго патера, въ которомъ и теперь состоитъ, упорно не желая занять болѣе видное іерархическое положеніе. Благодаря огромной эрудиціи, онъ вскорѣ занялъ кафедру церковной исторіи и литургіи въ Фрейбургскомъ университетѣ и въ настоящее время считается однимъ изъ лучшихъ знатоковъ восточнаго вопроса на Западѣ. Интересуясь исторіей раздѣленія церквей, онъ дважды посѣтилъ земли Православнаго Востока, бесѣдовалъ даже съ петербургскимъ митрополитомъ Антоніемъ и вселенскимъ константинопольскимъ патриархомъ Іоакимомъ. Результаты *своихъ ученыхъ* занятій по исторіи вопроса о раздѣленіи церквей принцъ Максимилианъ и опубликовалъ въ первомъ номерѣ новаго католическаго журнала „Roma e l'Oriente“¹⁾, ставившаго своей задачей служить дѣлу воссоединенія церквей Восточной и Западной и издававшагося подъ общей редакціей настоятеля Гротта—Ферратскаго монастыря въ Италіи Пеллегрини.

Приступая къ изложенію своихъ мыслей по вопросу о воссоединеніи церквей, объективный историкъ констатируетъ фактъ полной бесплодности всѣхъ прежде дѣлавшихся попытокъ къ этому воссоединенію. Рѣчь принца дышетъ неподдѣльною скорбію по поводу неудачи этихъ попытокъ и насквозь проникнута глубокою вѣрой любящаго, ищущаго мира, сердца въ величіе и міровое значеніе тѣхъ безчисленныхъ благихъ послѣдствій, къ какимъ привело-бы возстановленіе союза между расколовшимися сестрами-церквами!

„Вотъ уже нѣсколько столѣтій,—говоритъ принцъ, разсматривается вопросъ о соединеніи церквей. Сколькими посланіями обмѣнялись папы и восточные патриархи съ цѣлью исцѣлить эту рану и прикрыть пропасть, открывшуюся между двумя великими половинами христіанства! Сколько было написано въ продолженіе среднихъ вѣковъ богословскихъ трудовъ, разсматривающихъ доктринальныя разности между восточно-православными церквами и римско-католическою! Сколько пословъ было отправлено черезъ моря для переговоровъ о столь желанномъ соединеніи! Сколько-увы!—возбуждали эти вопросы столкновеній и преслѣдованій, сколько

¹⁾ Содерженіе этой статьи беремъ изъ 51—52 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1910 г.

соблазновъ, которые, если-бы было можно, хотѣлось-бы стереть со страницъ исторіи человѣчества и Церкви!.. Кромѣ того, сколько благородныхъ усилій сдѣлано было въ наши дни! И, тѣмъ не менѣе, представляется, что вся эта работа была напрасной и что мы не смѣемъ надѣяться на лучшее даже въ будущемъ. Представляется, что трудятся надъ безнадежнымъ дѣломъ, занимаясь этими вопросами... Остается ли сказать что-либо новое, что-либо такое, чего бы уже не было сказано въ теченіе столькихъ вѣковъ раздѣленія? И не будетъ-ли бесполезно повторять еще нѣсколькихъ разъ то, что тщетно говорилось въ продолженіе столькихъ лѣтъ? Въ виду этого автору невольно приходитъ на умъ естественный вопросъ, не призрачны-ли и ходульны самые мотивы, лежавшіе въ основаніи этихъ попытокъ къ обще-церковному единству? Но историческій и психологическій анализъ не даетъ права вдумчивому искателю уніи дѣлать такое заключеніе: все наоборотъ говоритъ за искренность этихъ мотивовъ. „Весь міръ скажетъ вамъ: спасеніе христіанства зависитъ отъ единенія между Востокомъ и Западомъ. Именно такимъ путемъ можно въ наши дни всего легче побѣдить доктрины протестантства и невѣрія въ самомъ лонѣ христіанства. Ибо католическая и вселенская Церковь будетъ имѣть гораздо больше авторитета, если двѣ половины, изъ которыхъ она нѣкогда состояла, будутъ въ согласіи между собою“. Указавши далѣе, какую громадную роль сыграетъ единеніе церквей въ дѣлѣ благовѣстія Евангелія язычникамъ, и какъ разцвѣтетъ, обогатится новыми идеями внутренняя церковная жиѣнь, принцъ Максимилианъ продолжаетъ: „Ни одинъ христіанскій монархъ не скажетъ: я хотѣлъ бы, чтобы раздѣленіе христіанства никогда не прекращалось. Ни одинъ патріархъ, епископъ, священникъ или монахъ, которому вы предложите этотъ вопросъ, не отвѣтитъ: нѣтъ, я не хочу уніи, я считаю раздѣленіе христіанъ нормальнымъ состояніемъ. Наоборотъ, онъ вамъ скажетъ: отъ всего сердца желаемъ мы осуществленія этого столь благого дѣла. И теперь мы ежедневно молимся во время литургіи объ исполненіи этого желанія“. За искренность этого желанія ручается сама исторія: „самъ Маркъ Ефесскій, великій противникъ флорентійскаго собора, вовсе не признаетъ себя противникомъ уніи, наоборотъ, онъ скажетъ: я умолялъ своихъ противниковъ,

но меня не захотѣли слушать“. Въ пользу того же говорить общечеловѣческая психологія. „Вообще, во всемъ мірѣ, найдется ли такой человѣкъ, который рѣшится сказать: я люблю раздѣленіе, я желаю, чтобы врагъ сѣялъ плевелы между пшеницей? Нужно быть по-истинѣ дьяволомъ или невѣрующимъ, чтобы такъ думать“.

Но, если наличность серьезнаго и страстнаго стремленія къ уніи, какъ со стороны Западной, такъ и со стороны Восточной церкви, стоитъ, по мнѣнію принца Макса, внѣ всякаго сомнѣнія, то почему-же—спрашивается—такъ непродуктивны были въ прошломъ предпринимаемые по этому направленію шаги? Чѣмъ объяснить то странное на первый взглядъ явленіе, что фактическое осуществленіе уніи между церквами всегда натыкалось на непреодолимыя препоны и въ концѣ концовъ сдавалось въ архивъ просто благочестивыхъ утопій? Вотъ здѣсь, въ этомъ пунктѣ, и начинаетъ смѣлый, аналитикъ-историкъ свою грозную обличительную рѣчь противъ Рима, который, по его словамъ, былъ главнымъ тормазомъ въ столь священномъ и великомъ предпріятіи, какъ воссоединеніе церквей. Прежде всего, авторъ указываетъ на извращенное представленіе, какое о ней составили римскіе папы, понимая ее, не какъ возстановленіе нарушенной въ теченіе столькихъ столѣтій связи между церквами на началахъ полнаго равенства и содружества, а какъ воссоединеніе еретиковъ, какъ разрушеніе восточной схизмы съ подчиненіемъ Риму.

„Латинская Церковь, всегда привыкшая немного командовать, просто хотѣла наложить на Восточную Церковь свое пониманіе уніи, не спрашивая, согласна-ли была съ этимъ пониманіемъ ея сестра. Она всегда стояла на точкѣ зрѣнія: мнѣ свойственно быть законодательницей. Кто не хочетъ принимать уніи въ той формѣ, которую я ей даю, тотъ врагъ самой уніи. Напр., Маркъ Ефесскій считался врагомъ уніи потому, что онъ не хотѣлъ принять ея въ той формѣ, которая была угодна Западной церкви на Флорентійскомъ соборѣ. Между тѣмъ, онъ ничего не имѣлъ противъ той уніи, которой желала Восточная церковь. Для Западной церкви унія всегда отождествлялась съ полнымъ подчиненіемъ. Восточная Церковь разсматривалась, какъ возмущившаяся дочь Римской церкви. Западу нечего было измѣнять, нечего

дѣлать для достиженія уніи. Наоборотъ, Востокъ долженъ былъ совершенно подчиниться юрисдикціи римскаго первосвященника и, сверхъ того, признать догматы, которые римская теологія развила въ позднѣйшее время, какъ истинныя. Попытки, сдѣланныя Римомъ и Западомъ, послѣ раздѣленія, не имѣли другой цѣли... Дурно понятое стремленіе къ уніи повело латинянъ къ насиліямъ, во время пребыванія ихъ на Востокъ. Преслѣдуя всякими способами восточную Церковь, они постепенно сдѣлали разрѣшеніе вопроса почти невозможнымъ. Наоборотъ, восточная Церковь смотрѣла на унію съ другой точки зрѣнія. Для нея унія есть содружество, согласіе и братство, а не подчиненіе. Она смотритъ на двѣ вѣтви христіанства, какъ на двухъ сестеръ, равныхъ по правамъ и по достоинству. Она держится той мысли, что для объединенія нужно вернуться къ той точкѣ, на которой находились церкви, при раздѣленіи... вѣрить въ то же самое, во что единодушно вѣрили они до раздѣленія. Взаимное ихъ отношеніе должно быть также тѣмъ же самымъ, какимъ оно было въ древности. Она смотритъ на средневѣковыя доктрины латинянъ и на доктрины, догматизованныя въ XIX вѣкѣ, какъ на нововведенія. По ея мнѣнію, западная церковь оставила древнюю основу вѣроученія, вводя новшества, напр., ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, а не отъ одного Отца, существованіе чистилища, приматство папы. Нужно, чтобы западная церковь отказалась отъ этихъ доктринъ, мѣшающихъ уніи и братскому согласію. Какъ только она принесетъ эту жертву, нарушенное этими новшествами согласіе будетъ восстановлено.

Дѣйствительно, мы видимъ, что восточная Церковь почти всегда отказывалась принять римское пониманіе уніи, казавшееся ей недопустимымъ, и несомнѣнно не приметъ его и въ будущемъ. Только, подъ страшнымъ давленіемъ крайнихъ политическихъ обстоятельствъ, она иногда проявляла намѣреніе принять эту навязываемую ей Римомъ систему. Только подъ вліяніемъ политическихъ причинъ византійскіе императоры предлагали подобную унію Риму. Подъ давленіемъ политическихъ же мотивовъ приняли на нѣсколько мгновеній эту западную систему въ Ліонѣ и во Франціи: въ Ліонѣ, чтобы избавиться отъ латинскихъ авантюристовъ, угрожавшихъ самому греческому византійскому

трону, во Франціи—чтобы избавить Константинополь изъ рукъ турокъ. Нѣкоторыя части восточной Церкви, напри- мѣръ, рутены окончательно приняли эту навязанную имъ Римомъ систему. Но хорошо извѣстно, что въ общемъ во- сточная Церковь всегда будетъ отъ нея отказываться и даже не можетъ принять ее съ своей точки зрѣнія. Вотъ почему восточная Церковь повидимому болѣе стремится къ уніи съ западными старокатоликами или англиканами, чѣмъ съ Ри- момъ. Именно потому, что она прекрасно знаетъ, она чув- ствуетъ, что эти общины не пожелали-бы подчинить ее сво- ему авторитету, что онѣ стали-бы считать себя ея сестрами и даже сестрами младшими, что онѣ смотрѣли-бы на нее, какъ на болѣе достойную и болѣе древнюю церковь, чѣмъ онѣ сами, тогда какъ Римъ предлагаетъ невозможную аль- тернативу: или подчиниться, или отказаться отъ уніи“.

Существуетъ басня о двухъ рыцаряхъ, долго сражав- шихся между собою изъ-за цвѣта своего щита, но при этомъ никто изъ нихъ не хотѣлъ подойти и посмотреть, каковъ- же цвѣтъ щита противника въ дѣйствительности? Также точно, по словамъ герцога Макса, обстоитъ дѣло и съ по- ниманіемъ уніи, которая у всѣхъ на языкѣ, а самый тер- минъ которой—*tabula rasa, terra incognita* для раздѣлившихся сестеръ—церквей. Определеніе истиннаго понятія объ уніи подъ угломъ зрѣнія исторіи и составляетъ дальнѣйшій пред- метъ разсужденій принца по вопросу о воссоединеніи церкви.

„Прежде чѣмъ говорить объ уніи, нужно впередъ усло- виться, что надо понимать подъ словомъ унія. Пищуціей объ этомъ вопросѣ долженъ быть откровененъ, не пользо- ваться двусмысленными терминами и не обманывать другую сторону. Нечестно, какъ это часто дѣлалось, представлять унію братскимъ согласіемъ, скрывая въ то же время въ сердцѣ желаніе видѣть другую сторону подчиненной, какъ противника, побѣжденнаго въ битвѣ. Не нужно разставлять ловушку при помощи хорошихъ словъ, а нужно представ- лять идеи таковыми, каковы онѣ суть. Представлять подъ словомъ унія полное подчиненіе—это значить впасть въ противорѣчіе съ самымъ терминомъ. Даже на Западѣ не утрачена мысль, что примиреніе восточной Церкви съ за- падной должно совершиться другимъ способомъ, чѣмъ воз- вращеніе другихъ еретиковъ. Для него пользуются словомъ

„унія“, что не имѣло-бы смысла, если-бы дѣло шло о простомъ признаніи подданства. На практикѣ же ищуть только этого: восточнымъ уніатамъ оставляють ихъ восточный обрядъ и нѣкоторые особенности восточной дисциплины, причемъ и это разсматривается, какъ особенная милость“. Вотъ въ какомъ смыслѣ Римъ исключительно говоритъ объ уніи. Но видѣть въ уніи поглощеніе Востока Западомъ—значить не знать всей исторіи. Послѣдняя краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о полномъ равноправіи церквей.

„Западная церковь, какъ таковая, не имѣетъ никакихъ привиллегій, ни права законодательства. Наоборотъ, народы Востока гораздо древнѣе, чѣмъ современные народы Запада. Восточные епископы имѣють то же достоинство, что и Западные. Дѣло можетъ идти только о повиновеніи римскому епископу, насколько онъ имѣетъ право надъ всею Церковью (sic!), но не объ униженіи передъ западною церковью. Однако, нужно строго различать положеніе папы, какъ особой главы латинской церкви, и положеніе его по отношенію ко всей Церкви... Но и по отношенію къ самому папѣ нельзя въ строгомъ смыслѣ говорить о повиновеніи ему восточной Церкви...“

Современное церковное устройство во многомъ отличается отъ древняго. Господь Нашъ далъ нѣкоторыя привиллегіи апостолу Петру. Однако, мы не встрѣчаемъ даже и слѣда повиновенія ему апостола Павла. Наоборотъ, онъ разсматриваетъ себя, какъ во всемъ равнаго ему, апостола Павла считаетъ братомъ своимъ и Павелъ заявляетъ даже, что порицалъ его. Точно также и Церковь въ продолженіи вѣковъ не была монархіей. Каждый епископъ свободно управлялъ своей епархіей, и епископъ Рима имѣлъ тѣмъ не менѣе и совершенно особенныя права заниматься дѣлами вселенской Церкви (sic!) и пользовался величайшимъ могуществомъ. Но всегда онъ имѣлъ больше значенія на Западѣ, гдѣ онъ былъ патриархъ, чѣмъ на Востокѣ. Онъ не имѣлъ непосредственной юрисдикціи надъ восточными епархіями, но косвенно проявлялъ свое вліяніе надъ ними, когда занимался дѣлами всей Церкви. (Но вотъ) уже съ девятаго вѣка церковное устройство въ корнѣ измѣнилось на Западѣ. Церковь сдѣлалась абсолютной монархіей и уподобилась государству, раздѣленному, на провинціи. Римскій епископъ,

сдѣлался непосредственнымъ начальникомъ надъ всѣми епископами... Церковныя дѣла стали рѣшаться въ Римѣ: законы, диктуемые оттуда, сдѣлались правилами поведенія всѣхъ церквей. Эта система возникла отчасти изъ лже-исидоровскихъ декреталій, которыя появились въ эту эпоху. Эта система, конечно, хороша и полезна для Запада (sic!). Она обеспечиваетъ согласіе и единство обычаевъ. Но ее хотѣли наложить и на востокъ, что и послужило одной изъ главныхъ причинъ раздѣленія церквей. Иногда Константинопольская церковь покорялась домогательствамъ Рима и повидимому подчинялась этой новой системѣ, но всегда не отъ чистаго сердца... Въ настоящее время на Западѣ такъ привыкли къ этой тысячелѣтней системѣ, что не могутъ даже представить, что можно существовать и безъ нея... Если говорятъ о христіанской древности, то и ее всегда представляютъ подобной современному церковному устройству. Если же заключаютъ уніи, то всегда хотятъ приспособить ихъ къ этой установившейся нынѣ монархической системѣ. Но самый фактъ существованія подобныхъ уній служитъ камнемъ преткновенія для принятія уніи Восточной половиной Христовой Церкви. Глядя на своихъ окатоличенныхъ собратій, сохранившихъ только жалкіе осколки древней вселенской традиціи и дисциплины, Восточная Церковь въ правѣ ожидать того же въ будущемъ отъ уніи и для себя. „Мы перестанемъ быть восточными и сдѣлаемся латинянами. Достоинство нашей Церкви будетъ унижено: она сдѣлается служанкою вмѣсто того, чтобы быть царицею“. Такъ скажетъ Востокъ, въ отвѣтъ на предложеніе со стороны Запада уніи, въ излюбленной для Рима формѣ признанія приматства папы. Но помимо того, существуетъ еще другое практическое послѣдствіе заключенія такого рода уніи, которое невольно бросается въ глаза. „То положеніе, которое даютъ восточнымъ уніатамъ, вредитъ даже ихъ отношеніямъ съ другими католиками, которые смотрятъ на нихъ, какъ на половину—католиковъ, на половину не-католиковъ“.

Такимъ образомъ, и исторія, и практика возстаютъ противъ пониманія уніи въ узко-католическомъ смыслѣ слова. Что же такое унія въ ея идейной сущности и какого пониманія ея слѣдуетъ держаться столь долго заблуждавшейся въ исканіяхъ пути къ этой уніи Западной церкви?

„Восточная Церковь должна на самомъ дѣлѣ остаться тѣмъ, что она есть. Она не должна измѣнять своего характера. Слово „унія“ не значить, что одна часть должна совершенно измѣниться, чтобы уподобиться другой. Это слово означаетъ лишь то, что двѣ вещи, оставаясь тѣмъ же самымъ, стремятся измѣнить лишь свое взаимоотношеніе. Рассматривать Восточную Церковь, какъ отдѣлившуюся часть латинской церкви, это значить защищать совершенно не-вѣрную, противорѣчащую всей исторіи, мысль. Это можно говорить о протестантахъ, которые когда-то составляли часть латинской церкви, но никакъ не о восточныхъ. Итакъ, Восточная Церковь должна остаться абсолютно независимой и управляться такъ же, какъ и теперь и какъ было съ начала христіанства“.

Благіе результаты такого пониманія уніи не замедлятъ сказаться, такъ какъ и Восточная Церковь ничего не будетъ имѣть противъ признанія приматства папы въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ церковно-вселенскаго управленія. А главное: безкорыстіе и самопожертвованіе нѣкоторыми доктринальными анахронизмами со стороны римской куріи окружить ореоломъ величайшей чистоты и святости самое дѣло уніи. „Тогда и Востокъ начнетъ вѣрить безкорыстію Рима и искренности его стремленій къ уніи. До сихъ поръ держится убѣжденіе, что все это вытекаетъ не изъ истиннаго христіанскаго духа, а изъ самолюбія и жажды власти. Если Римъ подчинитъ восточныхъ дѣйствующему режиму, онъ пріобрѣтетъ отъ этого выгоды. Его могущество усилится, такъ какъ онъ будетъ казаться владыкой міра. Его престижъ возвысится, и даже денежные фонды увеличатся, вслѣдствіе увеличенія апелляцій, прошеній, дименсацій. Всегда можно будетъ сказать, что попытки къ уніи есть дѣло эгоизма. Если восточные епископы вынуждены будутъ уплачивать тысячи франковъ за свое утвержденіе, какъ дѣлаютъ западные епископы, то напрасно было-бы говорить, что измѣненіе ихъ положенія нужно для спасенія душъ. Наоборотъ, если Римъ оставитъ Востоку его прежнее устройство, онъ не получитъ ни копейки, онъ не будетъ считаться владыкою этихъ странъ, но за то онъ получитъ великій престижъ неоцѣнимаго значенія... Будетъ ясно, какъ день, что онъ ищетъ только дѣла Божія и спасенія душъ“.

Указавши самый принципъ уніи между церквами, — полное равноправіе въ дѣлахъ вѣры и жизни, но на основѣ признанія первенствующаго значенія и приматства римскаго первосвященника, — титулованный профессоръ, проповѣдникъ правильной уніи, переходитъ къ главному вопросу, къ догматической сторонѣ дѣла. Онъ признаетъ наиболѣе трудно разрѣшимой именно проблему соглашенія между церквами по вопросамъ догматическаго разногласія между церквами: въ этомъ разномысліи Церквей и заключается самобытность, отличие одной церкви отъ другой. Перейти черезъ мостъ этого разномыслія и разногласія значитъ разбить самую стѣну, перейти рубиконъ самой раздѣльности, изолированности церквей. „Можетъ-ли существовать унія, — спрашиваетъ высоко-рожденный авторъ, — или единеніе между церквами, если нѣтъ согласія въ вещахъ божественныхъ? Очевидно, нѣтъ! Всегда церковное единство предполагало единство въ вѣрѣ. Но вѣроятно-ли, что одна изъ церквей откажется отъ своей догматической точки зрѣнія? Несомнѣнно, восточная православная церковь никогда этого не сдѣлаетъ. Она сохранила догматы неповрежденными, каковыми они были исповѣдуемы всѣми членами католической Церкви въ христіанской древности. Она не легко пріиметъ доктрины, составленныя западной церковью, безъ ея участія. Если она и сдѣлала это на флорентійскомъ соборѣ, то сдѣлала недобровольно, а была вынуждена къ тому обстоятельствами. Какъ можно надѣяться, что восточная Церковь будетъ исповѣдывать исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, когда она держится буквально текста Евангелія, отцовъ Церкви, вселенскаго Константинопольскаго собора, общаго символа вѣры, которые говорятъ только объ исхожденіи отъ одного Отца?.. (Но) можетъ-ли и латинская церковь отказаться отъ своихъ опредѣленій позднѣйшаго времени относительно исхожденія Св. Духа, частилица и т. п.? Объ этомъ нечего и думать (sic!), такъ какъ она всегда скажетъ, что это только развитіе и выясненіе древней доктрины. Но справедливо-ли на основаніи этого принуждать слѣдовать своимъ взглядамъ и восточную Церковь, какъ это было сдѣлано въ Ліонѣ и во Флоренціи? Конечно, нѣтъ, такъ какъ заставлятъ людей исповѣдывать то, что имъ кажется ложнымъ, это значитъ только поддерживать лицемѣріе. Но что же тогда дѣлать?.. Можно доказать, что, по крайней мѣрѣ,

въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣло идетъ не о настоящемъ различіи въ вѣрѣ, а о различіи только догматическихъ формулъ. Въ такомъ случаѣ унія будетъ возможна, и каждая изъ двухъ церквей можетъ сохранить свой способъ наученія и исповѣданія истины, не налагая на другую своей собственной догматической системы. Западная церковь обязана доказать Восточной, что ея доктрины суть только выводы изъ посылокъ, извѣстныхъ христіанской древности, Восточная Церковь признаетъ видъ воззрѣнія, какъ хорошій и законный, не чувствуя себя обязанной исповѣдывать эти догматы, и тогда возстановится миръ... Святые первыхъ вѣковъ, безъ всякаго сомнѣнія, были членами каѳолической Церкви и даже лучшимъ ея украшеніемъ, и тѣмъ не менѣе, они не исповѣдывали, что Св. Духъ исходитъ и отъ Сына, что существуетъ чистилище, что Св. Дѣва зачата непорочно и т. д. И вотъ восточная Церковь находится въ томъ же положеніи. Она не участвовала въ доктринальномъ развитіи Запада, которое осталось ей чуждо, и потому она не имѣетъ возможности признать все это. Пусть же... одни будутъ учить *implicite*, такъ какъ и учила древняя церковь, а другіе *explicite*. Если впослѣдствіи соберется когда-нибудь вселенскій свободный соборъ всего христіанства, на которомъ восточные, безъ всякаго моральнаго насилія, вполне убѣдятся въ истинности западнаго ученія и формально пріймутъ его, тогда и Восточная Церковь можетъ *explicite* исповѣдывать и возвѣщать эти истины, что было-бы всего лучше“.

Но каковы же могутъ быть наилучшіе способы или методъ для фактической реализаціи уніи между церквами? Этими способами авторъ „мыслей“ о воссоединеніи церквей называетъ: истину и любовь. Выходя въ своихъ стремленіяхъ къ уніи изъ этихъ высокихъ и чистыхъ импульсовъ, Римская Церковь не остановится передъ тѣмъ, чтобы признать даже собственную неправоту во многихъ историческихъ и догматическихъ пунктахъ разномыслія, разногласія между церквами, и наоборотъ санкціонируетъ строгую ортодоксію, преемственную традицію вѣроученія Церкви восточной. Подробная аргументація этихъ мыслей у автора переходитъ въ блестящую апологію ученія Восточной половины Церкви и въ смѣлую филиппику противъ пріемовъ и источ-

никовъ выработки католической доктрины. „Прежде всего, нужно признать правду относительно происхожденія несчастнаго раздѣленія церквей. Выискиваютъ только ошибки со стороны восточныхъ и не хотятъ видѣть длинной цѣпи заблужденій и ошибокъ, допущенныхъ западными. Желаютъ видѣть только ошибки Фотія и не изучаютъ писемъ его противника, папы Николая I, которыя доказываютъ намъ, что этотъ первосвященникъ со своимъ высокомѣрнымъ умомъ, своею гордостью, своимъ стремленіемъ властвовать надъ Константинопольской церковью и сдѣлать ее частью церкви Римской, почти столь же виновенъ въ раздѣленіи, какъ и Фотій. Справедливо обвиняютъ Михаила Керуларія, но забываютъ о письмахъ Льва IX, его противника, наполненныхъ ругательствами... Обычно не говорятъ о запальчивости и наглости характеръ его посла, кардинала Гумберта... Иногда рѣшаются говорить о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ Западомъ Востоку, и не задумываются надъ тѣмъ, что вся политика народовъ Запада и даже самаго папства всегда, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, была направлена противъ Востока. Забываютъ, что коронація Карла Великаго имѣла цѣлью формально лишить трона Византію, такъ что даже вели споры о древнемъ титулѣ ея монарховъ: „императоръ римскій“, что воевали съ императорами, что ихъ лишали ихъ итальянскихъ владѣній, опираясь на „лжеконстантиновскій даръ“. Забыли, что тѣ, которые имѣли претензію быть крестоносцами, разрушили восточную имперію, поработили и подавили унію и подготовили для нея многовѣковое рабство. Забыли далѣе, что по приказанію того же папы Иннокентія III, захватили безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти церковное имущество грековъ, отняли церкви и передѣляли въ латинскіе костелы, а епископовъ, даже престарѣлыхъ изгнали изъ кафедръ.

Сознаніе истины необходимо также и относительно догматическихъ различій... Много писали объ этихъ вопросахъ, по крайней мѣрѣ, объ исхожденіи Св. Духа и объ опрѣсноккахъ, на которые въ средніе вѣка смотрѣли, какъ на вопросъ догматическій, а не только, какъ на вопросъ церковной дисциплины... Эти разности разсматривались на Флорентійскомъ соборѣ, но довольно поверхностно. Не знали ни исторіи Церкви, ни отцовъ. Латиняне пользовались ложными аргу-

ментами, чтобы доказать грекамъ, что Духъ Св. исходитъ также и отъ Сына, приводили въ доказательство слова VII вселенскаго собора; но это былъ подложный текстъ. Точно также употребляли подложные тексты отцовъ Церкви и искусственно толковали другіе въ смыслъ латинскаго догмата. Здѣсь не было злой воли. Искренно вѣрили, что приводимые подложные тексты подлинны и ни греки, ни латиняне, не имѣли тогда достаточно критическаго чутья и историческаго чувства, чтобы отличить подложные тексты отъ подлинныхъ. Ложные патристическіе тексты произвели такое впечатлѣніе на нѣкоторыхъ грековъ, что они приняли латинское ученіе, вѣря, что такъ учили древніе отцы... Точно также обстоитъ дѣло и съ приматствомъ папы. Пользуются малѣйшими древними указаніями на авторитетъ римскаго епископа, какъ на доказательство догмата о приматствѣ въ его современномъ видѣ. Никогда не различаютъ хорошо и беззаботно отождествляютъ совершенно недогматическіе тексты съ самымъ догматомъ. Такимъ образомъ, дѣлаютъ свою задачу очень легкой, но не развязываютъ узла трудностей, которыхъ даже не замѣчаютъ. Вѣдь есть большое различіе между фактической властью и доктриной, учащей, что она учреждена непосредственно самимъ Богомъ, и является необходимой основою Церкви. Тѣмъ не менѣе, эти двѣ вещи совершенно отождествляются полемикой. И каждый отецъ Церкви, который даетъ какой-нибудь почетный титулъ римскому епископу, уже цитруется, какъ свидѣтель догмата о приматствѣ.

Тотъ же самый способъ аргументаціи встрѣчается и въ вопросѣ о чистилищѣ. Разсматриваютъ вопросъ о дѣйственности молитвъ за умершихъ и вопросъ о существованіи чистилища, какъ совершенно тождественные. Но это не такъ. Не всякій, молящійся за умершихъ, уже тѣмъ самымъ допускаетъ мысль о мѣстѣ очищенія. Вопросъ о пресуществленіи никогда повидимому не разсматривался серьезно на Западѣ. Просто основываются на римской литургіи, въ которой нѣтъ призыванія. Не зная ни восточныхъ литургій, ни ученія, говорятъ, что только произнесеніе словъ Нашею Господа совершаетъ таинство. Никто никогда не обращалъ вниманія на всеобщность призыванія на Востокѣ и на древ-

ность ученія, которое видитъ въ немъ главную часть освященія. Святыи Кириллъ Іерусалимскій, величайшій литургическій авторитетъ древности, не можетъ, конечно, считаться мало важнымъ свидѣтелемъ, а вмѣстѣ и другіе знаменитые отцы Церкви учили тому же самому. Однако, совершенно не считаются со всѣмъ этимъ и теперь принуждаютъ всѣхъ восточныхъ уніатовъ исповѣдывать, что освященіе совершается только словами Господа. Но въ такомъ случаѣ весь торжественный обрядъ становится ненужною церемоніею... Однако, было-бы такъ легко примирить эти два взгляда. Нужно было-бы только сказать, что таинство совершается словами Господа, но что эти слова производятъ свое дѣйствіе вслѣдствіе церковнаго освященія по волѣ Церкви. Поэтому, въ римской литургіи, гдѣ освященіе состоитъ только изъ словъ Господа, они производятъ свое дѣйствіе непосредственно, при ихъ произнесеніи. Наоборотъ... на Востокѣ эти слова производятъ свое дѣйствіе черезъ призываніе, и Господь присутствуетъ только тогда, когда призываніе окончено. Если же съ этимъ не согласятся, то отсюда будетъ слѣдовать, что нѣкоторые изъ величайшихъ отцовъ заблуждались и что заблуждалась и сама Церковь въ обширныхъ странахъ и заблуждалась относительно святѣйшаго таинства. Кто же осмѣлится принять столь печальную и тяжелую по послѣдствіямъ альтернативу?

То же самое и относительно таинства миропомазанія. Предоставленіе миропомазанія епископамъ есть исключительно латинскій обычай, притомъ позднѣйшаго времени. Первоначально же все христіанство, какъ и теперь на Востокѣ, соединяло крещеніе съ миропомазаніемъ. Совершавшій крещеніе совершалъ и миропомазаніе, безразлично, былъ-ли онъ священникомъ или епископомъ. Позднѣе, когда крещеніе дѣтей сдѣлалось общимъ правиломъ, латинскій западный обрядъ раздѣлилъ эти таинства, отнеся миропомазаніе къ болѣе позднему возрасту, причемъ священнику предоставили крещеніе, а епископу миропомазаніе. Какъ же можно въ виду этихъ обстоятельствъ сомнѣваться въ дѣйственности миропомазанія, совершеннаго священникомъ?"

Такимъ образомъ—заканчиваетъ свою боевую статью по вопросу объ уніи церквей принцъ Максимилианъ—только

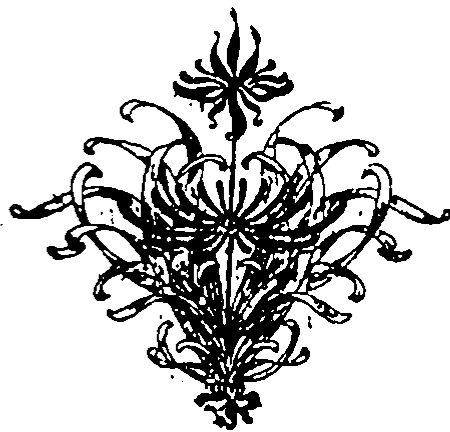
безстрастное, чуждое всякаго стыда сознаться въ заблужденіи, обнаженіе истины великой исторической распри между Востокомъ и Западомъ можетъ правильно вскрыть тотъ путь, который приведетъ къ успѣшной реализаціи уніи. „Истинѣ нужно служить истиною, строгимъ изслѣдованіемъ фактовъ, а не создавать поверхностную и неискреннюю апологетику, скрывающую трудности и извращающую факты. Прятаться отъ истины—это близорукая и гибельная по послѣдствіямъ политика... Такимъ способомъ ничего не выигрываютъ, а если чего и добиваются, то это бываетъ непрочно. Къ нашему дѣлу будутъ относиться съ естественнымъ недоувѣріемъ, если мы будемъ защищать его не основательными или ложными аргументами. Если такіе аргументы и дадутъ минутный успѣхъ, то вскорѣ мы замѣтимъ, что почва уходитъ изъ—подъ ногъ, и разочарованіе будетъ еще болѣе горькимъ... Та же самая любовь къ истинѣ побудитъ насъ изучить обстоятельство, взгляды, характеръ другой стороны. Здѣсь также мы встрѣчаемся съ однимъ изъ самыхъ большихъ затрудненій. Западъ не знаетъ Востока и Востокъ не знаетъ Запада... Западъ всегда хотѣлъ вліять на Востокъ, не зная его; его душа была ему чужда. Онъ никогда не зналъ ни того, что любить Востокъ; ни того, чего онъ отвращается и избѣгаетъ. Это видно уже изъ папскихъ посланій разныхъ эпохъ. Конечно, они часто диктовались лучшими намѣреніями, но Римъ, не зная Востока, часто говоритъ ему самыя неудобныя вещи“... Но кромѣ чувства истины, какъ средства истины, какъ средства искренняго сближенія церквей, нельзя замалчивать и чувства любви, которое является самой надежной скрѣпой общечеловѣческаго соединенія. „Можно быть въ согласіи относительно истины и въ разногласіи относительно жизни. Недостатокъ любви легко вызываетъ и недостатокъ истины, тогда какъ любовь есть подруга истины“. Въ настоящее время между обѣими великими половинами единой Церкви, находящимися въ раздѣленіи, царитъ взаимное недоувѣріе, доходящее до ненависти. Поводъ къ тому подали въ исторіи латиняне, которые, напр., подъ видомъ освобожденія грѣба Господня изъ рукъ поганыхъ турокъ, не разъ ввергали несчастный Востокъ въ пучину страшнаго народнаго бѣдствія и горя. Поэтому, „нужна любовь съ без-

корыстіемъ, любовь безъ задней мысли... Истина въ любви и любовь въ истинѣ,—вотъ что торжествуетъ надъ всѣми препятствіями“.

Статья принца Максимилиана Саксонскаго въ *Roma e l'Oriente* заканчивается горячимъ призывомъ къ забвенію всѣхъ столкновеній и обидъ прошлаго и къ объединенію церкви на основѣ взаимнаго уваженія къ особенностямъ исторически—сложившихся традиціи той и другой.

Константинъ Шебатинскій.

(Продолженіе будетъ).

Натуралистическій монизмъ Геккеля.

Критическое изслѣдованіе степени научной состоятельности враждебной христіанству монистической философіи.

(Продолженіе *).

2. Механизмъ и телеологія. Душа.

Тому, кто всю жизнь, всѣ явленія міра стремится свести на механику атомовъ, на борьбу слѣпыхъ силъ, разумѣется, вовсе не желательно говорить о какой-то разумности, цѣлесообразности въ явленіяхъ природы, признавать цѣли, намѣренія, *causae finales*. И однако же, цѣлесообразность эта такъ ярко бросается въ глаза, что умалчивать о ней невозможно. Волей-неволей приходится о ней вести рѣчь. И вотъ эволюціонисты, будучи вынуждены на это силою краснорѣчиво говорящихъ фактовъ, стараются о томъ, чтобы по возможности ослабить впечатлѣніе отъ этихъ фактовъ, доказывающихъ наличность разумности, цѣлесообразности въ природѣ, указывая на явленія нецѣлесообразныя, уродливыя и пытаясь объяснить разумность и цѣлесообразность такими факторами, какъ борьба за существованіе и естественный подборъ, т. е., причинами механическими.

Геккель основалъ цѣлую науку, такъ наз., дистелеологию—ученіе о рудиментарныхъ, атрофированныхъ, нецѣлесообразныхъ органахъ, каковы, напр., мускулы нашего уха, нѣкогда управлявшіе движеніями ушныхъ раковинъ, мигательная перепонка глаза, отростокъ слѣпой кишки; всѣ эти органы, нѣкогда дѣйствовавшіе, потомъ вслѣдствіе неупражнения атрофировались и оказываются теперь не только

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 3 за 1911 годъ.

безполезными, но даже прямо вредными и опасными, какъ напр., отростокъ слѣпой кишки, воспаленіе котораго представляетъ мучительную и опасную болѣзнь.

Фр. Ланге въ своей „Исторіи матеріализма“ доказываетъ, что природа, давая жизнь животнымъ и растеніямъ, дѣйствуетъ при этомъ такъ, что ея дѣйствій отнюдь нельзя признать цѣлесообразными въ нашемъ человѣческомъ смыслѣ. „Если бы, говоритъ онъ, человѣкъ, чтобы застрѣлить зайца, разбросалъ бы на большой равнинѣ по всѣмъ направленіямъ миллионы ружейныхъ снарядовъ, если бы онъ, чтобы построить домъ, воздвигъ бы цѣлый городъ, а лишніе дома предоставилъ бы вѣтру и непогодѣ; если бы онъ, чтобы проникнуть въ запертую комнату, накопилъ бы десять тысячъ различныхъ ключей, то, конечно, никто такой образъ дѣйствій не назоветъ цѣлесообразнымъ, а еще менѣе будетъ искать въ ней высшей мудрости, таинственныхъ основаній и особой разумности. Но кто въ новѣйшемъ естествознаніи ознакомился съ законами сохраненія и продолженія видовъ—даже такихъ, цѣль существованія которыхъ намъ совершенно непонятна, какъ, напр., глистовъ, тотъ вездѣ и всюду найдетъ необычайную трату жизненныхъ сѣмянъ. Отъ цвѣточной пыли растеній до оплодотвореннаго сѣмячка, отъ сѣмячка до развитія зародыша растенія, отъ этого послѣдняго до періода полного роста, когда появляются новыя сѣмена, мы видимъ повторяющееся дѣйствіе одного и того же механизма, который обрекаетъ на гибель тысячи рожденій и поддерживааетъ жизнь, насколько мы видимъ ее вокругъ насъ, случайнымъ совпаденіемъ благопріятныхъ условій. Гибель жизненныхъ сѣмянъ, безуспѣшность начинаній—это общее правило; а то, что называютъ „естественнымъ развитіемъ“, оказывается только частнымъ случаемъ между тысячами другихъ; это—исключеніе, и оно-то создаетъ ту природу, цѣлесообразному сохраненію которой удивляется близорукой приверженецъ телеологіи“.

Природа черезчуръ расточительна въ тратѣ своихъ силъ и въ этомъ отношеніи представляетъ полную противоположность человѣку, который всегда старается достигнуть желаемого результата при наименьшей затратѣ усилій и средствъ. Л. Уордъ въ своемъ сочиненіи „Психическіе факторы цивилизаціи“ (Переводъ Давыдовой, 1897 г., стр. 230—7)

приводить по этому вопросу мнѣнія нѣсколькихъ ученыхъ естествоиспытателей: Гексли высчитываетъ, что каждая самка селедка среднихъ размѣровъ выпускаетъ не менѣе 10 тыс. яицъ, изъ которыхъ 9998 экз. погибаетъ, не достигнувъ зрѣлаго возраста. Дарвинъ былъ чрезвычайно изумленъ, когда подсчиталъ яйца большой бѣлой Доррисъ (разновидность морской улитки), которыхъ оказалось до 600 тыс. По словамъ Катфража, два послѣдовательныхъ поколѣнія одной единственной травяной вши покрыли бы собою 8 акровъ. Большое каштановое дерево въ юнѣ мѣсяцѣ, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ около тонны пыльцы (тонна—60 пуд.) принимая во вниманіе величину каждаго зернышка пыльцы, мы найдемъ, что количество ихъ на такомъ деревѣ было бы почти неисчислимо. Нѣкоторыя сосны почти также богаты мужскими спорами и эта сосновая пыльца, вслѣдствіе своей легкости, часто переносится вѣтромъ на громадныя разстоянія. Многія растенія, какъ напр. орхидныя, личинковый цвѣтъ и др. производятъ громадныя количества мелкихъ сѣмянъ, а между тѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ собою рѣдкія растенія. Раздавите грибокъ—дождевикъ, и изъ него подыметъ облако пыли, которая наполнитъ собою на нѣкоторомъ разстояніи воздухъ. Это облако состоитъ изъ почти безчисленнаго количества чрезвычайно маленькихъ споръ, каждая изъ которыхъ, если попадетъ на благопріятную почву, способна воспроизвести тотъ видъ, къ которому она принадлежитъ. „Трата живыхъ существъ, говоритъ д-ръ Аза Грэй, громадна, она далеко превосходитъ общепринятое представленіе. Сѣмена, яйца и другіе зародыши предназначаются къ тому, чтобы сдѣлаться растеніями или животными, но ни одинъ изъ тысячи или даже изъ милліона не осуществляетъ этого назначенія. Подобно тому, какъ изъ всего количества солнечнаго свѣта, распространяющагося во всѣ стороны, только незначительная часть его попадаетъ на землю, или другія планеты, гдѣ часть его можетъ быть утилизирована для настоящей, или будущей жизни, такъ и изъ потенциальныхъ, или зачаточныхъ организмовъ не большая часть осуществляетъ предполагаемую цѣль ихъ созданія“.

Несмотря, однако же, на такую безразсудную расточительность силъ природы, включающую возможность предположенія разумной цѣлесообразности, „есть извѣстная ка-

тегорія фактовъ, сознается Уордъ, въ которыхъ естественный подборъ въ своихъ конечныхъ произведеніяхъ такъ близко подражаетъ разумному плану, что раньше предполагали, да и до сихъ поръ многіе предполагаютъ, что они являются результатомъ разумнаго руководительства! Острые зубы и когти напр., подобны заостреннымъ орудіямъ или оружію и извлекаютъ выгоду изъ закона наклонной плоскости. Это можетъ идти иногда такъ далеко, что утилизируется даже принципъ винта, какъ въ нѣкоторыхъ плодахъ, завитыхъ спиралью, благодаря чему закапываются въ землю для посадки сѣмянъ. Извѣстно также, что въ устройствѣ мускуловъ и прохожденіи чрезъ нихъ сухожилій принципъ рычага применяется въ большей или меньшей степени“ (Тамъ же, стр. 239).

Проф. А. Э. Брандтъ въ статьѣ „О цѣлесообразности въ природѣ“ ¹⁾ говоритъ о цѣлесообразномъ устройствѣ организма птицъ: „Крыловыя поверхности создаются съ соблюденіемъ чрезвычайной бережливости въ матеріалѣ, не столько изъ костей и мускуловъ, сколько изъ перьевъ, т. е., легкихъ, въ стержневой части пустыхъ, широкихъ, упругихъ пластинокъ изъ рогового вещества... Далѣе приняты мѣры къ уменьшенію удѣльнаго вѣса птицы. Опереніе образуетъ весьма рыхлый и сравнительно толстый покровъ на птичьемъ тѣлѣ. Всѣ пространства между пухомъ и покровными перьями заняты воздухомъ, да къ тому же еще нагрѣтымъ, стало быть, особенно легкимъ. Шубка, значительно увеличивая объемъ птицы на счетъ очень легкихъ перьевъ и еще болѣе легкаго воздуха, уменьшаютъ ея удѣльный вѣсъ“. Устройство органовъ дыханія и нѣкоторыхъ органовъ, позволяющихъ вводить воздухъ въ организмъ въ довольно значительномъ количествѣ при томъ тогда, когда это бываетъ нужно для уменьшенія удѣльнаго вѣса, т. е., во время полета, также нельзя не признать весьма цѣлесообразнымъ. Другой примѣръ, гдѣ цѣлесообразность бросается въ глаза, это устройство костей въ организмѣ животнаго. Вотъ что говоритъ объ этомъ тотъ же профессоръ: „Средняя часть кости, такъ называемая, діафиза, содержитъ пустоту, дупло, съ очень легкою жировою тканью—костнымъ

¹⁾ „Міръ Божій“ 1897 г., декабрь.

мозгомъ. Мы напрасно подозрѣвали бы въ этой чертѣ организациі ущербъ для прочности костяка. Ни одинъ архитекторъ не закажетъ массивной чугунной или вообще металлической колонны, скажемъ, для портика, а непремѣнно пустую: пустая дешевле, легче, удобнѣе переносится и водружается, и при этомъ обладаетъ почти такимъ же сопротивленіемъ, какъ колонна массивная того же объема. Эпифизы нашихъ бедренныхъ костей не были бы въ состояніи нести на себѣ тяжесть туловища, если-бъ волшебная сила выжала изъ нихъ костный мозгъ и уплотнила бы ихъ въ массивную палочку соответственной тонины“.

Можно было бы привести множество другихъ фактовъ изъ анатоміи нашего уха, глаза, дыхательныхъ органовъ, изъ анатоміи и фізіологіи растений и проч., фактовъ, которые вынуждаютъ признать цѣлесообразность въ природѣ даже тѣхъ, кто къ этому совершенно нерасположенъ въ силу своей склонности видѣть въ природѣ только причины механическія, *causae efficientes*, а не *causae finales*. Однако, ограничимся уже приведенными фактами, намѣренно взятыми нами у людей далеко не склонныхъ къ телеологіи.

Цѣлесообразность, по Эргарду, обнаруживается „въ строеніи организмовъ, въ томъ соответствіи, какое существуетъ между цѣлымъ и его частями, въ приспособленности животнаго и растительнаго организма къ выполненію разнаго рода жизненныхъ процессовъ, какіе организмъ долженъ выполнять въ ту или другую пору своего развитія, въ постоянномъ возобновленіи въ теченіе рядовъ поколѣній видового типа, всегда остающагося вѣрнымъ себѣ“.

Идея цѣли есть понятіе, заимствованное изъ круга человѣческихъ представленій, она является причиннымъ членомъ въ ряду дѣйствій человѣка, направленныхъ къ достиженію желаемаго результата. У другихъ организмовъ, дѣйствующихъ бессознательно, она, разумѣется, такой роли не играетъ. Дѣйствія человѣка, обусловленные представленіемъ цѣли, называются разумными. То, что у человѣка является разумностью въ субъективномъ смыслѣ, то у другихъ организмовъ, дѣйствующихъ бессознательно, но цѣлесообразно, есть проявленіе объективной разумности, т. е., разумности приходящей извнѣ, разумности, которая независимо отъ воли и сознанія самого живого существа организуетъ его такъ, что эта орга-

низация является достаточной для совершения дѣйствій и жизненныхъ процессовъ, какіе въ немъ должны происходить въ интересахъ его собственнаго благосостоянія, или въ интересахъ вида.

Эта разумность исключаетъ ли дѣйствіе такихъ факторовъ развитія, какъ борьба за существованіе и естественный подборъ? Отнюдь нѣтъ. Напротивъ, она пользуется ими, какъ средствомъ для достиженія поставленной цѣли, именно: развитія, обеспечивая такимъ способомъ существованіе лишь за болѣе совершенными индивидуумами и давая имъ возможность передавать путемъ наследственности свои лучшія свойства слѣдующимъ поколѣніямъ. Цѣлесообразность органическихъ явленій, такимъ образомъ, вовсе не устраняется дѣйствіемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора, но именно благодаря этимъ факторамъ лучше понимается: цѣлесообразность есть результатъ дѣятельности этихъ факторовъ, направляемой объективной разумностью, дѣятельности, устраняющей все нецѣлесообразное.

Но тогда какая же разница между нами и механистами, объясняющими цѣлесообразность дѣйствіемъ этихъ же факторовъ, т. е., борьбы за существованіе и естественнаго подбора? Разница и весьма существенная состоитъ въ томъ, что мы смотримъ на эти факторы, какъ на орудіе въ рукахъ объективной разумности, которой механисты признавать не хотятъ. А есть ли необходимость предполагать эту объективную разумность? Быть можетъ, совершенно достаточно чисто механическихъ факторовъ—борьбы за существованіе и естественнаго подбора,—которые съ неизбежностью приводятъ къ цѣлесообразному устройству природы? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, возьмемъ одно часто наблюдаемое въ жизни организмовъ явленіе, которое носитъ на себѣ явную печать цѣлесообразности. Явленіе это есть, такъ называемая, мимичность въ окраскѣ животныхъ и состоитъ въ томъ, что животное принимаетъ окраску почвы, или растительности, среди которой оно обыкновенно живетъ. Есть сорта бабочекъ, которыя по своей окраскѣ и даже по формѣ совершенно похожи на листья тѣхъ растеній, на которыя онѣ обыкновенно садятся. Тигръ своей полосатой окраской очень также напоминаетъ окружающую его растительность. Такая окраска чрезвычайно выгодна для животнаго: бабочку она спасаетъ

отъ враговъ, которые не могутъ найти ея, когда она спокойно сидитъ среди листьевъ дерева, на которые она совершенно походить; благодаря этому же обстоятельству, тигръ легко подкрадывается незамѣченнымъ къ своей добычѣ. Эта цѣлесообразная окраска является ли результатомъ только естественнаго подбора, который обезпечиваетъ выживаніе за тѣми экземплярами, у которыхъ случайно появилась полезная для индивидуума окраска? Согласимся, что да. Но тутъ возникаетъ такое затрудненіе: какъ объяснить первое благоприятное видоизмѣненіе? Одинъ изъ противниковъ Дарвина—Беннетъ указалъ на то, что сходство многихъ насѣкомыхъ съ почвой, на которой они живутъ, съ окраской сухой древесной коры, опавшей листвы или съ великолѣпной окраской цвѣтовъ, которые ими обыкновенно посѣщаются, создается такимъ громаднымъ числомъ порождающихъ иллюзію признаковъ и чертъ рисунка, что о внезапномъ возникновеніи подобнаго рода измѣненія не можетъ быть рѣчи, тѣмъ болѣе, что ближайшіе виды часто имѣютъ совершенно различную наружность. Случайное же возникновеніе только части новаго рисунка не могло бы принести организму никакой пользы, такъ какъ это, конечно, не могло бы ввести въ заблужденіе его враговъ. Но предположить счастливую случайность—возникновеніе сразу огромнаго числа благоприятныхъ признаковъ въ окраскѣ животнаго, можно лишь въ томъ случаѣ, если допустить огромные періоды времени, въ теченіе которыхъ возникало великое множество измѣненій окраски, пока наконецъ произошло случайное совпаденіе многихъ благоприятныхъ признаковъ, возникшихъ одновременно.

Этого требуетъ теорія вѣроятностей: нужно многое множество разъ раскладывать колоду картъ между игроками, чтобы одинъ разъ у кого либо изъ игроковъ очутились на рукахъ всѣ до единой карты одной масти. Правда, что въ области геологіи и космогоніи насъ приучили уже къ огромнымъ цифрамъ. Но тутъ положеніе вещей совершенно иное. Мимичность, подраженіе въ окраскѣ окружающей среды въ состояніи возникнуть только въ теченіе періода съ приблизительно одинаковыми климатическими условіями, одинаковыми вратами, одинаковой растительностію, а подобные періоды мы, вообще говоря, не можемъ предполагать особенно большими.

Итакъ, очевидно, естественнаго подбора и борьбы за существованіе не достаточно для объясненія цѣлесообразнаго явленія мимичности, если позади этихъ факторовъ не предположить объективной разумности, которая пользуется ими, какъ орудіями для достиженія опредѣленныхъ цѣлей.

Но какъ примирить разумность съ той безумной расточительностью природы, о которой была рѣчь выше? Думается намъ, что тутъ нѣтъ непреодолимаго затрудненія. Дѣло вѣдь въ томъ, что понятіе расточительности слишкомъ условное. Для человѣка у котораго рубль въ карманѣ, обѣдъ въ полтинникъ будетъ уже расточительностью; для миллионера обѣдъ въ пять руб. будетъ лишь скромный обѣдъ. Человѣкъ, силы котораго ограничены, обязанъ быть экономнымъ въ расходованіи этихъ силъ. Но силы природы безграничны. Можетъ ли поэтому быть рѣчь о расточительности природы?

Понятіе цѣлесообразности относится къ организму уже сформированному. Но изучая самый процессъ сформированія, возникновеніе организма, начиная съ зародышеваго яйца, постепенное появленіе и развитіе необходимыхъ въ данный моментъ органовъ, ихъ постепенно идущую все впередъ приспособленность къ отправленію необходимыхъ функцій; изучая филогенетическое развитіе животнаго и растительнаго міра, постепенный переходъ отъ низшихъ формъ организмовъ къ высшимъ, мы видимъ здѣсь несомнѣнное стремленіе къ цѣли, видимъ, какъ это развитіе постепенно, но планомерно идетъ впередъ, какъ бы подъ руководствомъ сознательной воли. Въ яичкѣ, снесенномъ бабочкою, происходитъ рядъ весьма сложныхъ химическихъ, физическихъ и механическихъ процессовъ, которые въ концѣ концовъ приводятъ къ сформированію гусеницы. На счетъ накопленныхъ въ яйцѣ матеріаловъ развиваются и такіе органы, которые для зародыша, какъ такового, совершенно не нужны, а найдутъ оебѣ примѣненіе лишь впоследствии, въ свободной жизни гусеницы. Таковы, для примѣра, челюсти, которыми прожорливое, червеобразное существо обгрызываетъ листья. Съ ихъ помощью гусеница усваиваетъ массу питательнаго матеріала, необходимаго для ея роста, для нормальнаго развитія ея органовъ и для скопленія запасовъ въ громадномъ, такъ называемомъ, жировомъ тѣлѣ, которымъ какъ бы укутаны всѣ ея внутренности. Всѣмъ этимъ подгото-

вляются послѣдующіе процессы, которые съ необходимостью должны возникнуть. По достиженіи полного роста, гусеница перестаетъ принимать пищу и временно всецѣло предается работѣ оплести себя плотнымъ защитнымъ футляромъ или кокономъ. Матеріаломъ для кокона является тягучая жидкость, выдѣляемая особыми громадными железами и застывающая въ шелковую нить. Эти шелковичныя железы, не смотря на то, что понадобятся такъ поздно, закладываются, подобно челюстямъ, еще у зародыша. Внутри кокона гусеница успокаивается надолго, предоставляя себя въ полное распоряженіе внутреннимъ реформамъ, которыя направляются прежде всего къ формировкѣ куколки, а затѣмъ и готовой бабочки со всѣми ея атрибутами: крыльями, хоботкомъ и т. д. Все развитіе бабочки, да и всякаго другого животного, начиная съ яйца, совершается, какъ по писанному, можетъ быть предуготованно, предсказано и неуклонно ведетъ къ заранее извѣстной цѣли. Подобнымъ же образомъ совершенно правильно и закономерно происходитъ филогенетическое развитіе—постепенное видоизмѣненіе морфологическихъ свойствъ живыхъ существъ, дающее въ результатъ новые виды животныхъ и растений, все болѣе совершенные. И тутъ мы видимъ явныя цѣли, къ достиженію которыхъ стремится животная и растительная жизнь. Все развитіе совершается настолько правильно и иланомѣрно, какъ будто руководить имъ сознательная воля. Только при такомъ предположеніи мы въ состояніи понимать, какъ бессознательно дѣйствующія механическія причины—борьба за существованіе, подборъ, наслѣдственность и проч. въ состояніи были создать жизнеспособные виды. Мы можемъ теперь дополнить сказанное нами въ первой главѣ указаніемъ на то, что силы, въ которыхъ натуралистическій монизмъ видитъ механическія причины прогресса, должны быть признаны, какъ силы, стремящіяся къ цѣли, ибо только будучи объединены и дѣйствуя по руководству высшей, внутренней идеи развитія, онѣ могутъ дѣйствовать такъ, чтобы вести къ прогрессу.

К. Э. ф. Баэръ смыслъ и значеніе цѣлесообразности и цѣлестремительности обрисовалъ въ слѣдующихъ словахъ, цитируемыхъ самимъ Геккелемъ: „Исторія развитія индивида есть исторія развитія индивидуальности во всѣхъ отно-

шеніяхъ“ и далѣе: „Основная идея, управляющая всѣми частными проявленіями (животнаго) развитія, есть та самая, которая въ міровомъ пространствѣ собрала разрозненныя массы матеріи въ сферы и эти послѣднія соединила въ солнечныя системы. Идея эта есть не что иное, какъ сама жизнь, а тѣ слова и слоги, какими она себя обнаруживаетъ,—суть различныя формы живущаго“.

Въ этихъ словахъ дана исходная точка зрѣнія, съ какою слѣдуетъ разсматривать цѣлесообразность въ строеніи организмовъ. Цѣль развитія не есть какая-нибудь утилитарная, но именно есть сама жизнь, полнота и разнообразіе жизни, разнообразіе живыхъ существъ, разнообразіе формъ ихъ дѣятельности, возможно болѣе высокое и всестороннее развитіе ихъ силъ и способностей, красота и совершенство отдѣльныхъ созданій, которыя имѣютъ значеніе именно сами по себѣ, а не въ качествѣ лишь средствъ для достиженія какихъ-то чуждыхъ имъ самимъ цѣлей. Цѣлесообразность въ томъ и заключается, что низшая форма жизни, служа орудіемъ и средствомъ для высшей, въ то же время достигаетъ и собственныхъ задачъ и цѣлей.

Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятной дистелеология, на которую Геккель указываетъ, какъ на доказательство отсутствія цѣлесообразности въ природѣ. Ставшіе теперь бесполезными нѣкоторые органы появлялись въ свое время въ интересахъ, быть можетъ, морфологической красоты и возможно болѣе полнаго функціонированія того или другого организма; они представляютъ собою какъ бы этапныя пункты на томъ пути, по которому шелъ организмъ въ теченіи ряда вѣковъ; отчасти они являются также препонами, какихъ сила организма не въ состояніи преодолѣть, такъ какъ вѣдь она не всемогущее божество, но которыя она должна сдѣлать какимъ-нибудь способомъ возможно болѣе безвредными.

Понятнымъ также становится для насъ и значеніе основнаго біогенетическаго закона, какъ краткаго повторенія историческаго прошлаго индивидуума въ его главнѣйшихъ фазахъ. Въ тѣсной, органиченной области—въ процессѣ развитія отдѣльнаго индивидуума выражается идея рода, отражается великій міровой процессъ. Потому-то законъ этотъ даетъ намъ ключъ къ пониманію жизни природы: и природа

должна идти путемъ постепенности, создавая первоначально простѣйшее, несложное, чтобы затѣмъ перейти къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ формамъ. Но тутъ же мы видимъ, что смѣна различныхъ процессовъ не есть беспорядочный хаосъ, не есть лишь результатъ слѣпой борьбы атомовъ, но этой смѣной управляетъ нѣкая идея, приводящая къ созданію индивидуальности, высшаго единства, которому служатъ низшія ступени процесса развитія. Далѣе, подобно тому, какъ отдѣльный организмъ представляетъ собою замкнутое въ себѣ цѣлое и отграничивается отъ окружающаго внѣшняго міра, такъ и отдѣльный видъ живыхъ существъ представляетъ собою нѣчто цѣлое и отграниченное, стремящееся сохранить эту отграниченность при послѣдовательной смѣнѣ поколѣній путемъ передачи наслѣдственныхъ свойствъ вида слѣдующимъ поколѣніямъ и достигающее этой своей цѣли, не смотря на противодѣйствующія вліянія окружающей среды. И видъ животныхъ и растеній представляетъ собою нѣкоторую форму индивидуальности, есть нѣчто цѣлое, есть единство.

Посмотримъ теперь, какъ относится телеологія къ механической причинности.

Механисты говорятъ, что въ природѣ мы имѣемъ закономерную связь явленій, возникающихъ одно изъ другого съ необходимостью, при чемъ результатъ въ точности соответствуетъ суммѣ тѣхъ причинъ, которыя его вызвали. Въ этомъ и состоитъ законъ эквивалентности, который не допускаетъ вмѣшательства въ цѣль механическихъ причинъ и слѣдствій какихъ-нибудь телеологическихъ факторовъ. Наше объясненіе того или иного явленія можетъ состоять только въ разложеніи явленія на его составные элементы, сумма которыхъ и даетъ то, что подлежитъ объясненію. Возможность точнаго исчисленія, возможность мѣры и вѣса есть лучшее доказательство царствующей въ природѣ закономерности.

Допустимъ теперь, что намъ удалось относительно того или другого явленія, выяснить и исчислить всѣ тѣ элементы изъ которыхъ оно сложилось, установить послѣдовательность механическихъ процессовъ, которые дали этотъ результатъ, — значитъ ли это, что мы объяснили явленіе? Нѣтъ, мы этого не можемъ сказать. Мы отвѣтили бы на вопросъ: какъ? но

не на вопросы: почему, зачѣмъ? Самъ Ладенбургъ, единомышленникъ Геккеля, сознается въ этомъ; К. ф. Мерилаунъ говоритъ: „Даже въ томъ случаѣ, когда мы что-нибудь стремимся свести на механическіе процессы, мы можемъ лишь описывать, что происходитъ, но не давать объясненія въ собственномъ смыслѣ. Наше стремленіе къ причинному истолкованію явленій въ механическомъ объясненіи находитъ только мнимое, а не дѣйствительное удовлетвореніе“. „Наука, говоритъ Н. Бердяевъ въ статьѣ „Вѣра и знаніе“¹⁾, открываетъ внѣшнюю закономерность природы, функциональную связь одного явленія съ другимъ. Но эта связь причины съ слѣдствіемъ остается для науки неосмысленной, неразумной. Осмыслить связь причины съ слѣдствіемъ очевидно можно только изнутри, лишь подъ другимъ угломъ зрѣнія. Научному пониманію міра въ категоріи причинности открывается въ мірѣ только закономерность и необходимость, но не открывается въ мірѣ разумъ, смыслъ. Въ закономерномъ ходѣ природы нѣтъ разума и смысла... Внутренняя, осмысленная связь причины со слѣдствіемъ есть связь волевой активности, причиненія, съ порождаемымъ результатомъ. Причинность, понимаемая изнутри, есть творческій актъ живого существа. Причина созидаетъ, творитъ слѣдствіе. Причинность есть творческая энергія и предполагаетъ существо, обладающее этой энергіей“. Такое понятіе причинности человѣкъ заимствуетъ изъ глубины собственного самосознанія, гдѣ онъ находитъ, что собственное его я является творцомъ, причиняетъ тѣ или другія явленія, и иное понятіе причинности не можетъ насъ удовлетворить. Механическая причинность нуждается въ дополненіи ея причинностью телеологической, какъ это убѣдительно доказываетъ Паульсенъ въ своемъ „Введеніи въ философію“, въ главѣ „О причинности и цѣлесообразности“. „Физикъ объясняетъ намъ игру органа; все совершается при этомъ вполнѣ механически: здѣсь трубка съ такимъ-то и такимъ устройствомъ, здѣсь сжатый воздухъ; вотъ открывается этотъ клапанъ, воздухъ устремляется въ трубку и приводитъ воздушный столбъ въ такія-то и такія колебанія. А потомъ приходитъ физиологъ и точно такимъ же образомъ демонстри-

¹⁾ Вопросы философіи и психологіи, 1910 г., кн. 102.

руетъ намъ органиста: вотъ здѣсь мы имѣемъ такъ-то расположенные мозгъ и нервную систему; чрезъ глазъ сюда проходятъ вотъ эти раздраженія, исходящія отъ нотъ и клавиатуры; дѣйствуя, какъ чисто физическія причины, онѣ вызываютъ реакцію,—пальцы надавливаютъ клавиши въ такой-то вотъ послѣдовательности. Это физическая сторона дѣла. Но тутъ есть еще и другая сторона: ощущенія зрѣнія и слуха и наслажденіе звуками и мелодіей. И этотъ рядъ имѣетъ внутреннюю, телеологическую связь членовъ. Да онъ и есть собственно существенная сторона дѣла; процессъ же въ нервной системѣ органиста есть лишь его внѣшняя видимость. И вотъ, съ допустимымъ сокращеніемъ въ выраженіи, мы называемъ цѣлевыми дѣятельностями также и эти физическія явленія, въ которыхъ обнаруживаются внутреннія, жизненные явленія,—игру на органѣ, писаніе нотъ и т. д.“. Одно и то же явленіе можно толковать со стороны его причины и со стороны дѣйствія (результата, цѣли). Впрочемъ, сказать „можно“—это слишкомъ мало, слѣдуетъ сказать не „можно“, а „должно“. „Есть одинъ пунктъ, говоритъ Паульсенъ, на который весь свѣтъ смотритъ именно такъ: это жизнь. Жизненные явленія образуютъ собою связь причинъ и дѣйствій; они на каждомъ пунктѣ обусловливаются естественно законѣрнымъ взаимодействіемъ всѣхъ частей; но они въ то же время и „цѣлестремительны“,—въ томъ смыслѣ, что они замыкаются въ единое цѣлое, жизнь, на которую мы не можемъ не смотрѣть, какъ на цѣль, которой всѣ функціи служатъ средствами. Охота, поимка добычи, пожираніе ея и перевариваніе суть причины сохраненія жизни; но въ то же время жизнь есть цѣль и эти функціи составляютъ средства къ этой цѣли. А если функціи являются средствами, то средствами же являются и органы: если зрѣніе существуетъ ради жизни, то глаза существуютъ ради зрѣнія; тогда для этого то они и образованы въ жизни зародыша. Но нѣтъ,—говорятъ наши боящіеся цѣлей, материалистически-механическіе натуръ-философы,—вѣрна только первая половина предположенія; животное видитъ, потому что оно имѣетъ глаза, но глаза существуютъ не затѣмъ, чтобы оно видѣло; оно бодается потому, что имѣетъ рога, но рога у него не затѣмъ, чтобы оно могло защищаться и бодаться... Но такіе философы должны бы были сказать за-

тѣмъ слѣдующее: не для того быкъ бодаетъ, чтобы одолѣть соперника, а—потому, что онъ бодаетъ, другой падаетъ на землю; не потому паукъ плететъ свою сѣть, чтобы ловить мухъ, а потому, что существуетъ сѣть, мухи цѣпляются за нее, и потому, что существуютъ пожирательные органы паука, муха попадаетъ въ нихъ и, такъ какъ дѣло дошло до этого, то она препровождается далѣе внутрь и переваривается; о цѣляхъ нѣтъ нигдѣ при этомъ рѣчи, а только о причинныхъ связяхъ. И если это вѣрно въ примѣненіи къ пауку,—должны бы были они сказать, продумывая мысль до конца,—то и въ примѣненіи къ человѣку будетъ то же самое: и онъ, значитъ, слетаетъ сѣти не затѣмъ, чтобы ловить рыбу, а потому что руки его такъ движутся, пряжа переплетается въ сѣть и, потому что сѣть такъ растягивается въ водѣ, вытаскивается рыба“. Ясно такимъ образомъ, что механически-причинное объясненіе безъ телеологическаго приводитъ къ абсурду.

Если въ природѣ мы не имѣемъ ничего другого, какъ безцѣльную игру атомовъ, соединяющихся то въ одну, то въ другую комбинаціи; если тотъ или другой комплексъ атомовъ существуетъ въ данный моментъ лишь для того, чтобы въ слѣдующій моментъ разложиться и пойти на образованіе другихъ комплексовъ; если нѣтъ и быть не можетъ индивидуальностей, единствъ, которыя были бы сами по себѣ цѣлью, которыя уясняли бы, почему и зачѣмъ нужна была эта игра атомовъ, приведшая къ образованію этой индивидуальности, этого единства, тогда въ природѣ нельзя искать разума и смысла, ибо только намѣренія и цѣли могли бы дать ей разумъ и смыслъ. И несомнѣнно, что цѣли въ природѣ есть. Всѣ процессы и прежде всего жизненные оканчиваются нѣкоторой достигнутой цѣлью, нѣкоторымъ желаемымъ результатомъ. Спѣлый плодъ есть нѣчто совершенно новое, высшее и болѣе совершенное, чѣмъ тотъ зародышъ, изъ котораго возникъ этотъ плодъ.

И вотъ потому то, что въ природѣ есть не только безцѣльная, механическая игра атомовъ, но есть также индивидуальности, единства, сущности, имѣющія сами въ себѣ цѣль, поэтому то механическое объясненіе природы нуждается въ дополненіи объясненіемъ телеологическимъ. Телеологическая причинность отнюдь не исключаетъ причин-

ности механической, а напротивъ требуетъ ея. Взаимная ихъ связь является связью средства и цѣли. Телеологія покоится на механической основѣ, на количественномъ равенствѣ причины и дѣйствія; цѣль есть мыслимая и поставленная волей основа, которая причину дѣлаетъ своимъ средствомъ. Механическое объясненіе возможно только на основѣ телеологическаго, которое сообщаетъ механикѣ направленіе къ опредѣленной цѣли. Телеологическая причинность предполагаетъ идею и волю, она есть та внутренняя, по существу нематеріальная сила, которая объединяетъ отдѣльные процессы въ нѣчто цѣлое, въ единства, индивидуальности, которая сообщаетъ этимъ процессамъ цѣль и смыслъ и даетъ имъ характеръ объективной разумности. Чтобы отдѣльные процессы получили смыслъ и значеніе, для этого цѣлое, въ составъ котораго они входятъ, должно представлять собою ихъ внутреннюю основу, должно являться по отношенію къ нимъ, какъ идея цѣли. Если механическое объясненіе хочетъ быть дѣйствительнымъ, а не мнимымъ объясненіемъ, то оно должно дать идею цѣли, должно быть внутреннимъ объясненіемъ, исходящимъ изъ мысли и воли, а не давать лишь внѣшнее слѣдованіе явленій, функциональную зависимость между ними.

Душа живого существа, понимаемая какъ организационный принципъ, какъ на этомъ настаиваетъ и Геккель, есть характерное выраженіе для этой телеологической законмѣрности, ибо она именно конструируетъ живое существо, какъ объединенный біонъ. И у Геккеля она есть основа жизни и центръ всѣхъ отправленій организма, субъектъ и безсознательный (сознательный относительно) носитель ихъ. Поэтому Геккель долженъ былъ признать душу, какъ нѣчто внутреннее, не допускающее никакихъ количественныхъ измѣреній, исчисленій, взвѣшиваній; она управляетъ явленіями, подлежащими закону эквивалентности, но сама остается внѣ зависимости отъ этого закона.

Свящ. Николай Липскій.

(Продолженіе будетъ).

ФАКТЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ ГЕРЦГОВИЦА.

(Продолженіе *).

Воспитательная часть въ семинаріи и южно-славянскомъ пансіонѣ.

Съ воспитательною частью въ нашей семинаріи я мало знакомъ. Знаю только, что инспекторъ архимандритъ Веніаминъ былъ строгъ, что воспитанники рѣдко и днемъ пускались со двора, а вечеромъ или на ночь тѣмъ болѣе. Вѣтхій привратникъ Трофимъ не выпускалъ никого безъ разрѣшительнаго билета, а впускалъ поздно вечеромъ не иначе, какъ по докладѣ инспектору. Въ свободное отъ занятій время воспитанники гуляли по двору и въ небольшомъ саду, съ нѣсколькими тощими акаціями, играли въ мячъ и въ швайку, а затѣмъ расходились по классамъ для обычныхъ занятій до ужина и послѣ него до молитвы, которая совершалась по классамъ, такъ какъ въ семинаріи не было своей церкви. Въ продолженіе года ко всенощной и литургіи, ходили въ ближайшую церковь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы и только въ осенніе и зимніе мѣсяцы всенощную слушали въ одномъ изъ наиболѣе помѣстительныхъ классовъ. Богослуженіе домовое обыкновенно совершалъ одинъ о. инспекторъ, безъ діакона, въ присутствіи о. ректора, всегда стоявшего впереди. На богослуженіяхъ въ церкви и въ семинаріи присутствовали и воспитанники изъ чужестранцевъ во главѣ съ своимъ воспитателемъ. Во всемъ прочемъ внѣклассная жизнь послѣднихъ мало соприкасалась съ жизнію ихъ русскихъ товарищей.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1911 г.

Какъ же протекала жизнь южно-славянскихъ питомцевъ въ устроенномъ для нихъ пансіонѣ?

Послѣ перваго неудачнаго надзирателя-воспитателя болгарина г. Раковскаго, при преемникѣ его Д. А. Рудинскомъ въ пансіонѣ заведены были всѣ добрые воспитательные порядки, какіе желательны и необходимы во всякомъ благоустроенномъ заведеніи. Воспитанники вставали въ определенное время, присутствовали на утренней молитвѣ, читаемой всѣми по очереди, и послѣ чаю уходили въ семинарію на уроки. По возвращеніи съ классныхъ занятій собирались въ столовую къ обѣду, гдѣ, по прочтеніи молитвы, садились за столъ. Во время обѣда въ столовой обязательно присутствовалъ и воспитатель. Отобѣдавъ, благодарили Бога и расходились. Въ послѣобѣденное время разрѣшалось устраивать игры въ залѣ и пѣть національныя пѣсни, гулять на дворѣ и играть въ мячъ, а не запрещалось ходить и по городу по дѣлу или для прогулки, но непременно съ вѣдома воспитателя. Къ началу вечернихъ занятій всѣ обязаны были находиться въ пансіонѣ и во время самыхъ занятій избѣгать всякаго шума. За ужиномъ наблюдался обѣденный порядокъ, а за вечернею молитвою—утренній. Къ богослуженію въ церковь ходили парами, чисто одѣтые и въ добромъ настроеніи. Словомъ, все происходило благообразно и по чину. Воспитатель относился ко всѣмъ хорошо и благожелательно, помогалъ при занятіяхъ, разъяснялъ трудное и малопонятное, особенно ласковъ былъ съ младшими по возрасту питомцами, скучавшими и тосковавшими за родными и родиною; но не оставлялъ безъ вниманія и недостатковъ, замѣчавшихся у многихъ изъ старшихъ по возрасту. Отъ его наблюдательности не могли ускользнуть нехорошія привычки однихъ, порочныя навѣки другихъ и стремленіе къ разнузданности третьихъ и требовалось много умѣнья и педагогическаго такта, чтобы бороться со зломъ и предохранить отъ него тѣхъ юношей, которые отличались чистотою жизни и добрыми навѣками. Все, къ чему обязывалъ долгъ служебный, что подсказывалось добрымъ, чуткимъ сердцемъ образованнаго человѣка и гуманнаго педагога, то дѣлалось нашимъ воспитателемъ, но одинъ, какъ говорится, въ полѣ не воинъ. Начальство семинарское или находилось не въ курсѣ дѣла, что трудно допустить, или руководилось какими ни-

будь предписаніями свѣше, но оно смотрѣло какъ бы сквозь пальцы на творившееся въ пансіонѣ. А тамъ творилось вотъ что: говорили исключительно на болгарскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего затруднялось усвоеніе русскаго языка; мало читали по-русски и читаемое было большею частію педоброкачественно—романы Поль-де-Кока, Дюма и Евгенія Сю; увлекались газетами, особенно „Цареградскимъ Вѣстникомъ“ и „Болгарскими Книжицами“, въ ущербъ своимъ занятіямъ; преждевременно втягивались въ политиканство и дѣлались доступными для агитаціи; нѣкоторые такъ увлекались послѣднею ролью, что почти открыто дѣйствовали въ средѣ переселенцевъ болгаръ, уговаривая однихъ возвратиться на родину и отговаривая другихъ переселиться въ Россію, представляя имъ все русское въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Несостоявшееся переселеніе болгаръ на покинутыя татарами мѣста въ Таврической губерніи не мало зависѣло отъ агитаціи питомцевъ южно-славянскаго пансіона изъ болгаръ. Изъ благоустроеннаго воспитательнаго заведенія пансіонъ мало по малу превратился въ какой-то этапный пунктъ для болгарской молодежи, съ разными цѣлями направлявшейся черезъ Одессу во внутренніе города Россіи и обратно, и въ постоянный дворъ для разныхъ проходимцевъ и авантюристовъ. Господи! кто только не навѣщалъ насъ! Какихъ только гадостей и мерзостей не слыхивали мы отъ нашихъ посѣтителей! Стали учащаться отлучки изъ пансіона во всякое время дня и ночи. Посѣщались винные погреба и непотребные дома. Нѣкоторые и заразились... и должны были уѣхать на родину. Наиболѣе испорченные верховодили въ пансіонѣ, нерѣдко обижали младшихъ, ссорились между собою, дрались и бранились самымъ непристойнымъ образомъ, обнаруживая грязные поступки и пороки другъ друга. Конечно, воспитатель нашъ не могъ знать всего происходившаго въ пансіонѣ, но чуюло его благородное сердце, что за глазами его творится много нехорошаго. Юноши изъ патриархальныхъ семей, а таковыми были я, мои товарищи-герцеговинцы и нѣкоторые сверстники изъ болгаръ, задыхались въ нравственно-испорченной атмосферѣ пансіона, часто плакали и такъ стали тосковать за родиною, что семинарскій врачъ въ нашей тоскѣ усматривалъ особаго рода болѣзнь и рекомендовалъ увольнять насъ въ отпускъ на родину. Спасибо великое семинар-

скому начальству за его довѣріе къ отъывамъ врача и ходатайство предъ азіатскимъ департаментомъ о матеріальномъ пособіи нуждающимся для поѣздки на родину и обратно. Такія поѣздки оказывали самое благотворное вліяніе на воспользовавшихся ими, оздараивали ихъ физически и духовно, укрѣпляли въ добронравіи и противленіи злымъ наработкамъ и порокамъ, возгрѣвали любовь къ труду и стремленіе къ обогащенію себя познаніями. Говорю это не наобумъ, а на основаніи того, что лично испытывалъ послѣ поѣздки на родину въ 1862 г.

Какъ ни свободно жилось въ нашемъ пансіонѣ, но большинство было не довольно. Надзоръ воспитателя, который и ночью заглядывалъ въ спальни, вызывалъ ропотъ; видимо желали освободиться отъ всякаго надзора. Началась агитація противъ благороднѣйшаго Д. А., который въ концѣ концовъ и оставилъ воспитательство въ пансіонѣ, къ величайшему сожалѣнію его сербскихъ питомцевъ. Назначили временно воспитателемъ учителя училища Павлова, а затѣмъ наставника семинаріи Левицкаго. Послѣдній, недавно только окончившій курсъ академіи, мало былъ пригоденъ для роли воспитателя и къ исполненію своихъ обязанностей относился менѣе, чѣмъ серьезно. При немъ появился въ пансіонѣ авантюристъ Вранѣшевичъ, титуловавшій себя Гарибальдійцемъ, и, дѣйствительно, такъ подписывался подъ напечатанными въ газетѣ И. С. Аксакова „День“ письмами. Сей мужъ подружился съ нашимъ воспитателемъ, пріютился у него въ квартирѣ, заходилъ къ намъ для политическихъ бесѣдъ, а чтобы это не бросалось въ глаза, выразилъ желаніе обучать насъ безмездно итальянскому языку. Разумѣется, изъ послѣдней затѣи ничего не вышло. Затѣмъ откуда-то взялся какой-то Секуличъ, пріятель Вранѣшевича, выдававшій себя за австрійскаго эмигранта. Оба они выставляли себя какими-то страдальцами за славянское дѣло вообще, такъ что невольно вызывали въ насъ сочувствіе и довѣріе къ себѣ. Я даже не задумался отдать имъ на сохраненіе имѣвшіяся у меня сбереженія, но обратно ихъ не пришлось получить. Черезъ годъ съ чѣмъ-то послѣ моего выbytія въ Кіевъ для поступленія въ академію пансіонъ прекратилъ свое существованіе. Признали за лучшее, чтобы воспитанники изъ чужестранцевъ проживали на частныхъ квартирахъ и от-

пускавшіяся на содержаніе ихъ стипендіи выдавались имъ на руки. Одновременно это сдѣлано было и въ Кіевѣ, гдѣ происходили серьезныя неурядицы въ пансіонѣ для чужеземцевъ при семинаріи.

Настоятельство одесскихъ болгаръ и его участіе въ жизни пансіона.

А что-же дѣлало „Настоятельство одесскихъ болгаръ?“ Неужели оно не принимало никакого участія для упорядоченія жизни своихъ соотечественниковъ въ пансіонѣ? Прежде всего нужно знать, что три члена „Настоятельства“—старикъ Тошковъ, Николай Тошковичъ и Константинъ Палаузовъ были купцы—первые два даже не особенно грамотные, и только четвертый членъ—Николай Христофоровичъ Палаузовъ, чиновникъ въ цензурномъ комитетѣ, былъ даже съ высшимъ образованіемъ. Поэтому отъ первыхъ трехъ нельзя было и ожидать какихъ-нибудь практически разумныхъ мѣропріятій для упорядоченія воспитательнаго дѣла въ пансіонѣ, а послѣдній какъ-то ступшеывался и не выступалъ съ своими предложеніями. Всѣ они относились къ пансіону довольно индифферентно, посѣщали его весьма рѣдко и жизнью его обитателей мало интересовались. На праздники Рождества и Пасхи младшіе изъ насъ ходили къ нимъ съ поздравленіями, но обыкновенно дальше передней не пускались: обдаривали насъ гривенниками и отпускали съ миромъ. Привѣтливѣе бывалъ самый богатый изъ членовъ „Настоятельства“ Н. М. Тошковичъ. Разъ, а иногда и два, въ годъ онъ устраивалъ для насъ обѣды и слушалъ наше пѣніе патріотическихъ болгарскихъ пѣсень.

Участіе „Настоятельства“ въ жизни пансіона выразилось, насколько помню, только въ двухъ случаяхъ—при смѣнѣ поваровъ. Въ первый разъ, скоро по открытіи пансіона, когда нѣкоторые стали высказывать недовольство столомъ, приготовляемымъ русскимъ поваромъ, благопопечительное „Настоятельство“ успокоило насъ обѣщаніемъ, что будетъ выписанъ изъ Константинополя поварь-болгаринъ, который будетъ готовить намъ кушанья національныя. Обѣщаніе скоро осуществилось. Пріѣхалъ среднихъ лѣтъ болгаринъ, приличный на видъ и хорошо одѣтый, и водворился

въ пансіонѣ для исполненія поварскихъ обязанностей. Чечевица, бобы, фасоль, перецъ, лукъ, чеснокъ и другія прелести болгарской кухни съ бараниной въ скоромные дни, съ бычками, скумбріей, кефалью, ставридой и камболой въ постные—сдѣлались обычнымъ достояніемъ нашихъ желудковъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ изготавлялся слосный пирогъ съ творогомъ. Повидимому всѣ были довольны. Компатріотъ-поваръ держалъ себя на равной ногѣ съ земляками, а нѣкоторыхъ и третировалъ. Долго ему все сходило и даже на плутовство его не обращалось вниманія. Онъ, вѣдь, былъ не „мужикъ-кацапъ“, а свой братъ, выписанный изъ „нашего Царьграда“. Наконецъ, разразился „бунтъ“ противъ повара. Стали требовать удаленія его. Разстаться съ мѣстомъ значнымъ ему, конечно, не хотѣлось, и онъ прибѣгъ къ „Настоятельству“. Послѣднее явилось въ пансіонѣ и начало насъ уговаривать успокоиться и не дѣлать скандала изъ за повара, причемъ пригрозили нѣкоторымъ удаленіемъ изъ пансіона и исключеніемъ изъ семинаріи. Это вызвало бурю негодованія, и я, бывший тогда въ среднемъ отдѣленіи семинаріи, выступилъ съ горячимъ протестомъ противъ безумной угрозы „Настоятельства“, сказавши, что оно не имѣетъ права судить насъ, что я лично не боюсь его угрозы, потому что не чувствую за собою никакой вины предъ моимъ семинарскимъ начальствомъ. Не знаю, что предпринимало „Настоятельство“ для приведенія въ исполненіе своей безтактной угрозы, но поваръ былъ удаленъ и никто изъ-за него не пострадалъ.

Посѣщеніе пансіона болгарскимъ униатскимъ архіепископомъ Іосифомъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ.

Выдающимся событіемъ въ жизни пансіона было посѣщеніе его, кажется въ іюнѣ 1860 г., болгарскимъ униатскимъ архіепископомъ Іосифомъ. Мужъ сей, извѣстный у болгаръ подъ именемъ „дядо Іосифа“, сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ знаменитостію, благодаря своему невѣдѣнію, своей крайней простотѣ, граничащей съ слабоуміемъ. Знатокъ балканскихъ горъ, гдѣ онъ долго подвигался, какъ „четникъ“, на старости лѣтъ подумалъ и о своей многогрѣшной душѣ. На Шипкѣ онъ сложилъ изъ камней скитикъ съ церковкою во

имя св. Николая чудотворца и сталъ здѣсь подвизаться въ ожиданіи близкой кончины. Но судьба къ нему была милостива. Старый „гайдукъ“ балканскій вдругъ превратился въ высшаго духовно-политическаго вождя болгарь—уніатовъ! Какъ же это случилось? Какимъ образомъ изживавшій изъ ума старикъ, едва умѣвшій напарпать свое имя, могъ достигнуть сего вышняго званія? Въ то время, когда произошла съ нимъ сія метаморфоза, распря болгарь съ греками изъ за стремленія первыхъ освободиться отъ іерархической зависимости Константинопольскаго патріарха и патріархіи крайне обострилась. Справедливое требованіе болгарь имѣть свою собственную народную іерархію было отвергнуто греческою патріархіею, и взаимная вражда между обоими народами, исповѣдующими православную вѣру, усилилась, къ величайшей радости папистовъ. Наиболее нетерпѣливые изъ болгарь стали поговаривать объ уніи съ римскою церковію. Глашатаемъ этого движенія явился Драганъ Цанковъ, тотъ самый болгарскій дѣятель, который впоследствии времени сдѣлался и продолжаетъ быть самымъ яркимъ націоналистомъ, а вмѣстѣ якобы и руссофиломъ. Онъ и его единомышленники, вдохновляемые и покровительствуемые тогдашнимъ всеильнымъ французскимъ посольствомъ въ Константинополь и папскимъ нунціемъ, открыто приняли унію и для возможно-большихъ успѣховъ ея въ средѣ болгарь просили, чтобы папа поставилъ имъ въ архіепископы болгарина. Отъявленнѣйшій врагъ православія и мира на православномъ востокѣ, папа Пій IX, въ мечтахъ узрѣвъ въ своемъ лонѣ новую дочь-всю болгарскую церковь, не преминулъ дать согласіе на удовлетвореніе просьбы отщепенцевъ. Оставалось подыскать подходящее для высокаго сана лицо. Въ средѣ болгарскаго духовенства не легко было найти сознательнаго отступника отъ вѣры отеческой и стали искать такого между безсознательными. Несчастный „дядо Іосифъ“ увлеченъ былъ въ непостижимое для его ума дѣло. Обманнымъ образомъ его повезли въ Константинополь, а оттуда въ Римъ, гдѣ папа возвелъ его въ высшій іерархическій санъ, съ титуломъ архіепископа и патріарха болгарскаго. Чтобы титулъ не остался мертвою буквою, необходимо было согласіе „Высокой Порты“ на признаніе новаго духовнаго главы въ османскомъ царствѣ. Заботы объ этомъ приняты

были на себя тѣмъ же французскимъ посольствомъ и папскимъ нунціемъ, и султанское „ирадэ“ о признаніи архіепископа Іосифа патріархомъ болгаръ уніатовъ было изготовлено. Но не дремали и православные болгаре въ Константинополѣ. Они хорошо понимали, что унія съ римскою церковію не обѣщаетъ болгарскому народу ничего отраднаго, а потому употребили все возможное, чтобы разстроить опасную іезуитскую затѣю. „Дядо Іосифа“ убѣдили повиниться въ невольномъ прегрѣшеніи, усадили его тайкомъ на русскій пароходъ въ Золотомъ рогѣ, и когда султанское „ирадэ“ было обнародовано, „патріархъ болгаръ уніатовъ“ былъ гостемъ въ Одессѣ, гдѣ его очень радушно встрѣчали и принимали. Преосвященный Антоній привезъ его съ собою на экзаменъ въ семинарію, гдѣ старецъ съ умиленіемъ слушалъ отвѣты воспитанниковъ болгаръ. Отсюда онъ пожаловалъ и въ нашъ пансіонъ, гдѣ мы удостоились принять отъ него святительское благословеніе.

Изъ Одессы „дядо Іосифъ“ отбылъ на жительство въ Кіево-печерскую лавру. Духовныя и свѣтскія власти были къ нему внимательны, не умаляли его архіепископскаго титула, но первыя уклонялись отъ дачи ему разрѣшенія совершать богослуженіе, что немало старца печалило и, можетъ быть, вызывало сожалѣніе о вступленіи на русскую почву. Хотя онъ отрекся отъ уніи самымъ фактомъ тайнаго отъѣзда въ Россію, но не за долго до смерти его *уніатское святительство* использовано было болѣе, чѣмъ не политично. Его съ большою помпою возили въ Холмщину, гдѣ онъ торжественно совершалъ богослуженіе и рукополагалъ священниковъ для уніатскихъ церквей!

Архипастырь и наиболѣе памятные изъ пастырей одесскихъ.

Во время моего обученія въ Одессѣ на Херсонско-таврической каедрѣ возсѣдалъ знаменитый архіепископъ Дмитрій (Муретовъ). Мало что знаю я о его тогдашней архипастырской дѣятельности, но отлично помню его торжественныя служенія, его мощную фигуру, его задушевныя проповѣди, приводившія слушающихъ въ умиленіе и благоговѣйное настроеніе, и особенно живо припоминаю его прощанье съ паствою предъ отъѣздомъ въ Петербургъ для

присутствованія въ Синодѣ, когда въ громадномъ соборѣ, переполненномъ молящимися, слышались рыданія по поводу разлуки съ благостнѣйшимъ архипастыремъ.

Изъ городского духовенства, кромѣ бывшаго моего ректора по училищу протоіерея Знаменскаго и наставниковъ по семинаріи, протоіереевъ Ляшкевича и Попруженко, припоминаю хорошо о. ключаря собора, протоіерея Лебединцева, украшеннаго золотымъ крестомъ на георгіевской лентѣ, протоіерея Шкляревскаго, настоятеля Срѣтенской церкви, протоіерея Соколова, настоятеля кладбищенской церкви, и законоучителя ришельевского лицея, протоіерея Павловскаго. Отлично помню то глубокое впечатлѣніе, какое произвело слово послѣдняго въ день объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Темой для слова были слова св. апостола Павла изъ 2-го посланія къ Коринтянамъ: „Идѣже Духъ Господень, ту свобода“ (3, 17). Слово усугубляло впечатлѣніе искуснымъ произнесеніемъ оратора, особенно въ заключеніи, когда о. протоіерей, съ дребезжаніемъ въ голосѣ, оттѣнилъ вставленныя имъ слова въ текстъ апостольскій: „Идѣ-же Духъ Господень, ту-и только ту—свобода“.

Замѣчательныя событія въ Одессѣ.

Изъ событій въ жизни г. Одессы сильно запечатлѣлось въ моей памяти двукратное посѣщеніе ея Государемъ Императоромъ Александромъ II. Первое посѣщеніе происходило въ 1859 г., когда Государь прибылъ самъ, въ сопровожденіи свиты, а второе въ 1861 г., когда вмѣстѣ съ Государемъ изволила осчастливить городъ и Императрица Марія Александровна, въ сопровожденіи великой княжны Маріи Александровны и великаго князя Константина Николаевича. Оба раза я имѣлъ счастье видѣть Государя, а во второй разъ и другихъ Высочайшихъ особъ—за литургіей въ соборѣ, куда свободно допускали всѣхъ, не исключая и по одѣянію невзрачныхъ бурсачковъ, каковымъ былъ я. Помню, какъ Государыня съ великою княжною въ открытомъ экипажѣ ѣздила по городу и осчастливливала своимъ посѣщеніемъ нѣкоторыя женскія учрежденія и какъ Государь съ августѣйшею дочерью въ открытыхъ дрожкахъ катался во время вечерней иллюминаціи по самымъ оживленнымъ частямъ города. Говорили, что кто-то изъ свиты государевой подѣ-

ѣзжалъ во время иллюминаціи и къ нашему пансіону, чтобы посмотрѣть красовавшуюся на балконѣ картину, изображающую Болгарію въ образѣ изстрадавшейся женщины, просящей помощи у своей сестры—Россіи.

III.

Поступленіе мое въ Кіевскую духовную академію.

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Одессѣ и обученія въ духовномъ училищѣ и семинаріи я поѣхалъ въ Кіевъ для поступленія въ тамошнюю духовную академію. Идеальное представленіе объ академіи, какъ святилищѣ высшихъ знаній, поддерживало во мнѣ доброе настроеніе и окрыляло надеждою, что, Богъ дастъ, удостоюсь принятія въ число ея питомцевъ. Съ благоговѣніемъ я вступилъ въ священную ограду Братскаго монастыря и со страхомъ переступилъ порогъ академическаго корпуса, чтобы представиться о. инспектору академіи и получить отъ него наказъ, гдѣ пріютиться, куда и когда явиться для экзамена. Благосклонный пріемъ добраго о. инспектора, архимандрита Сильвестра, пріободрилъ меня, а встрѣча съ студентами сербами и пріятливое отношеніе тѣхъ русскихъ студентовъ, съ которыми они меня познакомили, совсѣмъ успокоили и укрѣпили въ надеждѣ, что не буду неключимымъ рабомъ. Послѣ сочиненія, написаннаго въ квартирѣ о. инспектора на заданную имъ тему, „можно ли доказать соображеніями разума, что душа человѣческая бессмертна“? и снисходительнаго испытанія по пройденнымъ въ семинаріи курсамъ, меня и товарища—земляка Билича осчастливили принятіемъ въ число студентовъ XXIII академическаго курса. Какую великую радость я тогда испытывалъ! Какимъ счастливецомъ я себя считалъ! Чтобы быть достойнымъ оказанной мнѣ милости, я далъ себѣ слово трудиться елико возможно, заниматься аккуратно и вести себя добропорядочно. Къ этому побуждало меня не только личное благо-стремленіе къ обогащенію себя познаніями, но и желаніе хоть сколько нибудь сгладить то не особенно благопріятное мнѣніе о студентахъ иностранцахъ, какое имѣли о нихъ нѣкоторые члены академической корпораціи и часть студентовъ.

Южно-славянскіе уроженцы въ академіи и русскіе товарищи.

Южно-славянскіе уроженцы, обучавшіеся въ академіи въ 50-хъ годахъ, оставили по себѣ добрую память. Въ 1858 г. окончилъ курсъ академіи со степенью магистра богословія Милое Іовановичъ, въ монашествѣ Михаилъ, съ 1959 г. митрополитъ и свѣтило сербской церкви во всѣхъ отношеніяхъ († 5 февраля 1898 г.). Поступившіе послѣ него въ академію сербы—Алипій Васильевичъ и Никаноръ Зисичъ и болгаринъ (†) Бурмовъ-Стояновъ окончили курсъ въ 1857 г. и удостоены также степени магистра. Первый и послѣдній были выдающимися общественными, литературными и политическими дѣятелями, не разъ занимавшими и министерскіе посты у себя на родинѣ. Въ 1858 г. выбылъ изъ академіи до окончанія курса вдовый священникъ Іоаннъ Іовановичъ, пользовавшійся громадною популярностью въ средѣ поселянъ тѣхъ округовъ, гдѣ ему пришлось служить, и вліяніемъ въ народной „скупштинѣ“, куда его постоянно избирали. Въ бытность епископомъ (съ октября 1877 по 10 іюня 1894 г.) онъ оказался твердымъ поборникомъ каноническихъ узаконеній церкви, не вступалъ ни въ какія сдѣлки съ правительствомъ недостойнаго короля Милана, поддерживалъ митрополита Михаила въ его протестахъ противъ незаконныхъ вторженій „напрдняковъ“ въ дѣла церковныя, вмѣстѣ съ нимъ терпѣлъ гоненія и временно покинулъ родину.

Черезъ годъ по выбытіи изъ академіи о. Іоанна (въ монашествѣ Іеронимъ) въ нее, по ходательству митрополита Михаила, были приняты: іеромонахъ Моисей, вдовый священникъ Николай Поповичъ и Іаковъ Павловичъ. Не буду злорѣчивымъ, если скажу, что они не добрую память оставили въ академіи, а первые два не мало повинны были и въ смутѣ церковной у себя на родинѣ. За годъ до окончанія курса у нихъ произошло крупное столкновеніе съ академическимъ начальствомъ, имѣвшее послѣдствіемъ неблагопріятное мнѣніе объ иностранцахъ студентахъ, доходившее у отдѣльныхъ лицъ до озлобленія и глумленія надъ ними. Я никогда не забуду, какъ одинъ не особенно благовоспитанный профессоръ позволилъ себѣ выразиться объ иностранныхъ студентахъ, что это „дикіе быки, не привыкшіе ни къ какому порядку!“ Виновники установившагося неблагопріятнаго мнѣнія объ иностранцахъ

выпущены были въ 1863 г. изъ академіи—первые два дѣйствительными студентами „съ правомъ на кандидата, если мѣстная церковь засвидѣтельствуетъ ихъ ученую дѣятельность на пользу этой церкви“, а третій съ званіемъ студента академіи. Благостный митрополитъ Михаилъ далъ благоприятные отзывы о дѣятельности всѣхъ троихъ и академія удостоила ихъ кандидатскихъ степеней. Всѣ они были епископами, но первые два не право правили слово истины. Николай Поповичъ, въ монашествѣ Несторъ, умеръ въ началѣ начавшейся въ Сербіи церковной смуты († 19 марта 1884 г.), а Моисей не устыдился проявить самую черную неблагодарность къ своему благодѣтелю—митрополиту Михаилу и дерзнулъ даже вступить въ управленіе митрополіею послѣ отъѣзда главы ея изъ Сербіи! Іаковъ Павловичъ, въ монашествѣ Иннокентій, возведенный по желанію митрополита Михаила на кафедрѣ Нишскую, по смерти знаменитаго святителя избранъ былъ на митрополичью кафедрѣ, хотя самъ святитель желалъ имѣть своимъ преемникомъ Мелетія, епископа Зайчарскаго.

Не мало вліянія на не доброе мнѣніе объ иностранцахъ въ академіи имѣли и тѣ неурядицы, какія обнаруживались въ пансіонѣ для иностранцевъ при Кіевской семинаріи, а отчасти и состоявшіе на лицо студенты сербы и болгары. Я засталъ на старшемъ курсѣ трехъ сербовъ—Марьяновича, Ставрича и Перовича—и двухъ болгаръ—іеродіакона Евемія, изъ Зографскаго монастыря на Аѳонѣ, и бывшаго не то діакона, не то секретаря у архіепископа „дядо Іосифа“, по фамиліи, кажется, Икономова-Тодорова. Не богаты они были способностями и не особенно утруждали себя занятіями. Перовичъ и Тодоровъ выбыли до окончанія курса, Марьяновичъ окончилъ курсъ кандидатомъ, а Ставричъ и іеродіаконъ Евемій студентами.

На моемъ курсѣ сначала было пять иностранцевъ: два серба—я и Биличъ, македонецъ Ковачевичъ и болгаринъ Добрановичъ, обучавшіеся въ бѣлградской семинаріи, и сиріецъ Нифонтъ Мусей, учившійся немного въ Кіевской семинаріи, а черезъ два года былъ еще принятъ прямо въ старшее отдѣленіе студентъ Вѣнскаго университета изъ венгерскихъ сербовъ, Миланъ Костичъ. О Биличѣ, съ которымъ я не расставался съ школьной скамьи на родинѣ и до окон-

чанія академіи, не могу ничего сказать, кромѣ хорошаго. Честный, скромный, трудолюбивый, съ нѣсколько бурливой кровью южанина, онъ былъ идеально настроенъ и мечталъ, какъ и я, объ учительской службѣ на родинѣ. Македонецъ Ковачевичъ былъ очень способенъ, много читалъ и работалъ надъ своимъ саморазвитіемъ, но академическою наукою мало интересовался. Замкнутый въ самого себя, онъ казался угрюмымъ и нелюдимымъ, но на самомъ дѣлѣ былъ добрымъ и любимымъ товарищемъ. Болгаринъ Добрановичъ былъ скромнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ему академическая наука не давалась, вслѣдствіе его посредственныхъ способностей, слабой подготовленности и солиднаго возраста. Сиріецъ Мусей имѣлъ за сорокъ лѣтъ отъ роду. Прекрасный человѣкъ и товарищъ, онъ вызывалъ жалость къ себѣ своею безпомощностію, своимъ незнаніемъ русскаго языка. По прибытіи въ Кіевъ съ рекомендаціею антиохійскаго патріарха, онъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ семинаріи и помѣщенъ на жительство въ пансіонѣ для иностранцевъ, гдѣ русская рѣчь мало слышалась, а шумѣли говоры болгарскій, сербскій и малороссійскій. Не имѣя разумнаго руководителя для изученія русскаго языка, онъ не кстати принялся за изученіе языковъ французскаго, нѣмецкаго и даже англійскаго, и вышло то, что у него отъ множества заученныхъ иностранныхъ словъ получился полный сумбуръ въ головѣ. Бѣдный арабъ сознавалъ свою безпомощность при слушаніи академическихъ лекцій и во время приготовленій къ экзаменамъ, но что можно было сдѣлать въ его положеніи, онъ добросовѣстно дѣлалъ. Миланъ Костичъ, сдѣлавшійся нашимъ товарищемъ на старшемъ курсѣ, не обладалъ большими способностями, но былъ сравнительно хорошо подготовленъ по языкамъ латинскому и греческому, которые онъ изучалъ въ гимназій на родинѣ, а нѣмецкій и венгерскій языки зналъ, какъ и природный сербскій. Онъ имѣлъ привлекательную наружность, былъ очень общителенъ и не мало развлекалъ всѣхъ своихъ товарищей разными пѣснями нѣмецкихъ буршей. Трудился изрядно и удостоенъ степени магистра богословія, кажется, больше по довѣрію къ его познаніямъ и пребыванію въ Вѣнскомъ университетѣ.

О русскихъ товарищахъ, которыхъ въ составѣ ХХІІІ академическаго курса было свыше 50-ти, я сохраняю самыя

свѣтлыя воспоминанія и наши общія фотографическія группы доселѣ храню, какъ завѣтную святыню. Не помню, чтобы у меня съ кѣмъ нибудь изъ товарищей происходили недоразумѣнія. Со всѣми жилось дружно, а съ нѣкоторыми установились такія сердечныя отношенія, какія только возможны между родными братьями. Можетъ быть это зависѣло отъ моей общительности и открытости, которыхъ, слава Богу, не измѣнили ни служебное положеніе, ни старость. Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи въ своихъ воспоминаніяхъ, позволю себѣ привести отзывъ обо мнѣ дорогого товарища, извѣстнаго изслѣдователя Тамбовской старшины И. И. Дубасова. Въ отрывкѣ изъ своихъ академическихъ воспоминаній, напечатанномъ въ № 18 Тамб. епарх. вѣд. за 1898 г., незабвенный И. И. пишетъ: „Особенно мнѣ, по моимъ воспоминаніямъ, дорогъ сербъ Пичета. Это былъ откровеннѣйшій и добрѣйшій товарищъ. Еслибъ пришлось увидѣться съ нимъ, то я обнялъ бы его, какъ родного брата“.

Товарищи мои были уроженцы разныхъ губерній и всѣ должно быть происходили изъ духовнаго званія, которое вмѣстѣ съ полученнымъ воспитаніемъ сглаживало всякія разности семейнаго происхожденія и матеріальнаго достатка. Были состоятельные между нами, но были и большіе бѣдняки, не всегда имѣвшіе возможность выпить утромъ стаканъ чаю. Въ настоящее время трудно, конечно, вѣрить этому, а между тѣмъ это сушая правда. Въ то время академическая экономія не отпускала чаю студентамъ, а давала кипятокъ, которымъ могли пользоваться имѣющіе собственный чай. Правда, при коммунномъ взглядѣ на все съѣстное, неимущіе могли примазываться къ имущимъ, но этого они не дѣлали, несмотря на полную готовность товарищей подѣлиться своими избытками. Зато, какимъ счастьемъ вѣяло отъ такихъ благородныхъ бѣдняковъ, когда въ январѣ мѣсяцѣ выдавали намъ на руки, такъ называемыя, „контрактныя“, въ количествѣ 14-ти руб., для приобрѣтенія на ярмаркѣ, называющейся „контрактами“, бѣлья и принадлежностей для лѣтняго костюма! Сколько тогда вышивалось чаю не въ прикуску, а даже и съ горячительными сливками!

Протоіерей Г. Пичета.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

28 Февраля

№ 4

1911 года.

Содержаніе. I. Отчетъ Братства св. Амвросія Медиоланскаго, за періодъ времени отъ 21 сентября 1909 года по 7 декабря 1910 года.— Отъ Богодуховскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Училищнаго Совѣта.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

ОТЧЕТЪ

Братства св. Амвросія Медиоланскаго при Сумскомъ духовномъ училищѣ для вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ сего училища, за періодъ времени отъ 21 сентября 1909 г. по 7 декабря 1910 г.

Въ отчетномъ году Братство состояло подъ покровительствомъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и имѣло въ своемъ составѣ 57 членовъ, изъ которыхъ пожизненныхъ и почетныхъ было 13, а именно: 1) Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій; 2) Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій; 3) о. смотритель Сумскаго духовнаго училища, протоіерей о. Аркадій Грузовъ; 4) бывшій помощникъ смотрителя Сумскаго духовнаго училища, нынѣ смотритель Рижскаго духовнаго училища, священникъ о. Іаковъ Матусевичъ; 5) протоіерей о. Николай Фесенковъ; 6) законоучитель Сумскаго кадетскаго корпуса, священникъ о. Василій Виноградовъ; 7) настоятель соборной г. Ахтырки церкви, протоіерей о. Гавріилъ Бѣлоусовъ; 8) пот. поч. гр. Николай Іосифовичъ Лещинскій; 9) жена его, Марія Матвѣевна Лещинская; 10) д. с. с. Павелъ Ивановичъ Харитоненко; 11) д. с. с. Иванъ Михайловичъ Степурскій; 12) пот. поч. гр. Павелъ Николаевичъ Лещинскій; 13) учитель пѣнія Сумскаго кадетскаго корпуса Василій Моисеевичъ Посельскій, и 44 дѣствительныхъ члена.

Членами Правленія Братства, членами ревизіонной комиссіи и кандидатами къ нимъ, на основ. § 15 Устава Братства, въ общемъ годичномъ собраніи Братства 21 сентября 1909 года были избраны

прежнія лица, за исключеніемъ препод. училища А. Г. Дьякова, перешедшаго на службу въ Харьковское духовное училище. Въмѣсто него, членомъ ревизіонной комиссіи избранъ былъ священникъ Сумской кладбищенской церкви о. Николай Мощенко.

Такимъ образомъ, Правленіе Братства въ отчетномъ году было въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель его, протоіерей о. Аркадій Грузовъ. Члены: помощн. смотр., священ. о. Іаковъ Матусевичъ, протоіерей Сумской соборной церкви о. Іоаннъ Дмитріевъ, священникъ о. Симеонъ Недѣлька, преподаватели училища: В. В. Покровский и Ф. Ф. Горайнъ. При этомъ священникъ о. Іаковъ Матусевичъ былъ казначеемъ Братства, а Ф. Ф. Горайнъ дѣлопроизводителемъ. Кандидатами къ членамъ правленія были: священникъ Сумской соборной церкви о. Александръ Церковницкій, священникъ Сумской Воскресенской церкви о. Павелъ Хижняковъ и надзиратель Сумского духовнаго училища Дмитрій Александровичъ Грызодубовъ. Членами ревизіонной комиссіи были: священникъ Сумской Покровской церкви о. Дмитрій Виноградскій, священникъ Сумской кладбищенской церкви о. Николай Мощенко и надзиратель того же училища Сергій Яковлевичъ Сушковъ. Кандидатомъ къ членамъ ревизіонной комиссіи былъ учитель пѣнія Сумского кадетскаго корпуса Василій Мойсеевичъ Посельскій. Второго и третьяго кандидата къ членамъ ревизіонной комиссіи въ прошлогоднемъ общемъ собраніи Братства избрано не было, подлежатъ избранію въ предстоящемъ общемъ собраніи Братства.

Въ отчетномъ году Братство понесло тяжелую потерю въ лицѣ скончавшагося минувшимъ лѣтомъ пожизненнаго члена Братства протоіерея о. Николая Фесенкова. Почившій продолжительное время былъ членомъ Правленія Братства, съ большимъ сочувствіемъ относился всегда къ дѣятельности и интересамъ Братства и съ усердіемъ содѣйствовалъ сбору пожертвованій въ пользу его.

Почетный членъ Братства, членъ Правленія его и казначей, священникъ о. Іаковъ Матусевичъ въ отчетномъ году перемѣщенъ на должность смотрителя въ Рижское духовное училище. Правленіе Братства съ чувствомъ глубокой признательности отмѣчаетъ его полезную дѣятельность въ качествѣ своего члена и казначея. Близко стоя къ ученикамъ и внимательно наблюдая ихъ повседневную жизнь, о. Іаковъ хорошо зналъ всѣ матеріальныя нужды учениковъ, и въ засѣданіяхъ Правленія Братства, при обсужденіи прошеній учениковъ и ихъ родителей о вспоможеніи, всегда давалъ столько важныхъ и необходимыхъ свѣдѣній о нуждахъ учениковъ, способ-

ствуя этимъ справедливому, соотвѣтственно дѣйствительнымъ нуждамъ, распредѣленію между ними вспомоцествованія. Зная, какъ много нуждающихся и какъ трудно достаются Братству его скудныя средства, о. Іаковъ заботливо берегъ каждую братскую копейку, стараясь, насколько возможно, дѣлать сбереженія на предназначаемыхъ Правленіемъ Братства ассигновкахъ, чтобы притти на помощь и тѣмъ нуждающимся воспитанникамъ, просьбы которыхъ остались безъ удовлетворенія лишь за недостаткомъ братскихъ средствъ.

Такимъ образомъ, къ началу новаго братскаго года остаются вакантными должность казначея Братства и двухъ кандидатовъ къ членамъ ревизіонной комиссіи.

Въ отчетномъ году Правленіе Братства имѣло одно очередное засѣданіе, во время котораго предметомъ занятій служило: а) слушаніе отчетовъ казначея Братства о положеніи и движеніи братскихъ суммъ, б) обсужденіе прошеній учениковъ и ихъ родителей о вспомоцествованіи.

Въ заботахъ объ увеличеніи средствъ, Правленіе Братства принимало слѣдующія мѣры: а) выдавало членамъ-ревнителямъ квитанціонныя книжки для сбора по нимъ пожертвованій въ пользу Братства, б) каждое полугодіе разсыдало о.о. благочиннымъ училищнаго округа подписныя листы съ просьбой содѣйствовать сбору пожертвованій въ пользу Братства.

Средства Братства въ отчетномъ году состояли:

1. Изъ 8-ми свидѣт. госуд. 4 ⁰ / ₁₀₀ ренты на сумму	2100 р. — к.
2. По книжкѣ сберегательной кассы	369 „ 51 „
3. Изъ закл. 4 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀ листа Харьк. зем. банка	100 „ — „
Итого	2569 р. 51 к.

Въ теченіе отчетнаго года поступило на приходъ:

I. Взносовъ по подписнымъ листамъ о.о. благочинныхъ училищнаго округа:

1-го Ахтырскаго окр., свящ. Θεодора Юшкова	35 р. 20 к.
2-го Ахтырскаго окр., свящ. Аполлонія Гончаревскаго	20 „ — „
3-го Ахтырскаго окр., свящ. Григорія Шебатинскаго	21 „ 65 „
1-го Богодуховскаго окр., прот. Алексѣя Станиславскаго и и. д. благочин. свящ. Θεодора Вергуна	39 „ 36 „
2-го Богодуховскаго окр., свящ. Петра Θεодоровскаго	22 „ 20 „
1-го Лебединскаго окр., свящ. Іоанна Малиженевскаго и свящ. Василія Лихницкаго	13 „ 86 „

2-го Лебединскаго окр., свящ. Іоанна Браиловскаго.	38 р. 50 к.
3-го Лебединскаго окр., свящ. Антонія Дикарева .	42 „ — „
1-го Сумскаго окр., прот. о. Іоанна Дмитріева . .	42 „ 46 „
2-го Сумскаго окр., прот. Максима Подлупскаго . .	21 „ 25 „
3-го Сумскаго окр., прот. Василя Петровскаго . .	24 „ 75 „
<hr/>	
Итого . . .	321 р. 23 к.

II. По квитанціоннымъ книжкамъ:

Предсѣд. Правл. Бр., прот. о. Аркадія Грузова	107 р. — к.
Казначея Бр., свящ. о. Іакова Матусевича	14 „ — „
Члена Бр., діакона Всеволода Полтавцева	48 „ — „
Члена Бр., Павла Кирилловича Карпова	27 „ — „
III. Процентовъ отъ капиталовъ Братства .	97 „ 56 „
IV. Отчислено въ неприкосновенный капиталъ	52 р. 3 к.
V. Отъ члена Братства, свящ. о. Дмитрія Виноградскаго	3 „ — „
<hr/>	
Итого . . .	296 р. 56 к. 52 р. 3 к.

А всего въ теченіе отчетнаго года поступило наличными шестьсотъ семнадцать рублей семьдесятъ девять копеекъ (617 р. 79 к.).

И з р а с х о д о в а н о :

1. На уплату за содерж. въ учил. общежитіи . . .	210 р. — к.
2. На одежду, обувь и бѣлье воспитанникамъ . .	290 „ 21 „
3. Выдано на проѣздъ домой бѣднѣйш. воспитан.	16 „ 41 „
4. За репетированіе учен. Василевскаго Виталія .	8 „ — „
5. На учебники для воспитанниковъ	20 „ — „
6. Отчислено въ неприкосновенный капиталъ . . .	52 „ 3 „
7. Выдано казначею на непредвидѣнныя, экстренныя нужды воспитанниковъ и на почтовые расходы	21 „ 14 „
<hr/>	
Итого . . .	617 р. 79 к.

Остается къ 7-му декабря 1910 года:

1. Въ свидѣт. 4 ⁰ / ₀ ренты	2100 р. — к.
2. Въ закл. 4 ¹ / ₂ ⁰ / ₀ листъ Харьк. зем. банка	100 „ — „
3. По книжкѣ сберегательной кассы	421 „ 54 „
Итого	2621 р. 54 к.

Каковая сумма (2621 р. 54 к.) и составляетъ неприкосновенный капиталъ Братства.

Предсѣдатель Правленія Братства, *прот. А. Грузовъ.*

Члены: { *Священникъ Симеонъ Недѣлька.*
 { *В. Покровский.*

Дѣлопроизводитель *О. Горайнъ.*

На этомъ отчетѣ резолюція Его Высокопреосвященства отъ 15 декабря 1910 года послѣдовала такая: „Смотрѣно“. *А. Арсеній.*

Съ подлиннымъ вѣрно: Дѣлопроизводитель *О. Горайнъ.*

Списокъ членовъ Братства св. Амвросія Медиоланскаго въ 190⁹/₁₀ братскомъ году.

Почетные и пожизненные члены:

- Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій.
- Высокопреосвященный Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій.
- Протоіерей о. Аркадій Грузовъ, смотритель Сумскаго дух. училища.
- Священникъ о. Іаковъ Матусевичъ, смотритель Рязскаго дух. учил.
- Протоіерей о. Гавриилъ Бѣлоусовъ, настоятель соб. Ахтырской церк.
- Священникъ о. Василій Виноградовъ, законоучитель Сумскаго кадетскаго корпуса.
- Д. с. с. Павелъ Ивановичъ Харитоненко.
- Д. с. с. Иванъ Михайловичъ Степурскій.
- Надв. сов. Василій Моисеевичъ Посельскій.
- Пот. поч. гр. Николай Іосифовичъ Лещинскій.
- Жена пот. поч. гр. Марія Матвѣевна Лещинская.
- Пот. поч. гр. Павелъ Николаевичъ Лещинскій.

Двѣтѣмѣльные члены:

1. Базилевичъ-Жадокъ о. Петръ, свящ. с. Алексѣевки Валковскаго уѣзда 3 р. — к.
- Басовъ Валентинъ Васильевичъ 3 „ — „
- Бугуцкій о. Поликарпъ, свящ. 5 „ — „

	Булгаковъ Ив. Ник., надзир. Сумск. дух. учил.	3	р.	—	к.
5.	Бѣляевъ о. Александръ, священ.	3	"	—	"
	Виноградскій о. Димитрій, свящ.	3	"	—	"
	Горайнъ Фед. Фед., препод. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Грызодубовъ Д. А., надзир. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Дорожкинъ И. С.	3	"	—	"
10.	Залавскій С. Г.	3	"	—	"
	Заховаевъ и Сазановъ, торговый домъ	15	"	—	"
	Ильченко И. Г., сумской купецъ	8	"	—	"
	Карповъ П. К., надзир. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Кайданскій Э. Л.	3	"	—	"
15.	Недѣлька о. Симеонъ, священ. Сумск. Никол. ц.	5	"	—	"
	Нейжмаковъ А. П.	3	"	—	"
	Петровскій о. Василій, протоіерей	6	"	—	"
	Покровскій В. В., препод. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Полтавцевъ о. Всеволодъ, діаконовъ, экономя Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
20.	Ризположенскій Александръ, свящ. Сумской Ильинской ц.	3	"	—	"
	Самойловъ о. Петръ, свящ.	3	"	—	"
	Серебраницкій А. М., препод. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Сербиновъ о. Наркисъ, свящ. с. Веретенки, Сумского уѣзда	3	"	—	"
	Скубенко Н. И.	3	"	—	"
25.	Скубенко И. Н.	3	"	—	"
	Сорочинскій о. Платонъ, свящ. Сумск. Рождество-Богор. ц.	4	"	50	"
	Спѣваковъ М. В.	6	"	—	"
	Станиславскій о. Алексѣй, протоіерей соборной г. Богородицева церкви	3	"	—	"
	Стелецкій о. Петръ, свящ.	10	"	—	"
30.	Столбинъ В. С., сумской купецъ	3	"	—	"
	Сукачевъ В. В., препод. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Сусловъ И. Ѳ., сумской купецъ	18	"	—	"
	Сушковъ С. Я., надзир. Сумск. дух. учил.	3	"	—	"
	Тумановъ Ибрагимъ, сумской купецъ	10	"	—	"
35.	Усватовъ Левъ Семеновичъ	3	"	—	"
	Хижняковъ о. Павелъ, свящ. Сумской Воскресенской ц.	3	"	—	"
	Церковницкій о. Алек., свящ. Сумской Соборной ц.	3	"	—	"

	Черниговскій о. Николай, свящ. сл. Юнаковки.	3 р. — к.
	Шевченко, сапожникъ	3 " — "
40.	Штейнеръ С. М.	3 " — "
	Штрандтманъ И. А.	3 " — "
	Юрковскій Фед. Ефим., о. діаконъ Сумской Собор- ной церкви	5 " — "
	Яновскій о. Василій, свящ., помощ. смотр. Сумск. дух. учил.	3 " — "
44.	Федоровскій о. Петръ, священ.	6 " — "

Кромѣ названныхъ лицъ, членскій взносъ, можетъ быть, сдѣланъ былъ и другими лицами, но въ списокъ членовъ Братства оны не упоминаются, за отсутствіемъ свѣдѣній о нихъ въ подписныхъ листахъ. Во многихъ подписныхъ листахъ о.о. благочинные указываютъ только лишь собранную сумму, безъ обозначенія, отъ кого именно пожертвованіе поступило. Иногда просто говорится „отъ причта и церковнаго старосты“. Благодаря этому, списокъ членовъ Братства можетъ оказаться неполнымъ.

Дѣлопроизводитель *Ф. Гораинъ.*

Отъ Богодуховскаго Уѣзднаго Отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Богодуховское Уѣздное Отдѣленіе Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта въ засѣданіи своемъ, отъ 17 января сего 1911 г., обсуждая положеніе въ настоящее время школьнаго вопроса въ Государственной Думѣ и имѣя въ виду заявленіе нѣкоторыхъ членовъ Думы, будто православное духовенство было бы радо передачи церковныхъ школъ въ вѣдѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія, единогласно постановило отъ лица всего уѣзднаго духовенства сдѣлать заявленіе: 1) что въ учительствѣ оно полагаетъ одно изъ главныхъ свойствъ и правъ своего служенія, каковыя и осуществляло оно во всѣ времена своего существованія, и намѣрено осуществлять въ будущемъ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами; 2) увѣренное въ единомысліи по этому вопросу всего православнаго духовенства, приглашаетъ его, путемъ печати, присоединиться къ настоящему заявленію, чтобы, такимъ образомъ, лишить основанія заявленія противоположныя.

Предсѣдатель Богодуховскаго Уѣзднаго Отдѣленія

Священникъ Евгений Пономаревъ.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Діаконъ Соборной Преображенской церкви, города Валокъ, Іоаннъ *Должанскій*, опредѣленъ 15 февраля на священническое мѣсто при церкви сл. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Заштатный священникъ Георгій *Крутьевъ* опредѣленъ 17 февраля на священническое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви, села Пересѣчнаго, Харьковскаго уѣзда.

в) Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Сергѣй *Ястремскій* опредѣленъ 15 февраля на 2-е священническое мѣсто при Успенской церкви, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда.

г) Крестьянинъ Прокошій *Коваленко* опредѣленъ 9 февраля и. д. псаломщика къ церкви слоб. Алексѣевки, Сумскаго уѣзда.

д) Мѣщанинъ Семень *Воронинъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Георгіевской церкви гор. Лебедина 14 февраля.

е) Крестьянинъ Иванъ *Багрий* опредѣленъ 16 февраля и. д. псаломщика къ Успенской церкви, слоб. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда.

ж) Крестьянинъ Петръ *Волковъ* опредѣленъ 22 февраля и. д. псаломщика къ церкви с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.

з) Учитель церковно-приходской школы Петръ *Зарьзенко* опредѣленъ 22 февраля и. д. псаломщика къ церкви сл. Поновки Купянскаго уѣзда.

і) Сынъ священника Викторъ *Гревизирскій* опредѣленъ 22 февраля и. д. псаломщика къ церкви села Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда.

и) Сынъ діакона Феодоръ *Труфановъ* опредѣленъ 22 февраля и. д. псаломщика къ церкви села Ивановскаго (Тихоцкаго), Изюмскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ села Пересѣчнаго, Харьковскаго уѣзда, Александръ *Вертеловскій*, перемѣщенъ, согласно прошенію, на священническое мѣсто при Петро-Павловской церкви Андреевскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, Зміевскаго уѣзда, 15 февраля.

б) Псаломщикъ церкви слоб. Коробочки, Зміевскаго уѣзда, Иванъ *Сергеевъ*, перемѣщенъ 9 февраля къ церкви села Яковенково, того же уѣзда.

в) Псаломщикъ церкви села Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Печкинъ*, перемѣщенъ 16 февраля къ церкви сл. Коробочки, Зміевскаго уѣзда.

3) Объ увольненіи за штатъ.

б) Священникъ Петро-Павловской церкви при Андреевскомъ арестантскомъ исправительномъ отдѣленіи Зміевскаго уѣзда Александръ *Вертеловскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ 22 февраля.

б) И. д. псаломщика церкви села Ивановскаго (Тихоцкаго), Изюмскаго уѣзда, Яковъ *Виноградскій-Плиска*, уволенъ по прошенію 10 февраля за штатъ.

в) Псаломщикъ Успенской церкви, сл. Бѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Александръ *Поддубный*, уволенъ 16 февраля по прошенію за штатъ.

г) Псаломщикъ Всѣхсвятской церкви, слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Симеонъ *Чулковъ*, уволенъ 22 февраля отъ должности псаломщика.

д) И. д. псаломщика церкви села Глазуновки, Зміевскаго уѣзда, Стефанъ *Загоровскій*, уволенъ 22-го февраля отъ должности псаломщика.

4) О смерти духовенства.

а) Священникъ Петро-Павловской церкви, слоб. Шаровой, Старобѣльскаго уѣзда, Прокопій *Поповъ*, умеръ 5 февраля.

б) Діаконъ Георгіевской церкви, слободы Большой Даниловки, Харьковскаго уѣзда, Василій *Настѣкинъ*, умеръ 4 февраля.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Гракова, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 5 февраля старостою кр. Матвѣй *Тонскій*.

б) Къ церкви села Ђздоцкаго, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 8 февраля старостою кр. Антоній *Жеребкинъ*.

г) Къ Троицкой церкви, села Бурлея, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 10 февраля старостою кр. Павелъ *Шевченко*.

д) Къ Николаевской церкви, слоб. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, утвержденъ 10 февраля старостою кр. Семень *Манько*.

е) Къ церкви села Ясенка, Ахтырскаго уѣзда, утвержденъ 10 февраля старостою личный почетный гражданинъ Евгенийъ *Энманъ*.

ж) Къ Георгіевской церкви, слободы Барвенковой, Изюмскаго

уѣзда, утверждень 11 февраля старостою потомственный почетный гражданинъ *Теодоръ Ищенко*.

з) Къ церкви сл. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда, утверждень 13 февраля старостою кр. Семень *Купинеренко*.

и) Къ церкви села Пѣвнева, Старобѣльскаго уѣзда, утверждень 13 февраля старостою кр. Иванъ *Николаенко*.

к) Къ Покровской церкви, сл. Хотомли, Волчанскаго уѣзда, утверждень 15 февраля старостою мѣщанинъ Родіонъ *Котышевъ*.

л) Къ церкви с. Райгородка, Старобѣльскаго уѣзда, утверждень 16 февраля старостою кр. Трофимъ *Мальцевъ*.

м) Къ Архангело-Михайловской церкви, Старой Айдари, Старобѣльскаго уѣзда, утверждень 16 фев. старостою кр. Леонтій *Лихачевъ*.

н) Къ церкви сл. Бахмутовки, Старобѣльскаго уѣзда, утверждень 16 февраля старостою кр. Семень *Щуровъ*.

о) Къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, утверждень 16 февраля старостою кр. Тимошей *Калужный*.

п) Къ Николаевской церкви, сл. Муратовой, Старобѣльскаго уѣзда, утверждень 16 февраля старостою кр. Евгеній *Лѣснякъ*.

р) Къ Вознесенской церкви, слоб. Береки, Зміевскаго уѣзда, утверждень 21 февраля старостою кр. Василій *Исаковъ*.

с) Къ Троицкой церкви, слоб. Кременной, Купянскаго уѣзда, утверждень 16 февраля старостою кр. Игнатій *Корецкий*.

6) Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Преображенской церкви, слоб. Межирича, Лебединскаго уѣзда, *Теодоръ Заводовскій*, утверждень въ должности псаломщика 16 февраля.

б) И. д. псаломщика Введенской церкви, села Студенка, Изюмскаго уѣзда, *Даніиль Бабичъ*, утверждень въ должности псаломщика 16 февраля.

7) Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Харьковскій епархіальный архитекторъ, кол. сов. Владиміръ Николаевичъ *Покровскій*, утверждень 14 февраля въ званіи члена Попечительнаго Совѣта Харьковской женской гимназіи, учрежденной г-жой Покровской.

б) Священникъ церкви сл. Безгиновой, Старобѣльскаго уѣзда, *Алексѣй Лобковскій*, назначень 16 февраля духовникомъ 5 округа, того же уѣзда.

8) **Вакантныя мѣста:***а) Священническія:*

При Петро-Павловской церкви Андреевскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, Зміевского уѣзда.

б) Діаконскія:

При Архангело-Михайловской церкви села Казачей Лопани, Харьковскаго уѣзда.

— Георгіевской цер., сл. Большой Даниловки, Харьк. уѣз.

— Соборной Преображенской церкви гор. Валокъ.

— Цер. св. мучен. Александры, сл. Ново-Александровки, Изюмскаго уѣзда.

и в) Псаломщицкія:

При Троицкой церкви, гор. Богодухова.

— Всѣхсвятской цер., сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда.

Отъ состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича Строительнаго Комитета по сооруженію въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ храма въ С.-Петербургѣ.

13 Марта 1613 года мать инокиня Марфа образомъ Феодоровской Божіей Матери благословила своего сына Михаила Феодоровича Романова на принятіе на свои рамена Россійскаго престола... Какъ удостовѣрено Церковнымъ Богослуженіемъ передъ сею иконою, она дважды чудесно являлась народу. Однажды она была обрѣтена въ утлой часовнѣ на мѣстѣ нынѣшняго села Городца, Нижегородской губерніи, въ 1154 году, въ ознаменованіе чего тогдашній Городецкій удѣльный князь Юрій Владиміровичъ, по прозвищу Долгорукій, основалъ на мѣстѣ явленія иконы Обитель Ея имени.

4-го Марта 1238 года послѣ упорной битвы, въ которой погибъ, славно защищая свой удѣльный Престоль, Князь Георгій Всеволодовичъ, городъ Городецъ вмѣстѣ съ обителью сожженъ до тла татарами, завладѣвшими тогда, подъ предводительствомъ Батыя, Россією. Икона, однако, не погибла; оставшаяся неизвѣстно гдѣ сокрытою, она 16 Августа 1239 года явилась въ городѣ Костромѣ княжившему тогда въ

ней Василию Георгіевичу Квашня и была помѣщена въ храмъ, посвященномъ Св. Θεодору Стратилату, почему и получила названіе Θεодоровской.

Точная съ нея копія съ изображеніемъ чудесъ, проявленныхъ ею надъ лицами, съ вѣрою къ ней прибѣгавшими, была тогда же отправлена Княземъ Василиемъ Костромскимъ въ гор. Городецъ съ посланцами отъ города, узнавшими въ ней столь долго пребывавшую у нихъ икону, издревле прославившуюся своими чудесами. Вслѣдъ за тѣмъ Богоматерь спасла г. Кострому, въ княженіе того же Василия Георгіевича, отъ Татарскаго разгрома, ослѣпивъ исходящимъ отъ нея свѣтомъ Татарскія полчища.

Подъ сѣнью присланной въ Городецъ копіи постригся, принялъ схиму и представился, 14 Ноября 1263 года, Великій Князь Александръ Ярославичъ, именуемый Невскимъ на возвратномъ пути, изъ Золотой Орды, куда онъ ѣздилъ умилоствлять Хана, собиравшагося вновь разорить Россію. Ранѣе того, Великій Князь Александръ въ двухъ грозныхъ битвахъ въ 1240 году отразилъ, 15 Іюля на берегахъ рѣки Невы, гдѣ нынѣ стоитъ городъ С.-Петербургъ, нашествіе Шведовъ и, въ 1242 году на Чудскомъ озерѣ, набѣгъ Ливонскихъ рыцарей (Ледовое побоище). Его мощи, лично перевезенныя въ С.-Петербургъ Императоромъ Петромъ Великимъ 30 Августа 1821 года, почиваютъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Такова связь 750-лѣтней слишкомъ нашей Сѣверной Святыни иконы Θεодоровской Божіей Матери, сдѣлавшейся родою святынею Дома Романовыхъ и Городецкаго монастыря съ Русскою Исторіею и съ гор. С.-Петербургомъ.

Въ виду приближающейся 300-лѣтней годовщины вступленія на Всероссійскій престолъ родоначальника благополучно Царствующей у насъ Династіи образовался, въ С.-Петербургѣ, принятый Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ подъ АВГУСТѢЙШЕЕ Свое покровительство, Комитетъ съ цѣлью окончательно водворить въ С.-Петербургѣ почитаніе упомянутой Св. Иконы. Совершить это дѣло предполагается черезъ построеніе Каменнаго Храма-Памятника близъ Товарной Станціи Николаевской жел. дороги, гдѣ копія иконы пребываетъ уже около 40 лѣтъ въ небольшой храмѣ при подворьѣ Городецкаго монастыря въ мѣстности, нуждающейся въ храмѣ и населенной по преимуществу уроженцами нашихъ Сѣверныхъ губерній.

Св. Синодъ милостиво разрѣшилъ Комитету повсемѣстный въ Россіи церковный сборъ въ продолженіи всей 2-ой недѣли насту-

павшаго Великаго Поста, на сооруженіе сего храма, стоимость коего исчислена въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Имѣющія собрать денежныя средства, а равно собранныя имъ до сего времени, Комитетъ посвящаетъ исключительно на сооруженіе самого храма и на украшеніе онаго.

Ознаменованіе великихъ событій Нашего Историческаго прошлаго сооруженіемъ храмовъ Господнихъ издревле было излюбленнымъ дѣломъ Русскаго Народа; почему Комитетъ обращается къ широкимъ слоямъ населенія съ покорнѣйшею просьбою поддерживать сіе начинаніе посильными пожертвованіями.

*Предсѣдатель Строительнаго Комитета Свиты Его Величества,
Генераль-Маіоръ Д. Дашковъ.*

II.

Содержаніе. II. Муки ада. (Слово). (Окончаніе). *Свящ. Николая Ченурна.*—Пьянство—зло физическое и нравственное. *Свящ. Сагарды-Николенко.*—Миссіонерскій листокъ.—Протоколъ миссіонерскаго съѣзда духовенства 3-го округа Изюмскаго уѣзда 1911 года, января 25 дня.—Епархіальная хроника.—Чествованіе діаконами и псаломщиками 2-го Волчанскаго округа своего благочиннаго, протоіерея о. Іакова Сильвестровича Попова.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Начало приготовленій къ торжествамъ прославленія святителя Іоасафа, Бѣлгородскаго чудотворца.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Гдѣ и какъ искать Бога.—Объявленія.

МУКИ АДА.

(СЛОВО).

(Окончаніе)*.

II.

„Объяли меня болѣзни смертныя, муки ада постигли меня; я встрѣтилъ тѣсноту и скорбь (Пс. 114, 3)“.

Для насъ, вѣрующихъ христіанъ, не можетъ быть другаго болѣе убѣдительнаго слова о существованіи ада, какъ слово

*) См. ж. „В и Р.“, от. Извѣстій и Замѣтокъ № 3 за 1911 г.

Божіе. Я обращаюсь къ нему и прежде всего читаю слова Христа Спасителя, находящіяся въ 41 ст. 25 гл. евангелія Матѳея. „Тогда скажетъ (Господь на страшномъ Судѣ) и тѣмъ, которые по лѣвую сторону: „идите отъ Меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его“.

Я открываю 2-ую гл. 2-го соборнаго посланія ап. Петра и въ ст. 2—9 нахожу: „многіе послѣдуютъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи. Судъ имъ давно готовъ, и погибель ихъ не дремлетъ. Ибо, если Богъ ангеловъ согрѣшившихъ не пощадилъ, но, связавъ узами адскаго мрака, предалъ блюсти на судъ для наказанія, и если не пощадилъ перваго міра, но въ восьми душахъ сохранилъ семейство Ноя, когда навелъ потопъ на міръ нечестивыхъ, и если города Содомъ и Гоморру превратилъ въ пепель, показавъ примѣръ будущимъ нечестивцамъ, а праведнаго Лота, утомленнаго обращеніемъ между людьми развратными, избавилъ,—то конечно знаетъ Господь, какъ избавлять благочестивыхъ отъ искушенія, а беззаконниковъ соблюдать ко дню суда для наказанія“. У ап. Іуды мы можемъ прочесть: „Се, идетъ Господь со тьмами святыхъ Ангеловъ Своихъ—сотворить судъ надъ всѣми“. Ап. Іоанна вы уже слышали, бр., въ началѣ и концѣ моей первой бесѣды объ адѣ, теперь послушаемъ, что проповѣдуетъ ап. Павелъ во 2-мъ посланіи къ Солунянамъ. „Господь Іисусъ въ пламенѣющемъ огнѣ совершитъ отмщеніе непознавшимъ Бога и непокорившимся благовѣствованію (Его), которые подвергнутся наказанію, вѣчной погибели отъ лица Господа и отъ славы могущества Его, когда Онъ прійдетъ (гл. I, ст. 7—9)“.

Что добавлю къ этимъ словамъ? Я съ удовольствіемъ умолкъ бы, не находя у себя ничего лучшаго, ничего болѣе убѣдительнаго ихъ. Если бы къ вамъ пришелъ какой-нибудь бѣднякъ съ просьбой занять ему денегъ и подалъ бы вексель, на котромъ стояла собственноручная надпись Царя, что, въ случаѣ несостоятельности должника, онъ обязуется уплатить долгъ своими деньгами,—вы, я думаю, заняли бы ему не колебась и одной минуты. Ручательство Царя слишкомъ обезпечивало бы цѣлость вашихъ денегъ. Но если вы съ такимъ довѣріемъ относитесь къ надписи земнаго Царя, то не съ большимъ ли еще должны относиться къ тому, что Царь Небесный чрезъ св. св. пророковъ и апостоловъ напи-

салъ намъ въ священныхъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, составляющихъ Библию.

— *Нѣтъ, знаете, я все таки не могу во всемъ вѣрить Библии,*—слышится мнѣ чье-то тайное возраженіе.

Позвольте спросить васъ, *кому это собственно вы не можете вѣрить?* Богу? Спасителю? Да? Да?.. Но, скажите же мнѣ, кому же въ мірѣ вы можете послѣ того повѣрить, если совершеннѣйшая, праведнѣйшая и честнѣйшая Личность Христа Спасителя не вызываетъ у васъ довѣрія къ Себѣ? Если Богъ, „неизмѣнный въ словѣ Своемъ (Тит. 1, 2)“, невѣренъ, кто-же тогда вѣренъ? Вѣдь, это о Немъ еще тысячи лѣтъ тому назадъ сказано, что Онъ „не человѣкъ, чтобы ему лгать, и не сынъ человѣческой, чтобы Ему измѣняться. Онъ ли скажетъ и не сдѣлаетъ? будетъ говорить и не исполнитъ (Числ. 23, 19)?“ Вѣдь, это Его истинность названа высокою „до облаковъ (Пс. 35, 6) и „пребывающей во вѣки (1 Петр. 1, 25)“. Вѣдь, это Его неизмѣнность Самому Себѣ вдохновила пр. Исаію на чудесное сравненіе: „засыхаетъ трава, увядаетъ цвѣтокъ, когда дунетъ на него дуновеніе, а слово Бога нашего пребудетъ вѣчно (гл. 40, 7—8)“. Братіе, скорѣе, скорѣе довѣрьтесь ему. Скорѣе, пока не пришелъ еще „день пылающаго гнѣва Божія (Ис. 13, 13)“, и надъ вами не изреченъ обвинительный судъ. Скорѣе! Богъ стоитъ того, чтобы повѣрить Ему.

Но если все таки сомнѣнія въ существованіи адскихъ мукъ для грѣшниковъ развѣдаютъ вашу душу, посмотрите на жизнь. Вотъ на эту нашу нынѣшнюю жизнь, которую мы изживали вчера, изживаемъ сегодня и будемъ изживать. Не закрывайте только глазъ и не старайтесь не думать о томъ, что неприятно дѣйствуетъ на васъ. *Опытъ жизни каждадневно и настойчиво говоритъ намъ: адъ есть, адъ несомнѣнно есть, смотрите, для многихъ онъ начинается еще здѣсь, на землѣ. На закрывайте глазъ.*

То, что когда-то сказалъ о себѣ царь Давидъ, могутъ повторить милліоны людей. „Объяли меня болѣзни смертныя, *муки адскія постигли меня; я встрѣтилъ тѣсноту и скорбь (Пс. 114, 3; ср. 2 Цар. 22, 6)*“. Не можете же вы подумать, будто эти слова Давидъ сказалъ послѣ смерти своей. Конечно, нѣтъ. Задолго до нея. Онъ тогда еще даже не былъ царемъ. Значитъ, мы слышимъ заявленіе объ адскихъ му-

кахъ, постигшихъ человѣка еще здѣсь, на землѣ. А если онѣ могутъ *начинаться* еще на землѣ, скажите, почему вы думаете, что онѣ не будутъ *продолжаться* послѣ земли, когда мы, умершіе, покинемъ ее?

Въ молодости, пользуясь цвѣтущимъ здоровьемъ, я думалъ, что для меня не существуетъ болѣзней; но теперь, когда онѣ неоднократно постигли меня, я къ сожалѣнію убѣдился, что однимъ отрицаніемъ отъ нихъ не избавишься. Что есть, то есть. Поэтому, будемъ имѣть благоразуміе не отрицать очевидное и несомнѣнное.

Укажу вамъ нѣсколько случаевъ изъ жизни, подтверждающихъ существованіе ада.

Въ аду среди другихъ мукъ человѣкъ особенно будетъ *страдать отъ тягостныхъ воспоминаній* о своей недостойно прожитой земной жизни. Приведите себѣ на память картину страданій богача въ аду, изображенную Іисусомъ Христомъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ (Лк. 16, 19—31).—„Чадо,—говорилъ богачу Авраамъ,—„вспомни“, какъ ты жилъ на землѣ (ст. 25)!“—Многимъ владѣлъ богачъ на землѣ: были у него дворцы полные золота, порфиры и виссона, были толпы рабовъ и женщинъ... ничего этого онъ не унесъ съ собою за могилу. Одни воспоминанія о безпутнопрожитой жизни, неотступныя, какъ тѣнь, навязчивыя, какъ оводъ, беспощадно терзающія, какъ коршунъ пойманную горлицу; черной стаей потянулись за нимъ. Потянулись клевать и рвать его душу, клевать каждую минуту, неослабно и вѣчно...

Дорогіе братіе мои, пока не поздно, употребляйте всѣ усилія, чтобы *ваши* загробныя воспоминанія не терзали васъ. Страшны они. Сто языковъ у нихъ, и каждый будетъ намъ твердить по сотнѣ обвиненій, и въ каждомъ обвиненіи преступникомъ насъ звать.—Припомни: ты клятвамъ измѣнялъ,—и страшнымъ клятвамъ!.. Припомни: ты убивалъ,—и страшно убивалъ!.. ты лгалъ, ты притѣснялъ, ты унижался!.. Припомни, какъ ты подло, низко льстилъ, безстыдно клеветалъ, развратничалъ и, помнишь, помнишь, воровалъ!.. Полки грѣховъ, позорныхъ, дикихъ, сойдутся въ нашей памяти и всѣ начнутъ кричать: ты лжець, ты воръ, ты низкій, тяжкій грѣшникъ!

И не найдете вы покоя, и рады были бы убѣжать отъ нихъ, но некуда. Вездѣ они за вами, какъ ваша тѣнь.

Греческій императоръ Констансъ II имѣлъ брата Θεодосіа. Боясь, чтобы послѣдній не отнялъ у него престола, онъ принудилъ его принять санъ діакона, и послѣ этого неоднократно приобщался изъ его рукъ св. Крови Господней. Въ 659 году, желая совсѣмъ избавиться отъ брата, онъ приказалъ умертвить его... Опасный человекъ былъ убитъ. Кажалось, теперь императоръ могъ спокойно сидѣть на престолѣ. Но, вы знаете, съ этого времени онъ не имѣлъ ни минуты покоя. Воспоминанія о несчастномъ братѣ непрерывныя и частыя, какъ удары его испуганнаго сердца, и живыя, какъ будто братъ и не умиралъ, всецѣло овладѣли его умомъ, и онъ не могъ освободиться отъ нихъ ни днемъ, ни даже ночью. Ночью они еще сильнѣе изступляли его. Братъ, какъ живой, только съ ужасно блѣднымъ лицомъ и съ глубоко впавшими, свѣтящимися глазами стоялъ передъ нимъ, заслоняя собою остальной міръ, мѣшая императору идти своей дорогой. Онъ закрывалъ глаза, но мозгъ съ прежней силой продолжалъ рисовать ему замученнаго брата. Братъ стоялъ передъ нимъ съ чашею, дымящеюся его собственною кровью, и, подавая ее, говорилъ: „на, братъ, напейся моей крови! На, пей“. И приближалъ ее къ самымъ губамъ его, а онъ не могъ ее оттолкнуть. Въ надеждѣ разогнать страшныя воспоминанія, императоръ покинулъ свою столицу, Константинополь, гдѣ совершено было братоубійство, и уѣхалъ въ далекій Римъ. Но перемѣна мѣста не перемѣнила воспоминаній. Какъ и раньше, страшныя и неотступныя, они и здѣсь сверлили его мозгъ, жгли сердце и слѣпили собою глаза... Изъ Рима Констансъ бѣжалъ въ Сицилію, въ городъ Сиракузы, подальше, подальше за море... Но казалось, легче было ему убѣжать отъ своей тѣни, нежели отъ воспоминаній (Д. С. Робертсонъ, Исторія христіанской церкви. Изд. И. Л. Тузова, пер. А. П. Лопухина; т. 1, стр. 573).

Братіе мои, вы видите, наказаніе за преступленіе императора наступило раньше, чѣмъ онъ умеръ, и *адъ онъ увидѣлъ еще здѣсь, на землѣ*. Смерть, вскорѣ постигшая его, и Божіе посмертное воздаяніе за его грѣхъ, межно думать, мало измѣнили его положеніе.

Помимо страданія отъ воспоминаній, *адъ ужасенъ еще тѣмъ, что онъ заставляетъ грѣшника переживать свой позоръ*. Это переживаніе начнется уже на страшномъ судѣ, когда

откроется черная книга нашихъ грѣховныхъ дѣяній (Дан. 7, 10; Откр. 20, 12) и разоблачатся всѣ тайны сердца нашего (Притч. 26, 26; Еккл. 12, 16; Рим. 1, 16; Кор. 4, 5; Еф. 5, 13; Евр. 4, 12). Но для многихъ оно начинается еще здѣсь на землѣ.

О, позоръ за наши темныя дѣянiя, слова, мысли и чувства, позоръ передъ чужими, близкими и родными людьми, позоръ передъ нашими милыми, дорогими дѣтьми, какъ снесемъ мы тебя? Но и какъ мы близки къ тебѣ... Я недавно читалъ: что въ одномъ богатомъ банкѣ служилъ человекъ съ стремленiемъ легко и скоро обогатиться. Съ этою цѣлью онъ тайно воспользовался имѣвшимися въ кассѣ банковыми деньгами, намѣреваясь вернуть ихъ при первой возможности. Но дѣло, которое онъ предпринялъ, не только не принесло барыша, но даже не вернуло ему и затраченныхъ денегъ. Убытокъ былъ полный. Долго удавалось ему вести отчетъ въ банковыхъ книгахъ такъ хитро, что при провѣркѣ ревизоръ не находилъ въ нихъ рѣшительно ничего подозрительнаго. Однако, пришелъ таки день, когда ревизоръ замѣтилъ растрату. Кассиръ былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Онъ имѣлъ жену и единственнаго ребенка, дочурку прелестную и добрую, какъ Ангелъ. Спустя немного времени послѣ ареста отца, она какъ-то вернулась изъ школы домой ранѣе обыкновеннаго, очень взволнованная и вся въ слезахъ.

— Ахъ, мама,—всхлипывала она,—я больше никогда не пойду въ школу. Пошли туда за моими книгами.

— Это почему, дѣточка моя?—возразила мать, полагая, что ребенокъ просто капризничаетъ по какой-нибудь простой причинѣ.—Ты обязательно должна вернуться въ школу.

— Нѣтъ, мама, низачто. Лучше прогоните меня изъ дома, я не пойду. Пошлите за моими книгами.

— Но что же случилось съ тобой? спросила мать.

— Что случилось?.. Сегодня, мамочка, одна изъ ученицъ при всѣхъ сказала мнѣ въ классѣ: „ты уже молчи, поганка, твой отецъ—воръ и острожникъ. Ахъ, мама, я не могу больше...“

И ребенокъ упалъ на колѣни матери, рыдая и вздрагивая всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ.....

Конечно, мать поняла, что ребенку невозможно больше ходить въ школу. Въ самомъ дѣлѣ, ребенку вора и острожника тамъ слишкомъ тяжело.

Дѣвочка заболѣла нервною горячкою; на глазахъ матери здоровье ея такъ-же скоро таяло, вотъ какъ эта свѣча отъ огня. Докторъ отказался лѣчить ее, сказавъ:

Я не могу ей помочь: сердце дѣвочки не вынесло удара. Приготовьтесь, смерть неизбежна.

Мать не знала, что дѣлать, какъ спасти свое сокровище. Войдя въ ея комнату, она стала гладить рукой ея пылавшую головку и спросила:

— Дѣвочка моя дорогая, можетъ быть ты чего-нибудь хочешь?

— Да, мама, хочу, очень хочу... увидѣть папу. Хоть одинъ разочекъ и я тогда выздоровѣю. Пусть онъ прійдетъ ко мнѣ и, какъ раньше, положитъ голову на мою подушку и я перестану болѣть. Пойду въ школу, соберу всѣхъ ученицъ и крикну: лжете, мой отецъ не острожникъ, онъ дома живетъ! Позовите папу. Гдѣ папа?

И ребенокъ въ страшномъ жарѣ заметался по своей кроваткѣ. Большихъ трудовъ стоило матери упробить тюремное начальство отпустить мужа къ умирающей дочери хотя на полъ-часа. Позднимъ вечеромъ его привезли подъ стражей. Едва онъ отворилъ дверь въ комнату, гдѣ лежала больная, послѣдняя мгновенно поднялась съ кровати и, протягивая къ нему руки, радостно закричала:

— Папуня... Это ты? Дорогой мой папуня, я такъ и знала, что ты сегодня придешь ко мнѣ. Скорѣе, скорѣе на подушку ко мнѣ, теперь я скоро выздоровѣю.

Отецъ подбѣжалъ и положилъ свою голову на подушку рядомъ съ ея головкою.

— Ахъ, папуня, теперь мы никогда не разстанемся... никогда... ни...ког...да...

Но это „никогда“ было послѣднимъ, предсмертнымъ вздохомъ ея надорваннаго сердца, ея лебединою пѣснью.

Проникните въ душу отца, представьте себѣ его мысли и чувства. Я не знаю, но мнѣ кажется, *муки* послѣсмертнаго ада уже не испугаютъ его. Никакія пытки, никакія боли уже не покажутся ему страшными послѣ того, что онъ *перенесъ здѣсь, еще на землѣ*, въ горькій часъ своего позора, на подушкѣ убитаго имъ единственнаго, дорогого, невиннаго, какъ ангелъ, ребенка.

Братья и сестры мои, теперь заглянемъ въ свою душу. Какъ близокъ и каждый изъ насъ къ этому роковому часу, когда и онъ можетъ увидѣть себя въ адѣ мученій или въ себѣ, въ своей душѣ цѣлый адъ пытокъ, когда и онъ, подобно Давиду, еще здѣсь, на землѣ можетъ сказать о себѣ: „муки ада постигли меня, цѣпи ада облегли меня“. Какъ послѣ этого не вѣрять въ адъ?! Развѣ только потерявши способность наблюдать всю окружающую насъ жизнь и изъ нея черпать себѣ поученіе.

Но хорошо ли дѣлаю я, вашъ пастырь, что напоминаю объ адѣ, быть можетъ, омрачаю, печалю радостное шествіе вашей жизни и, вмѣсто того, чтобы сказать: *веселитесь, пользуйтесь жизнью!* говорю: *берегитесь, будьте серьезны, впереди у васъ есть адъ, муки его тяжелы?* На этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Я, какъ пастырь, и не могу иначе поступать. Мой долгъ, первѣйшій долгъ предупредить васъ о всѣхъ грозящихъ вашимъ душамъ опасностяхъ. Я сторожъ вашего спасенія, какъ будочникъ-безопасности и исправности желѣзнодорожнаго пути. Я иду по полотну желѣзной дороги и осматриваю его. Подхожу къ мосту черезъ глубокую пропасть и вижу: онъ совершенно разрушенъ. Оглядываюсь назадъ, и ужасъ: прямо къ мосту мчится на всѣхъ парахъ поѣздъ, наполненный веселыми, беззаботными пассажирами, ѣдущими погулять въ лежащій за мостомъ городъ. Въ головѣ моей мгновенно мелькаетъ мысль: „надо бѣжать навстрѣчу поѣзду и, во что бы то ни стало, остановить его, иначе всѣ погибнутъ“. Я бѣгу, кричу изо всѣхъ силъ, машу руками и краснымъ сигнальнымъ флажкомъ и, наконецъ, останавливаю его. Поѣздъ спасенъ. Всѣ пассажиры, кондуктора и машинистъ не находятъ словъ благодарить меня. Я радуюсь, исполнивъ свой долгъ.

Друзья мои, скажите пожалуйста, жестоко-ли поступилъ я, нарушивъ спокойствіе и веселость пассажировъ? Могъ ли я поступить болѣе человѣколюбиво? Представьте-же себѣ, что, дойдя до разрушеннаго моста, я рѣшаю такъ: „эти пассажиры такъ счастливы; нѣтъ, я не стану разстраивать ихъ радость, это будетъ слишкомъ жестоко съ моей стороны. Я лучше присяду здѣсь и дождусь прихода поѣзда“.

Я спокойно сажусь, а поѣздъ мчится съ неимоверной быстротой и, не предупрежденный, летитъ въ страшную про-

пасть. Вскорѣ оттуда несутся крики и стоны раненныхъ и изувѣченныхъ. Гдѣ же тутъ человѣколюбіе? Не было ли бы это чудовищнѣйшей жестокостью съ моей стороны? Несомнѣнно, меня привлекли бы за это къ уголовной отвѣтственности и осудили, какъ человѣкоубійцу.

Братья, я шелъ этой дорогой лѣтъ 10 тому назадъ. Мнѣ думалось, что она безпрепятственна и всѣ пропасти покрыты мостами. Я пользовался жизнію, совершенно не думая, что есть отвѣтственность за жизнь и адъ, эта страшная пропасть съ разрушеннымъ мостомъ въ концѣ нашей жизни. Но когда Богъ открылъ мнѣ глаза, и я увидѣлъ, какая ужасная пропасть ждетъ всѣхъ беспечныхъ любителей жизни впереди, я остановился на своемъ пути и, недолго думая, повернулся назадъ, чтобы идти на встрѣчу вашей жизни, сталъ священникомъ, чтобы имѣть полное право кричать вамъ: бр., берегитесь, будьте серьезны, впереди вашей дороги есть разрушенный мостъ, остановитесь, сойдите съ этой дороги, идите къ раю, а не въ адъ!

Своимъ крикомъ я, можетъ быть, временно лишу васъ веселья и радости, но за то, съ Божіей помощью, спасу отъ гибели. Можно ли назвать это жестокостью? Я предпочитаю, чтобы меня считали жестокимъ за мое человѣколюбіе, нежели добрымъ, когда на самомъ дѣлѣ я жестокъ. Вѣдь, самый жестокій человѣкъ въ мірѣ есть тотъ, который, будучи убѣжденъ, что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ грѣховной жизни будетъ адская пропастъ, боится говорить о ней въ виду того, что одни легкомысленно не вѣрятъ въ нее и смѣются, другіе вѣрятъ, но не любятъ слушать о ней, чтобы не разстроить свое благодушное настроеніе.

Братья, *подумайте о себѣ*, не мчится ли поѣздъ *вашей* жизни прямо къ разрушенному мосту? Подумайте, а пока я, сторожъ вашего спасенія, машу краснымъ флажкомъ, который замѣняется у меня моимъ непрестаннымъ пастырскимъ словомъ, и съ мольбою и тревогою вамъ говорю: берегитесь, остановитесь во имя вѣчнаго спасенія вашего!

Священникъ Николай Чупуринъ.

ПЬЯНСТВО-ЗЛО ФИЗИЧЕСКОЕ И ПРАВСТВЕННОЕ ¹⁾).

Люди ѣдятъ и пьютъ, чтобы жить, а не живутъ для того, чтобы ѣсть и пить. Невоздержность въ пищу бываетъ причиной многихъ болѣзней, нерѣдко и преждевременной и внезапной смерти; пьянство-же составляетъ самое главное и ужаснѣйшее бѣдствіе нашего народа, причину многихъ болѣзней, переходящихъ даже по наслѣдству изъ рода въ родъ, отъ отца къ дѣтямъ. Пьянство—причина многихъ грѣховъ, преступленій, горя и несчастей: бѣдности, убожества и долговъ, отнимающихъ у человѣка здоровый и спокойный сонъ. Пьянство разоряетъ дома, цѣлыя общества и страны; вслѣдъ за нимъ идетъ голодъ, нагота и невыносимыя страданія его несчастныхъ жертвъ; оно наполняетъ тюрьмы негодьями, ворами и разбойниками, больницы и богадѣльни: идиотами, уродами и калѣками. Гдѣ царитъ пьянство, тамъ, какъ въ аду, бываетъ плачь и скрежетъ зубовъ. А сколько умираетъ народа отъ пьянства, объ этомъ и подумать страшно! отъ него погибли миллионы людей. Не столько людей погибаетъ на войнѣ отъ меча и пуль непріятельскихъ, не столько истреблено холерой, сколько погибаетъ отъ пьянства. Война и холера-бѣдствія временныя, пьянство-бѣдствіе постоянное. Есть достовѣрныя свѣдѣнія, что въ Россіи ежегодно гибнетъ отъ водки по 6,879 душъ ²⁾). Да и какъ не гибнуть столькимъ людямъ, если въ нашемъ отечествѣ, напр., за 1907 годъ выпито: 88,072000 ведеръ водки и 72,232000 ведеръ пива, т. е. если стоимость этихъ ведеръ опредѣлить деньгами, считая ведро водки по 8 р., а пиво по 2 р. за ведро, то выйдетъ, что въ 1907 году было выпито водки и пива на 855,000000 р., иначе сказать, каждый день наша Русь пропивала, да и теперь пропиваетъ около 2¹/₂ миллионъ рублей ³⁾). Такова, братіе, общая картина тѣхъ бѣдствій, которыя порождаются пьянствомъ. Если всмотрѣться въ эту картину, то увидимъ, что пьянство есть зло: и физическое и нравственное.

¹⁾ Рѣчь предъ открытіемъ общества трезвости въ с. Деревкахъ Ахтырскаго уѣзда.

²⁾ „Церк. Вѣдомости“ за 1911 г. № 1.

³⁾ Ibid.

I. Пьянство—зло физическое.

Уже самый видъ пьянаго—безобразный и непріятный показываетъ, что неумѣренное употребленіе вина крайне вредно тѣлу человѣка. Посмотрите внимательно на такого человѣка—что это за жалкое существо!! Глаза у него красные, какъ у какого-нибудь звѣря, лицо багровое, языкъ запинается и едва, едва возвращается, голосъ дрожить и хрипитъ, ноги и руки трясутся, а самъ онъ качается изъ стороны въ сторону. Таковы верхки отъ пьянства, а корешки отъ него будутъ погрознѣе. Такъ—пьяницы не доживаютъ обыкновенно ² в того числа лѣтъ, которое они могли-бы прожить. Напр., такой-то субъектъ смѣло могъ-бы прожить 75 годовъ, а онъ жилъ—только 25 годовъ: 50 годовъ отняла у него водочка. Но мало того, что пьяницы сокращаютъ собственную жизнь, они губятъ и свое потомство. Потомство пьяницъ обыкновенно бываетъ испорченное. Да и вообще дѣти, происшедшія отъ родителей, зачавшихъ ихъ въ пьяномъ видѣ, бываютъ обыкновенно пьяницами и вообще неудачными какъ по тѣлу, такъ и по душѣ. Такимъ образомъ множество болѣзней мозга и нервовъ, помѣшательство ума, многіе параличи, падучая болѣзнь, пляска св. Витта, исхуданіе мускуловъ, различныя болѣзни, легкихъ, особенно чахотка, пороки сердца, множество болѣзней желудка, печени и селезенки, особенно страданія почекъ, многіе случаи слѣпоты (темная вода) и проч., существующія теперь на свѣтѣ, зависятъ отъ того, что предки наши пили спиртные напитки и особенно водку и передали намъ свои болѣзни, происшедшія отъ водки и другихъ спиртныхъ напитковъ.

Далѣе, ученые люди утверждаютъ, что отъ холеры преимущественно умираютъ пьяницы. Напримѣръ: въ 1832 г. въ Москвѣ $\frac{4}{5}$ умершихъ отъ холеры были пьяницы.

Наконецъ, пьянство и даже умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ является величайшимъ врагомъ и для хозяйства. Обыкновенно умѣренно пьющій такъ говоритъ: „я не пьяница, сохрани Господи. Я только въ важныхъ случаяхъ—въ храмовой день, въ гостяхъ съ гостями, на свадьбѣ и т. д. выпиваю. Посмотримъ, сколько эти умѣренные люди теряютъ денегъ на водку. Если взять годовую трату денегъ на водку, бываемую у средне-зажиточнаго мужичка

и разложить эту сумму на 365 дней, то на каждый день упадетъ не менѣе 10 коп. Теперь, еслибъ этихъ гривенниковъ мы не пропивали, то въ 20 лѣтъ гривенникъ, откладываемый ежедневно, составилъ-бы 1,204 р. 50 к., а въ 40 лѣтъ 4,148 р. 30 к., а по 10⁰/₀ въ 20 л. 2088 р. 90 к., въ 40 лѣтъ 16,127 р. 90 к., Слышите, 16,127 руб. 90 к.!¹⁾ Это—сумма—большой капиталъ; такого мы и не видали, а между тѣмъ весь онъ перешелъ черезъ твои, хозяинъ, руки на водочку.

2. Пьянство—зло нравственное.

Извѣстно всѣмъ, что такія великія преступленія, какъ блудъ, прелюбодѣяніе, убійство, воровство и поджогъ чаще совершаются въ пьяномъ видѣ. Водка отнимаетъ совѣсть, помрачаетъ умъ и порождаетъ сатанинскую смѣлость и дерзость; страхъ предъ Богомъ у пьяницъ также пропадаетъ. Недаромъ у насъ существуютъ такія пословицы: „пьяный генералу равенъ, а проспится свиньи боится“. Въ 1856 г., рассказываетъ одинъ священникъ, въ моемъ приходѣ жилъ человекъ добрый и благочестивый, но жена у него была отчаянная пьяница. У него было 4 дѣтей, изъ которыхъ двое ходили въ школу, а двое меньшихъ оставались дома. Къ этому времени всѣ прихожане моей деревни перестали пьянствовать, осталось только трое неисправимыхъ пьяницъ, именно: упомянутая женщина, которую звали Марѳой, еще другая съ нею, да одинъ мужикъ. Мужъ Марѳы вскорости съ горя умеръ, оставивъ дѣтей на рукахъ такой матери. Пьянство въ ея домѣ пошло тогда безъ удержу. Умерло одно дитя, умерло и другое; остались самое старшее и маленькое. Пьяница-мать нисколько не заботилась о нихъ. Все движимое и недвижимое имущество свое она пропила. Въ домѣ остались однѣ голыя стѣны, да образа на нихъ. Разъ въ воскресеніе пьяница-хозяйка снимаетъ со стѣны св. образа и идетъ съ ними къ еврею, чтобы промѣнять ихъ на водку. Еврей отказался. Она обращается къ сосѣду съ предложеніемъ купить иконы. Сосѣдъ, чтобы спасти святыню отъ поруганія, далъ ей денегъ, хорошо зная, куда онѣ пойдутъ. Въ церкви идетъ служба, а Марѳа отправляется

¹⁾ Вычисленіе прот. Наумовича.

къ своей подругѣ съ полной бутылкой водки. Послѣ первой рюмки Марѳа вскочила съ мѣста, дико заплѣла и повалилась внезапно на землю. Позванные сосѣди подняли ее уже мертвой. Подруга же ее и послѣ этого случая не бросила пьянствовать. Прошло полгода и она подожгла чужую сосѣднюю хату съ тѣмъ, чтобы отъ нея загорѣлась хата ее мужа, который не давалъ ей денегъ на водку. За это ей пришлось просидѣть въ тюрьмѣ 2 года ¹⁾. Вотъ, братіе, до чего довела водочка! Изъ за сквернаго напитка мать своимъ недоглядомъ просто убиваетъ своихъ дѣтей, нравственно убиваетъ мужа (вѣдь онъ умеръ съ горя черезъ пьянство жены), наконецъ и себя доводитъ до позорной и нераскаянной смерти. У ней нѣтъ страха и стыда снять съ стѣны св. иконы и нести къ жиду. Другая не совѣстится поджечь чужой домъ и свой, чтобы отомстить мужу за его разумное запрещеніе пьянствовать. Вотъ какія дѣла производить пьянство. Но сей порокъ, братіе, особенно страшенъ тѣмъ, что черезъ него мы можемъ лишиться царствія небеснаго. „Пьяницы царствія Божія не наследуютъ“, говоритъ Св. Писаніе. Значить, если мы будемъ пьянствовать, то можемъ пропить не только свой разумъ, волю, трудовую копейку, но даже и царствіе небесное. И такъ пить водку вообще вредно и невыгодно, пьянствовать же къ тому еще и грѣховно. Нужно, значить, совсѣмъ бросить пить водку. Но для этого слѣдуетъ связать себя въ церкви обѣщаніемъ предъ Богомъ и людьми не пить ничего опьяняющаго въ продолженіи избраннаго срока. Нужно, значить, поступить членомъ общества трезвости. Въ этомъ случаѣ утѣшать себя тѣмъ, что „я молъ и безъ обѣщаній въ церкви могу не пить водки“, слишкомъ рискованно. Вѣдь очень и очень много соблазновъ въ мірѣ семь... Торжественное же обѣщаніе въ церкви являлось и является, какъ видно изъ опытовъ по другимъ селамъ и городамъ, однимъ изъ самыхъ сильныхъ сдерживающихъ началъ.

Священ. Андрей Сагарда-Николенко.

Деревки.

¹⁾ Примѣръ прот. Наумовича.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Протоколъ Миссіонерскаго Сѣзда духовенства 3-го округа Изюмскаго уѣзда 1911 года, января 25 дня.

Сѣздъ, состоявшій изъ 20 священниковъ и 2 діаконѣвъ, подъ предсѣдательствомъ еп. миссіонера Л. З. Кунцевича и при участіи уѣзнаго миссіонера архимандрита Арсенія, постановилъ о желательности осуществленія слѣдующихъ мѣропріятій:

1) Устраивать съ миссіонерскою цѣлью, подъ руководствомъ уѣзнаго миссіонера, сѣзды духовенства округа нѣсколькихъ сосѣднихъ приходѣвъ. Во время этихъ групповыхъ сѣздовъ іереи соборне будутъ совершать торжественныя богослуженія въ храмѣ, произносить проповѣди, составлять свои пастырскія собранія для изученія слова Божія и сектовѣдѣнія, подъ руководствомъ уѣзнаго миссіонера. Инициатива созванія этихъ сѣздовъ можетъ принадлежать какъ миссіонеру уѣздному, такъ и священникамъ приходѣвъ.

2) Признали необходимымъ выписать въ бібліотеки церквей округа книгу проф. Оболенскаго: Критическій разборъ вѣроисповѣданія русскихъ сектантовъ.

3) Признали желательнымъ сообщать корреспонденціи въ мѣстные органы печати о сѣздахъ духовенства и о церковно-общественныхъ событіяхъ, такъ какъ такія корреспонденціи, отражая церковную жизнь, свидѣтельствуютъ о движеніи и состояніи церковно-общественной жизни.

4) Констатируя фактъ усиленной пропаганды баптизма въ с. Ново-Николаевкѣ (Семеновки) и сл. Барвенковой, признали необходимымъ учрежденіе должности книгоноши миссіонера для 3-го округа Изюмскаго уѣзда. Размѣръ содержанія изъ сбора отъ церквей опредѣлили въ размѣрѣ 200 р., причемъ благочинный Сѣкирскій и священникъ А. Навроцкій заявили, что они кромѣ сего изъ своихъ личныхъ средствъ жертвуютъ каждый на содержаніе книгоноши по 25 руб. въ годъ.

5) Постановили просить Изюмское отд. Братства О. Б. М. давать для распространенія чрезъ уѣзнаго миссіонера и книгоношу возможно большее количество противосектантской листовой литературы. Епархіальный миссіонеръ ука-

залъ на изданія Спб. Еп. Мис. Совѣта съ оговоркою, что не всѣ номера этихъ листковъ могутъ быть признаны полезными.

6) Приняли предложеніе г-на епарх. миссіонера устраивать возможно чаще миссіонерскія собранія для народа (миссіонерскіе кружки), также приняли его предложеніе выписать отъ Братства О. Б. М. литографированные листки обѣщанія трезвенниковъ, какъ наглядный противовѣсъ нареканіямъ сектантовъ, что православные священники будто не учатъ народъ трезвости.

7) Настоящій протоколъ собранія за подписью всѣхъ участниковъ съѣзда, согласно § 10 правилъ о миссіонерскихъ собраніяхъ, утвержденныхъ 21 дек. 1910 г. Его Высокопреосвященствомъ, препровождается епархіальному миссіонеру для дальнѣйшаго движенія и напечатанія въ отдѣлѣ журнала „Вѣра и Разумъ“.

Епархіальный миссіонеръ *Л. З. Кунцевичъ*. Изюмскій уѣздный миссіонеръ архимандритъ *Арсеній*. Благочинный, свящ. *Михаилъ Стѣкирскій*. Священники: *Іоаннъ Колосовскій*, *Василій Оружинскій*, *Алексій Навроцкій*, *Николай Рубинскій*, *Іоаннъ Санухинъ*, *Василій Анугровъ*, *Петръ Таранскій*, *Константинъ Котляревскій*, *Петръ Черняевъ*, *Николай Яновскій*, *Митрофанъ Щербина*, *Василій Полтавцевъ*, *Григорій Жуковъ*, *Никुлищевъ*, *Антоній Дьяковъ*, *Викторъ Охотинъ*, *Александръ Анисимовъ*, *Федоръ Тимовеевъ*, *Влад. Филевскій*; діаконы *Григорій Яценко*, *діаконы Андрей Вѣлкинъ*.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Чествованіе діаконами и псаломщиками 2-го Волчанскаго округа своего благочиннаго, протоіерея о. Іакова Сильвеетровича Попова, 7 января 1911 года.

7 января 1911 г., съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, псаломщики и діаконы 2-го округа Волчанскаго уѣзда чествовали своего уважаемаго и любимаго о. благочиннаго, протоіерея о. Іакова Попова поднесеніемъ ему св. образа и адреса.

Нѣсколько сутокъ подрядъ наканунѣ и въ самый день 7-го января безпрерывно бушевала сильная метель, но стихія оказалась слабѣ чувства общей любви къ о. благочинному, и всѣ о.о. діаконы

и т.г. псаломщики собрались еще наканунѣ въ слободу Базалѣевку, гдѣ служить о. благочинный.

6 января хоръ псаломщиковъ пѣлъ вечерню, а 7-го—всенощное бдѣніе и литургію. Для участія въ соборномъ служеніи пріѣхали и нѣкоторые іереи округа вмѣстѣ съ помощникомъ благочиннаго.

Служеніе было очень торжественно, у всѣхъ чувствовался подъемъ религіознаго воодушевленія, всѣхъ объединяло святое чувство любви и сливалось въ общей молитвѣ, которая не разъ вызывала слезы на глазахъ у служащихъ и молящихся. Хоръ псаломщиковъ усиливалъ настроеніе своимъ стройнымъ и умирительнымъ пѣніемъ. Въ настоящее время псаломщики—все народъ голосистый, понимающій пѣніе и почти всѣ они управляютъ церковными хорами въ своихъ приходскихъ храмахъ.

Во время литургіи псаломщики размѣстились у солеи полукругомъ. Когда окончилась литургія, то о. благочинный съ сослужащими вышелъ изъ алтаря и сталъ на солеѣ, а другіе іереи сошли и стали впереди псаломщиковъ и вмѣстѣ съ ними запѣли тропарь: „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра!“... Псаломщикъ Васютинскій прочелъ Указъ—разрѣшеніе чествовать о. благочиннаго, а затѣмъ діаконъ Тенетка съ большимъ чувствомъ прочелъ адресъ, въ которомъ священно и церковно-служители благодарятъ о. благочиннаго за его гуманныя и всегда справедливыя отношенія къ своимъ подчиненнымъ. Привѣтствовать о. благочиннаго явились и уполномоченные отъ Волостнаго Правленія слободы Печенѣгъ, другого прихода, которые высказали въ своемъ адресѣ благодарность о. протоіерею за то, что своимъ служеніемъ онъ показалъ себя правиломъ вѣры, образомъ кротости и примѣромъ пастыря добраго; въ особенную заслугу ставили о. благочинному то, что его прихожане всегда были отзывчивы на доброе дѣло и держались въ сторонѣ отъ революціонныхъ выступленій въ лихолѣтіе 1905—1906 г., когда почти весь Волчанскій уѣздъ былъ охваченъ пламенемъ бунта и погромовъ.

Послѣ этого псаломщиками и діаконами поднесенъ былъ о. протоіерею образъ св. Апостола Іакова, имя котораго носить о. благочинный.

Принявъ св. икону, о. благочинный положилъ ее на столикъ, поклонился передъ св. образомъ и въ отвѣтной рѣчи высказалъ, что его слишкомъ много хвалятъ. „Принимая должность благочиннаго“, сказалъ о. протоіерей: „я молилъ Господа, чтобы Онъ помогъ мнѣ исполнять свои обязанности по совѣсти, и если я сдѣлалъ что либо хорошее, то это не моя заслуга: въ этомъ сказала лишь помощь

Божія. Восхваляю Господа, благодѣявшаго мнѣ...". Онъ говорилъ, что св. образъ одноименнаго съ нимъ Апостола до заката дней о. благочиннаго будетъ напоминать ему о его добрыхъ сослуживцахъ, за которыхъ онъ всегда будетъ молить св. Ап. Іакова. Рѣчь о. протоіерея была прочувствованная и горячо-сердечная, у самого оратора и почти у всѣхъ служащихъ она вызвала слезы радости.

По окончаніи рѣчи о. благочинный пригласилъ всѣхъ помолиться св. Ап. Іакову.

Всѣ пошли на средину храма и здѣсь были отслужены молебны. Послѣ Евангелія мѣстный діаконъ Евѳ. Шишкановъ обратился къ о. протоіерею съ такими словами:

„Ваше Высокопреподобіе, досточтимый о. протоіерей! Іисусъ Христосъ въ нагорной своей бесѣдѣ сказалъ: „Влаженни миротворцы“... Эти слова Господа Вы дѣйствительно осуществили и своею жизнію и своими дѣлами.

Въ теперешнее смутное время, когда враги церкви Христовой устремились на нее со всѣхъ сторонъ, да не только на мать нашу св. Церковь, но и на насъ, ея служителей,—Вы, какъ вѣрный стражъ, бодрствовали на своемъ посту и, благодаря Бога, въ нашемъ приходѣ нѣтъ ни одного богоотступника. Какихъ трудовъ, какихъ нравственныхъ мукъ это Вамъ стоило,—я не буду говорить, скажу лишь, что Вы были не только пастыремъ добрымъ, но своимъ служеніемъ проявили и змѣнную мудрость и голубиную кротость.

Однако, что значить этотъ трудъ въ сравненіи съ тѣмъ, который Вы несете, будучи въ должности благочиннаго. Я ближе другихъ стою къ Вамъ и этому дѣлу, поэтому мнѣ извѣстно это многотрудное, на Васъ возложенное бремя: сколько нужно физическихъ силъ? Сколько нравственныхъ? И сколько терпѣнія?

Не буду много говорить о физическомъ трудѣ: близко стоящіе знаютъ, каковъ онъ, знаютъ, что иногда Вы цѣлыя ночи просиживаете надъ работой и, не отдыхая, идете въ церковь совершать богослуженіе, послѣ котораго Вы, опять-таки не отдыхая, принимаетесь за работу, и такъ нѣсколько дней и ночей подрядъ.

Но физическій трудъ, въ сравненіи съ нравственнымъ и въ особенности съ Вашимъ терпѣніемъ, почти ничего не составляетъ: стать во главѣ пастырей и низшихъ членовъ причта, быть наставникомъ и ихъ руководителемъ, улаживать всѣ, между ними происходящія недоразумѣнія и все это съ любовью и кро-

тостью,—вотъ дѣйствительно есть трудъ, который снести могутъ только немногіе.

Здѣсь нужна и строгость, и мудрость, и терпѣніе, но любовью своею и въ особенности миролюбіемъ Вы побѣждали все это.

Я не знаю ни одного случая за свою пятилѣтнюю службу, чтобы Вы донесли Высшему Начальству хотя бы на одного подчиненнаго Вамъ, а все оканчивали сами своимъ судомъ, судомъ справедливымъ, судомъ любовнымъ.

Ваши внушенія, наставленія и совѣты были не выговорами начальника, но увѣщаніями любящаго и заботящагося о насъ отца. И потому мы, въ радости и горѣ, въ сомнѣніи и недоразумѣніяхъ при какихъ-либо особенныхъ случайностяхъ въ жизни и по службѣ, шли къ Вамъ, и, всегда радушно и ласково принимаемые Вами, получали опытный, мудрый совѣтъ и наставленіе, слѣдуя которымъ избѣгали многихъ ошибокъ въ жизни. А когда и случались, по неопытности и легкомыслію, ошибки съ нашей стороны, Вы были не строгимъ карателемъ, а отечески-милостивымъ увѣщателемъ и наставникомъ нашимъ.

И что же, хотя одинъ изъ здѣ стоящихъ заявитъ, что онъ за что нибудь недоволенъ Вами? Нѣтъ, не ошибусь, если скажу, что всѣхъ насъ собрала сегодня въ этотъ святой храмъ только горячая любовь къ Вамъ и глубокая преданность.

Подобно любящимъ дѣтямъ, мы всѣ собрались сегодня привѣтствовать Васъ, какъ дорогого отца, и счастливы тѣмъ, что можемъ хотя чѣмъ либо выразить свои чувства. Помолитесь о Вашемъ благоденствіи собрались сегодня всѣ Ваши прихожане, и даже прихожане сосѣднихъ слободъ явились привѣтствовать Васъ. Чѣмъ же объяснить все это? Отвѣтъ намъ даетъ св. Апостолъ: „Слава, честь и миръ дѣлающему благое!“ Я присоединяюсь къ общему голосу и горячо молюсь: „Милосердный Господи! пошли Вамъ еще многая и многая лѣта!“

О. благочинный благодарилъ за высказанныя чувства.

Послѣ богослуженія о. благочинный пригласилъ всѣхъ о.о. діаконовъ и г.г. псаломщиковъ къ себѣ въ домъ, гдѣ съ обычнымъ радушіемъ предложенъ былъ гостямъ чай и обѣдъ.

И въ домѣ о. благочиннаго время прошло съ сердечной простотою. Казалось, хозяинъ и хозяйка задались цѣлю переспорить другъ друга въ любезности. И всѣ гости едиными усты и единымъ сердцемъ желали о. протоіерею, благочинному-отцу и его симпатичнѣйшей супругѣ Иринѣ Григорьевнѣ многая и многая лѣта.

На другой день приглашенъ былъ изъ сосѣдней слободы (Печенѣгъ) фотографъ, и о. благочинный, по просьбѣ о.о. діаконовъ и г.г. псаломщиковъ, снялся вмѣстѣ съ ними на память о днѣ 7-го января, такъ родственно-душевно проведенномъ и въ храмѣ во время молитвы, и за хлѣбомъ-солью у о. благочиннаго.

Слободы Мартовой, Волчанскаго уѣзда 2-го округа,
Священникъ Владиміръ Навродскій.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Начало приготовленій къ торжествамъ прославленія святителя Іоасафа, Бѣлгородскаго чудотворца.

21 декабря Курскимъ Архипастыремъ, Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Питиримомъ фактически положено благословенное начало приготовленій къ единственному въ исторіи курской епархіи событію. Въ этотъ день въ архіерейскій домъ къ 11 часамъ прибыли, согласно приглашенію, Преосвященный Іоанникій, Епископъ Бѣлгородскій, князь Н. Д. Жеваховъ, Непремѣнный Членъ Землеустроительной Коммиссіи по Бѣлгородскому уѣзду В. В. Кузьминъ, о. ректоръ Курской духовной семинаріи, протоіерей Іаковъ Новицкій, каѳедральный протоіерей Іоаннъ Платоповъ, инспекторъ епархіальнаго женскаго училища священникъ Василій Ивановъ, ключарь протоіерей Константинъ Поповъ, предсѣдатель совѣта епархіальнаго училища протоіерей Ілія Булгаковъ, преподаватель семинаріи Г. И. Булгаковъ, священникъ каѳедрального собора Владиміръ Одинцовъ, епархіальный архитекторъ В. Г. Слесаревъ и секретарь епархіальнаго архіерея П. Г. Колмаковъ.

Къ означенному времени представитель фирмы Хлѣбниковыхъ — В. И. Педашенко помѣстилъ по стѣнамъ зала рисунки проектируемой серебряной раки для честныхъ мощей святителя Іоасафа, а также образцы художественной чеканной работы и модель бронзовыхъ украшеній для сѣни надъ гробницею для св. мощей.

Предварительно начала засѣданія намѣстникомъ Знаменскаго монастыря іеромонахомъ Іерономъ была отслужена панихида. Святая сосредоточенность всѣхъ молящихся, теплящіеся свѣтильники въ рукахъ присутствующихъ, единодушное колѣнопреклонное моленіе при пѣніи „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“ все это переносило

мысль и чувство туда, гдѣ для однихъ—„жизнь безконечная“, а для другихъ „воздыханіе“.

По совершаніи панихиды Его Высокопреосвященство приступилъ къ оглашенію письменныхъ документовъ, относящихся къ предмету собранія.

Прежде всего былъ прочитанъ указъ Св. Синода объ утвержденіи состава комиссіи по сооруженію раки для честныхъ мощей св. Іоасафа. Раку и сѣнь надъ оной комиссія будетъ сооружать по эскизу (рисунку) академика Покровскаго, на коемъ рисунокѣ воспоминательная Высочайшая отмѣтка отъ 5 мая 1910 г. Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны—„одобряю“. Затѣмъ Высокопреосвященный ознакомилъ собраніе и съ другими письменными документами, имѣющими второстепенное значеніе въ обсуждаемомъ вопросѣ.

Собраніе приступило къ осуществленію возложенной на него задачи по выработкѣ деталей заказа и условій на исполненіе фирмой Хлѣбниковыхъ серебрянной раки для мощей и сѣни. Изъ двухъ представленныхъ рисунковъ раки для мощей собраніе единодушно остановило свой выборъ на одномъ изъ нихъ, хотя менѣе покрытомъ рельефами, но за то болѣе тонкомъ по рисункамъ украшеній, изящномъ по общему своему виду и въ тоже время устойчивомъ по своей прочности. Вопросъ о заказѣ къ исполненію сѣни надъ ракою со св. мощами не могъ однако рѣшиться окончательно вслѣдствіе отсутствія автора эскиза для сихъ сооружений—архитектора Покровскаго, который могъ бы дать болѣе подробныя разъясненія относительно характера исполненія составленнаго имъ эскиза. Окончательное рѣшеніе вопроса поэтому отложено до февраля 1911 г., когда долженъ возвратиться изъ-заграницы г. Покровскій, къ каковому времени выяснится и вопросъ о средствахъ, какими можетъ располагать комиссія.

Обсужденіе всѣхъ подробностей относительно устройства раки, мраморнаго постамента для нея, фундамента подъ все проектируемое сооруженіе, при терпѣливомъ отношеніи Высокопреосвященнаго къ мнѣнію cadaго участника собранія, хотя бы это мнѣніе диаметрально расходилось съ создавшимся общимъ настроеніемъ,—заняло время отъ 12 до 5 часовъ вечера безъ перерыва. Только въ 10 минутъ шестого Его Высокопреосвященство резюмировалъ въ окончательной формѣ высказанныя положенія, поручилъ составить журналъ настоящаго собранія и редактировать проектъ условія съ фирмой Хлѣбниковыхъ на исполненіе раки съ кипариснымъ гробомъ для св.

мощей, стоимостью въ 10.000 руб. и объявилъ перерывъ занятій до 8 часовъ вечера.

Къ 8 часамъ выработанъ былъ проектъ условія съ фирмой Хлѣбниковыхъ, который прочитанъ въ присутствіи всѣхъ собравшихся, а затѣмъ подписано прочитанное условіе членами комиссіи, утвержденной на сей предметъ Святейшимъ Синодомъ.

Такъ завершилось благословенное начало въ дѣлѣ приготовленій къ предстоящему прославленію Угодника Божія Іоасафа Бѣлгородскаго.

Слава Богу, благодарящему намъ!

Священникъ Владиміръ Одинцовъ.

„Кур. Еп. Вѣд.“.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Гдѣ и какъ искать Бога?

Какъ бы человекъ ни былъ ограниченъ умственно, онъ не можетъ не чувствовать необходимости признавать существованіе Верховнаго Существа, какъ разумнаго первоисточника жизни во всей вселенной. Такое признаніе—необходимое требованіе человеческого духа. Оно диктуется человеку внутреннимъ голосомъ изъ глубочайшихъ тайниковъ его существа, оттуда, гдѣ коренится непосредственное духовное чувство. Мысль о Богѣ живетъ непремѣнно въ каждомъ человекѣ; она неотдѣлима отъ человеческой природы. Эта мысль можетъ временно находиться какъ бы въ состояніи покоя; человекъ ею не занимается. Она можетъ быть и мотивомъ для борьбы съ нею же, когда носитель ея поставитъ вопросы: откуда эта мысль? что лежитъ въ ея основѣ? соотвѣтствуетъ ли ей что-либо въ мірѣ явленій? и, опираясь на данныя чувственнаго опыта, пойдетъ походомъ не нее, воюя противъ себя и противъ Бога. И въ этомъ случаѣ мы имѣемъ исканіе Бога, хотя и въ своеобразной формѣ. Исканіе Бога представляетъ собою стремленіе раскрыть присущую природѣ человека идею о Богѣ, выяснить содержаніе этой идеи.

Такое направленіе человеческого духа—уже признакъ известнаго оздоровленія въ духовномъ организмѣ человека. Оно—явленіе вполне нормальное.

И вотъ, какъ мы указали раньше, въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ замѣчается поворотъ именно въ этомъ направленіи.

Харьковскій профессоръ докторъ медицины А. Шилтовъ отмѣтилъ это движеніе въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ и стремится пойти ему навстрѣчу изданіемъ брошюръ, содержащихъ въ себѣ отвѣты на волнующіе въ настоящее время многихъ вопросы.

Проф. А. Шилтовъ отмѣчаетъ фактъ невѣрія образованныхъ классовъ христіанскихъ націй. Причину этого явленія онъ видитъ въ преклоненіи предъ выводами положительныхъ наукъ и полномъ незнакомствѣ, какъ образованныхъ классовъ общества, такъ и представителей положительныхъ наукъ, съ областью теологіи. По его мнѣнію, указанная причина не оправдываетъ невѣрія.

Христіанство сверхъестественно. Положительная наука не хочетъ знать сверхъестественныхъ явленій. Однако, ученые, а за ними и образованные классы общества, потому только скептики и невѣрующіе, что считаютъ возможнымъ всѣ явленія природы объяснить физико-химическими законами. Они отрицаютъ всѣ сверхъестественныя явленія голословно, не будучи на дѣлѣ знакомы съ ними. Стоитъ только скептикамъ и невѣрующимъ убѣдиться въ существованіи сверхъестественныхъ явленій (т. е., такихъ явленій, которыя не могутъ быть восприняты органами нашихъ пяти чувствъ), и для нихъ станетъ очевидной вся несостоятельность матеріалистическаго міропониманія и полная невозможность чувственнымъ познаніемъ постичь всю вселенную. Такъ, фактъ, установленный научно,—дѣйствіе воли на разстояніи, внѣ воздѣйствія внѣшнихъ чувствъ человѣка, есть фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ присутствіе въ человѣкѣ начала сверхъестественнаго, слѣдовательно, духовнаго. Такъ какъ это начало не матеріальное, оно разлагаться и исчезнуть не можетъ. Но если существуетъ въ человѣкѣ нематеріальное и разумное начало, не имѣющее ничего общаго съ функціей мозга, становится яснымъ, что оно не можетъ подчиняться закону времени. Отсюда же вытекаетъ неразрушимость нематеріальнаго и разумнаго начала, а, слѣдовательно, неизбежность загробнаго продолженія жизни человѣка. А разъ это духовное начало имѣетъ разумъ и личность въ человѣкѣ, какъ существѣ относительномъ, то тѣмъ болѣе абсолютное начало не можетъ быть неразумнымъ и безличнымъ. Отсюда слѣдуетъ неизбежность существованія личнаго и живого Бога. На все это не обращаютъ вниманіе ученые и образованные классы общества.

Помимо того, выводы положительныхъ наукъ вѣчно колеблются.

Безчисленныя научныя гипотезы и теоріи быстро смѣняются другъ друга, а истина остается для науки неразгаданной.

Оффициальная наука до сихъ поръ считала истиной, что всѣ химическіе элементы не разложимы, между тѣмъ въ самое послѣднее время извѣстными учеными открыты поразительные факты, указывающіе на несомнѣнную разложимость химическихъ элементовъ. Такимъ образомъ, въ химіи произошелъ радикальный переворотъ, уничтожившій всѣ современныя понятія объ этой наукѣ.

Равнымъ образомъ, оффициальная наука потерпѣла фіаско и въ другой области. До сихъ поръ признаваемый въ наукѣ фактъ, что всѣ явленія въ природѣ имѣютъ непрерывный характеръ и что каждое явленіе фатально слѣдуетъ за извѣстной причиной—оказался несостоятельнымъ; а на этомъ фактѣ основаны всѣ законы повѣйшей позитивной науки и самый дарвинизмъ. Въ силу этого закона ученые заключаютъ, что если каждое явленіе имѣетъ свою причину и слѣдуетъ за нею по необходимости, то при непрерывныхъ явленіяхъ не можетъ быть рѣчи о нравственной свободѣ человѣка. Между тѣмъ въ новѣйшее время нѣкоторые выдающіеся ученые доказали, что одними непрерывными явленіями нельзя объяснить всѣхъ явленій міра, что наряду съ непрерывными явленіями въ природѣ существуютъ и явленія прерывистыя. Если въ природѣ существуютъ прерывистыя явленія, то не можетъ быть слѣпого фатализма, нѣтъ категоріи причинности а, напротивъ, есть произволь въ человѣческихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, есть свобода нравственная, свобода воли.

Все это подтверждаетъ мысль, что научное невѣріе не имѣетъ за собою достаточныхъ оснований и не оправдываетъ невѣрія образованныхъ классовъ общества. Мало того, противъ невѣрія науки и образованныхъ классовъ общества и такой простой фактъ: люди дѣйствительно ученые и люди всесторонне образованные всегда—люди вѣрующіе. „Нѣтъ надобности перечислять этихъ многочисленныхъ именъ“, говоритъ проф. А. Шилтовъ. „Да и въ настоящее время мнѣ известны у насъ въ Россіи многіе врачи и профессоры, которые, быть можетъ, по недостатку гражданскаго мужества, не сознаются открыто въ своихъ вѣрованіяхъ, но въ частномъ кругу своихъ близкихъ лицъ и друзей выдаютъ себя за истинныхъ христіанъ“. „Крайне важно и то, что было и есть не мало ученыхъ, которые убѣдились въ бессиліи науки опровергнуть христіанство и сознательно примкнули къ послѣднему“. Этому содѣйствовала отчасти экспериментальная психологія. „Укажите мнѣ, говоритъ проф. А. Шилтовъ, на нашей планетѣ, съ того времени какъ появился на ней человѣкъ и до нынѣ, хотя бы единого смертнаго, котораго можно было бы признать абсолютно совершеннымъ. Если вы укажете на такого смертнаго, тогда

я всецѣло соглашусь съ вами, что и Христосъ могъ быть обыкновеннымъ человѣкомъ“. Даже Ренанъ сказалъ о Христѣ: „между Тобою и Богомъ нѣтъ разницы“.

Проф. А. Шилтовъ совѣтуетъ невѣрующимъ людямъ: 1) учиться и 2) попробовать жить согласно заповѣдямъ Христа Спасителя.

Учиться слѣдуетъ многому, но прежде всего — теологіи и богословію. Богословіе современное намъ — не метафизика. Оно — точная наука. Въ основѣ его лежатъ историческій и опытный (экспериментальный) методы. Выводы богословія точны и построены на солидномъ фундаментѣ.

Жизнь согласно заповѣдямъ Христа Спасителя даетъ невѣрующему или сомнѣвающемуся личный опытъ, т. е. неопровержимое доказательство правильности пути, указаннаго Иисусомъ Христомъ, и основаніе убѣдиться въ Божествѣ Его. „Я глубоко убѣжденъ“, говоритъ проф. А. Шилтовъ, что если бы цѣлыя группы свѣтскихъ ученыхъ въ различныхъ христіанскихъ государствахъ рѣшились испытать на самихъ себѣ внутренній религіозный опытъ, то они могли бы вызвать такой колоссальный переворотъ въ мірѣ въ пользу христіанства, какого не было еще въ исторіи съ самаго начала христіанской эры“.

Внутренній религіозный опытъ — дѣло не такое трудное, какимъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда. „Иго Христа“, по Его же словамъ, „очень легко“.

Что отъ васъ требуется? Да ничего особеннаго. Вы должны усвоить Евангеліе въ первоисточникѣ и познакомиться съ толкованіями евангельскаго текста у богослововъ. Когда сдѣлаете это, попробуйте жить по Евангелію.

Вы должны соблюдать заповѣди: не убій, не укради, не прелюбодѣйствуй, чти отца и мать, и проч. Вы не будете лгать и „божиться“: это некрасиво. Вы перестанете осуждать другихъ просто для того, чтобы васъ не осуждали другіе. Вы постараетесь всякое недоразумѣніе покончить миромъ, памятуя евангельскую вдову: сколько ее, бѣдную, водили въ судахъ! Вы не будете бояться смерти, ибо воочію убѣдитесь въ нашемъ личномъ безсмертіи. Вы, дисциплинируя вашу жизнь, научитесь владѣть собою и перестанете обижаться каждымъ пустякомъ. Вы научитесь понимать людей и извинять ихъ недостатки. Вы станете милостивыми по отношенію къ нимъ и будете давать имъ „милостыню“. Вы оцѣните тогда тѣ блага, которыя предлагаются вамъ святой православной католической церковью въ таинствахъ ея. Вы поймете, какое громадное значеніе имѣетъ въ

жизни человѣка молитва, сколько чарующе-прекраснаго въ нашемъ богослуженіи, какая дивная музыка скрывается въ тѣхъ движеніяхъ человѣческаго сердца, которыя ежедневно наполняютъ собой православный храмъ во время богослуженій. Вы станете прислушиваться къ тому, что читаютъ и поютъ въ церкви, вникните въ смыслъ его, проникнитесь общимъ настроеніемъ, и сами проникните за таинственную для васъ завѣсу.

Повѣрьте, что если все это вы сдѣлаете, ваша жизнь станетъ иною, ваша жизнь будетъ радостной жизнью, какою и должна быть, если она соотвѣтствуетъ законамъ человѣческой природы.

Конечно, многое изъ сказаннаго вы дѣлаете и теперъ, но дѣлаете бессознательно и не настойчиво. Попробуйте дѣлать сознательно, долго, на примѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже цѣлаго года. Вы станете инымъ человѣкомъ. Ваше сердце очистится, и вы узрите Бога.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ДУХОВНЫЙ ПОРТНОЙ

ПАВЕЛЪ ЕМЕЛЬЯНОВИЧЪ КОСТЕНКО

Преемникъ **ФЕНЧЕНКА**.

— Харьковъ, Университетская ул. № 2, квартира 8. —

ПРИНИМАЮ ЗАКАЗЫ

НА ВСЕ ЧТО НУЖНО ДЛЯ ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВА.

Исполненіе хорошее по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

ХАРЬКОВСКОЕ ЕПАРХІАЛЬНОЕ НАЧАЛЬСТВО,

согласно опредѣленію своему отъ 20 мая—12 іюня 1910 года, рекомендуетъ духовенству Харьковской епархіи и всѣмъ любителямъ благолѣпія храмовъ Божіихъ обращаться съ заказами на всевозможныя иконописныя работы и росписаніе храмовъ Божіихъ въ учебную иконописную мастерскую Высочайше учрежденнаго Комитета Попечительства о русской иконописи въ слободѣ Борисовкѣ, Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда.

Окончившіе курсъ мастера этой школы подъ непосредственнымъ руководствомъ Класснаго Художника Владиміра Сергѣевича Богданова и др. лицъ, обучающихся въ мастерской, выполняютъ всевозможныя иконописныя работы по весьма удешевленнымъ цѣнамъ. Приемъ въ мастерскую учениковъ отъ 10 до 15 лѣтняго возраста, окончившихъ курсъ не ниже начальной школы, производится ежегодно въ Августѣ мѣсяцѣ. Обученіе въ мастерской бесплатное.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ

II-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ, ВЪНПАРТІЙНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КЪ СВѢТУ“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой по г. Твери: на годъ—2 р., на 6 мѣсяцевъ 1 р., въ другіе города: на 1 годъ—2 р. 30 к., на 6 мѣсяцевъ—1 руб. 15 к.; безъ пересылки: на 1 годъ—1 р. 50 к., на 6 мѣсяцевъ—75 к.

Адресъ редакціи и конт.: Тверь, Власьевское Общество Трезвости.

Программа журнала: 1) Религіозно-нравственный отдѣлъ (бесѣды, статьи религіозно-нравственнаго и бытоваго характера, очерки, рассказы и стихотворенія). 2) Дѣло трезвости на Руси (литературныя и научныя статьи по вопросу о пьянствѣ; борьба съ алкоголизмомъ у насъ въ Россіи и заграничей путемъ различныхъ антиалкогольныхъ организацій; попечительства о народной трезвости; очерки жизни и дѣятельности приходскихъ обществъ трезвости; кружки и союзы трезвости; антиалкогольныя выставки, съѣзды; антиалкогольная литература). 3) Церковно-общественная жизнь. 4) Жизнь деревни. 5) Тверской край и мѣстная жизнь. 6) Изъ газетъ и журналовъ. 7) Переписка съ читателями. 8) Библіографія и смѣсь.

Цѣль журнала: а) подѣ знаменемъ вѣчныхъ завѣтовъ Христа звать читателя къ источнику истиннаго свѣта—Христу и правдѣ Его; б) звать человѣка-христіанина къ освобожденію отъ путъ неправды, грѣха и пороковъ, отъ всего того, что удаляетъ его отъ пути Божія и правды Его; в) внести хоть слабыя лучи свѣта, лучи вѣры и знанія въ темную и бѣдную деревню; г) раскрыть, наконецъ, предъ глазами читателей страшную картину пьянства народнаго, ужасную картину разложенія отъ пьянства семьи, общества, государства; д) помочь тѣмъ, кто изнываетъ подъ бременемъ этой страсти и ищетъ выхода и свѣта; е) поддержать и объединить всѣхъ труженниковъ на нивѣ народнаго отрезвленія, всѣхъ искреннихъ борцовъ за свѣтлое будущее нашей дорогой родины.

Лицъ, сочувствующихъ дѣлу изданія, покорнѣйше просимъ поддержать насъ своими знаніями, опытомъ, совѣтами и непосредственнымъ участіемъ въ журналѣ.

Статьи направлять на имя редакціи.

Журналъ въ первый же годъ своего существованія заслужилъ лестные отзывы со стороны своихъ подписчиковъ и читателей, какъ: „симпатичный“, „славный“, „идейный“, „содержательный“, „доступный“ для народа“, „необходимый для духовенства“, „незамѣнимый“, „дешевый“. Мѣстнымъ Епархіальнымъ съѣздомъ духовенства и церковныхъ старостъ Тверской епархіи 17 декабря сего года постановлено: выписывать журналъ всѣмъ церквамъ и причтамъ епархіи. Отзывы о журналѣ помѣщены въ № 47—48 „Къ Свѣту“, каковой для ознакомленія можетъ высылаться Редакціей желающимъ бесплатно.

Въ качествѣ приложеній къ каждому № журнала будетъ прилагаться книжка противъ пьянства изъ серіи: „Друзьямъ Трезвости“.

Журналъ за 1910 годъ можетъ быть высланъ за 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Редакторъ-издатель Свящ. Н. В. Лебедевъ.

„Свѣточъ и Дневникъ Писателя“

ежемѣсячный иллюстрирован. литературно-научный

ЖУРНАЛЪ для ВСѢХЪ.

Въ 1911 году онъ будетъ включать въ себѣ слѣдующ.

==== отдѣлы: =====

I. Литературно-научный. (Стихи, романы, повѣсти, рассказы и проч. Статьи по вопросамъ науки, искусства, литературы: этнографическіе очерки и историческіе очерки и рассказы). II. Критика и Библиографія. (1. Критическія статьи о писателяхъ и выдающихся произведеніяхъ литературы. 2. Книжное обозрѣніе (разборъ книгъ). 3. Журнальное обозрѣніе (разборъ журналовъ свѣтскихъ и духовныхъ). Библиографія будетъ поручена нѣсколькимъ опытнымъ сотрудникамъ, по ихъ специальностямъ; журнальное обозрѣніе будутъ вести: Л. Д. Гончаревскій и М. Н. Лосевъ. (Обозрѣнія будутъ въ каждомъ №-рѣ). III. Изъ разныхъ краевъ. (1. Письма изъ Петербурга и разныхъ мѣстъ Россіи, а также и изъ-за границы—нашихъ корреспондентовъ. 2. Что пишутъ другимъ). IV. Въ Первопрестольной. (Очерки москов. жизни). V. По Весямъ и Градамъ. (Руководящее обозрѣніе русской жизни. (Этотъ отдѣлъ порученъ опытному старому литератору, участіе котораго случайно прервалось его болѣзью. Вернувшись изъ-за границы, онъ будетъ неуклонно слѣдить заявленіями русской жизни). VI. Зарубежные Наброски. (Обозрѣніе заграничной жизни преимущественно общественно-бытового характера, но со включеніемъ и фактовъ политической жизни). VII. На помощь Семьѣ и Школѣ. (Въ области школьнаго и семейнаго воспитанія.—Полезные совѣты изъ обл. медицины, гигиены и житейскаго обихода.—Библиографія.—Списокъ полезныхъ книгъ). VIII. Обо Всемъ. (1. Интересное въ печати по всеѣмъ областямъ знанія, жизни, искусства, политики. 2. На поляхъ газетъ и журналовъ). IX. Искры. (Сатира и юморъ.—Беллетристика, стихи, фельетоны. Каррикатуры). X. Со Стороны. (Полемика и голоса изъ публики). XI. Научныя Замѣтки. (Научн. новости, біографіи ученыхъ дѣятелей и пр.) XII. Дневникъ Писателя. (Бесѣды по текущимъ вопросамъ и вообще по вопросамъ жизни, этики, литературы и политики). XIII. Смѣсь. XIV. Ноты. XV. Красныя Слова. XVI. Почтовый Ящикъ. XVII. Приложенія. XVIII. Объявленія.

Журналъ выходитъ въ 1-хъ числахъ кажд. мѣсяца, при чемъ №№ за май—іюнь и іюль—августъ слитными книжками.

По примѣру прежнихъ лѣтъ въ журналъ будутъ помѣщаться иллюстраціи на отдѣльныхъ листахъ и въ текстъ. Въ 1911 году всѣ годовые подписчики (какъ внесшіе подп. плату всю сразу, такъ и подписавш. въ разсроч.) получаютъ: 1) 12 №№ иллюстрирован. журнала и бесплатныя приложенія и преміи. 2) „Побѣда“, повѣсть А. В. Круглова. 3) Цвѣточное Кружево. (Узоры творческ. мысли). Сборникъ этюдовъ. „Маленькій Свѣточъ“—журналъ для дѣтскаго чтенія. (Подарокъ дѣтямъ подписчиковъ.) 5 иллюстр. №№ 5) Иллюстрированный календарь на 1911-й годъ.

Кромѣ сего: всѣ подписавшіеся на 1911 г. до 25 декабря 1910 г. и внесшіе сразу полную подписную плату 4 рубля получаютъ БЕЗПЛАТНО: 1) Брошюру „Въ Чемъ Счастье?“ 2) „Вечернія Пѣсни“. Томъ стихотвореній А. В. Круглова (1903—1910 г.г.), изящно изданный, на хорошей бумагѣ, съ портретомъ и факсимиле автора. И не бывшіе

подписчиками на журналъ въ 1910-мъ г. могутъ кромѣ этого получить: 3) Полный Комплектъ 1910 года за 3 р. вмѣсто 4-хъ руб.

Подписная цѣна на журналъ съ пересыл. по Россіи и съ достав. въ Москвѣ: годъ—4 р., полг.—2 р. Безъ доставки въ Москвѣ—3 р 60 к. годъ. За границу только на годъ — 6 р. 50 к.

Выписывающіе сразу 10 годовыхъ экз. и вносящіе сполна подп. цѣну получ. 11-й экз. бесплатно. За комиссію книжн. магазинамъ и конторамъ, прин. подписку, 20 коп. съ годового экз.

Разсрочка допускается для годовыхъ: 2 р., при подпискѣ, 2 р. къ 1-му марта. (Всѣ, не сдѣлавшіе второго взноса къ 1 марта, переносятся въ полугодовые, не имѣющія уже права на получение премій. Полугодовые, переходя въ годовые, уже не пользуются правами годовыхъ.) Разсрочные пользуются всеми правами годовыхъ.

Адресъ: Москва, Тверская, уг. Брюсовскаго, домъ граф. Олсуфьевой.

Открыта подписка на 1911 г. на журналъ

1910 г. „Вопросы Философіи и Психологіи“. Годъ XXI

Изданіе МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

на 1911 г.

Вышла 5-я (ноябрь—декабрь) книга 1910 года.

Ея содержаніе: Отъ Редакціи. Памяти Вл. С. Соловьева. Л. Лопатина. Владиміръ Соловьевъ и его дѣло. Кн. Евгенія Трубецкаго. Природа въ философіи Вл. Соловьева. С. Булгакова. Джемсъ, какъ религіозный мыслитель. С. Котляревскаго. Н. И. Пироговъ, какъ типъ русскаго. В. Чижа. Этика Д. Юма. Краткія критическія замѣчанія. Н. Бердяева. Природа философскаго сомнѣнія. В. Эрн.

Критика и библиографія. I. Обзоръ книгъ. II. Библиографическій листокъ. Извѣстія и замѣтки. Polemica. Отвѣтъ проф. Новгородцеву. В. Савальскій. Г. Савальскій о самомъ себѣ и о другихъ. П. Новгородцевъ. Матеріалы для журнальной статистики. Объявленія.

Юбилейный № 103 продается отдѣльно. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и ноября) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1-го января 1911 г. по 1-е января 1912 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышовскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и другихъ.

Редакторъ Л. М. Лопатинъ.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго; какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Биографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каволической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова,---„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ **приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминонъ.